

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ИАНА НИКОГЛО

ЭТНИЧНОСТЬ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ГАГАУЗОВ

Chişinău
2022

Рекомендовано к изданию
ученым советом Института культурного наследия
Министерства культуры Республики Молдова.
Протокол № 5 от 29 сентября 2022 г.

Работа выполнена в рамках проекта 20.80009.1606.02: *Evoluția tradițiilor și procesele etnice în Republica Moldova: suport teoretic și aplicativ în promovarea valorilor etnoculturale și coeziunii sociale.*

*Книга посвящается
моей маме — Неониле Никогло (Олейник)*

Рецензенты:

Е. Сорочяну, доктор филологии (Кишинев, Республика Молдова)

И. Кауненко, доктор психологии (Кишинев, Республика Молдова)

Е. Водинчар, доктор истории (София, Болгария)

Настоящая монография написана в междисциплинарном ключе и посвящена исследованию этничности в художественной литературе гагаузов. В работе рассматривается отражение различных компонентов этнической идентичности — региональной, языковой, религиозной, т. е. представлений о большой и малой родине, о родном языке, о религиозной принадлежности, а также представления об этнической территории, о предках. Кроме того, исследуется отражение таких нравственных ценностей, как отношение к труду, отношение к старшему поколению. Внимание уделяется также анализу отражения этнографических реалий — обычаев, обрядов календарного и семейного цикла; хозяйственным занятиям; элементам материальной культуры. Книга адресована этнологам, историкам, фольклористам, преподавателям лицеев и вузов, студентам, а также всем, кто интересуется этнографией, историей и культурой.

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII DIN REPUBLICA MOLDOVA

Никогло, Диана

Этничность в художественной литературе гагаузов / Диана Никогло; Министерство культуры Республики Молдова, Институт культурного наследия. – Chișinău: S. n., 2022 (Notograf Prim). – 248 p.

Rez.: lb. rom. – Список произведений художественной литературы: p. 245-246. – Bibliogr.: p. 238-244. – 100 ex.

ISBN 978-9975-84-172-6.

39:821.09

H 630

Содержание

От автора	4
Вместо введения: Теоретико-методологические подходы к исследованию этничности в художественной литературе.....	6
Глава I. Опыт исследования этничности в художественном слове	
§ 1. Этническая тематика в работах зарубежных исследователей-литературоведов	21
§ 2. Отражение этнической тематика в художественной литературе: опыт исследователей Республики Молдова	28
§ 3. Исследования этничности в художественной литературе гагаузов: историография проблемы.....	51
Глава II. Общие сведения о появлении и развитии художественной литературы гагаузов	
§ 1. Появление письменности гагаузов как импульс к развитию художественной литературы	58
§ 2. Некоторые сведения о деятельности гагаузских писателей и их вкладе в этнокультурное развитие гагаузов	60
Глава III. Отражение региональной, языковой и религиозной идентичностей в гагаузской литературе	
§ 1. Восприятие Буджака в творчестве гагаузских писателей.....	77
§ 2. Восприятие родного языка в художественной литературе	120
§ 3. Отражение религиозной идентичности в художественной литературе гагаузов.....	131
Глава IV. Отражение исторического прошлого гагаузов в художественной литературе	
§ 1. «Добалканский» период в истории гагаузов.....	150
§ 2. «Балканский» период в истории гагаузов.....	168
§ 3. «Бессарабский» период в истории гагаузов	179
Глава V. Отражение нравственных ценностей и этнографических элементов в художественной литературе гагаузов	
§ 1. Отношение к труду.....	183
§ 2. Отношение к представителям старшего поколения	198
§ 3. Этнографические реалии в художественной литературе	207
Заключение	233
Список литературы	238
Список произведений художественной литературы	245
Rezumat	247

ОТ АВТОРА

Настоящая монография посвящена изучению отражения этничности в художественной литературе гагаузов. Гагаузы являются младописьменным народом. Известно, что письменность они обрели лишь в 1957 г. Вторая половина XX в. ознаменовалась мощным этнокультурным развитием. В эту эпоху в гагаузской среде формируется творческая интеллигенция — писатели, художники, композиторы, музыканты. Выходят книги на родном языке. С обретением Республикой Молдова независимости (1991) и созданием АТО Гагаузия (1994) этнокультурное развитие гагаузов вышло на новый этап. За последние 30 лет наблюдается устойчивая тенденция расширения сферы функционирования гагаузского языка. Количество изданных книг художественной литературы в гагаузской среде значительно возросло, в сравнении с предыдущим периодом.

Изначально, не имея своей литературной традиции, гагаузские писатели опирались на народное творчество — образцы фольклора и традиционно-бытовую культуру. Из этого источника они черпали свое вдохновение. Благодаря этому творчество гагаузских литераторов глубоко народно, насыщено этнографическими реалиями и размышлениями об истории гагаузов, их предков.

Мне как автору было интересно исследовать, каким народным традициям отдают предпочтение авторы, какие нравственные ценности они считают приоритетными и, конечно, как ими воспринимается большая и малая родина, родной язык, религия, которую они исповедуют. Иными словами, я решила методом исследования выяснить, как в художественной литературе отражена этническая идентичность гагаузов. В данном случае речь идет о представителях творческой элиты, которая является наиболее чувствительной к вопросам, связанным с судьбой народа, его языка и культуры в целом. В первых рядах борцов за сохранение культурного наследия, как правило, писатели, художники, музыканты — все, кто напрямую причастен к культуре своего народа, ее развитию и наследию. Своим творчеством гагаузские писатели транслируют информацию по истории гагаузов, их культуре и народным традициям, призывают сохранять доставшееся от предков наследие. Тем самым представители гагаузской, в частности, интеллигенции способствуют утверждению и сохранению народной и национальной идентичности. Следует подчеркнуть, что в освещении ряда тем гагаузские писатели демонстрируют единство мышления, что свидетельствует о едином векторе развития их этнического самосознания.

Неслучайно эпитафией в данной работе были выбраны слова немецкого писателя XIX в. Густава Фрейтага: «В душе каждого человека находится миниатюрный портрет его народа».

Каждый гагаузский писатель, являясь носителем языка и культуры, создает представление о своей этнической общности, знакомя читателей с идеалами и чаяниями своего народа.

Исследование выполнено в этнологическом ключе и вписывается в такое научное направление, как *этнолитература*. Литературные тексты выступают в качестве источника. При этом внимание акцентируется не на эстетической стороне литературы, а на ее этномобилизационном потенциале.

Разумеется, мы не могли и не ставили перед собой задачу охватить все литературные произведения, т. к. в одной работе невозможно осветить такой широкий тематический пласт. Ряд произведений, тем и сюжетов планируется представить в следующей монографии, где литература также будет выступать одним из источников.

Безусловно, исследование было бы невозможным без поддержки коллег и друзей. Я признательна за внимание и поддержку руководства Института культурного наследия — директору В. Гилаш, заместителю директора А. Долги, ученому секретарю Н. Градинару, а также директору Центра этнологии И. Думиника и зав. Секцией «Этнических/национальных меньшинств» С. Прокоп. Воздаю дань уважения коллегам из Сектора «Этнология гагаузов» Е. Сорочяну и В. Сырфу, исследовательский опыт которых и моральная поддержка очень помогли мне в процессе работы над книгой. Я благодарна также всем сотрудникам Секции «Этнология этнических/национальных меньшинств». Особые слова благодарности моему другу Л. Кырлиг (Воробьевой) за помощь в переводе поэтических текстов на русский язык.

Эту книгу я посвящаю моей маме, Неониле Никогло (Олейник), которая родилась и выросла в маленьком украинском селе Довжок Винницкой области и волею судьбы в конце 50-х – начале 60-х гг. оказалась в Комрате, где связала свою личную судьбу с гагаузским народом. На протяжении сорока лет она работала в Комратской региональной библиотеке. Лично зная некоторых гагаузских писателей, она организовывала семинары, читательские конференции, где проводила презентации их литературных сборников. Благодаря маме еще в детстве я познакомилась с творчеством этих писателей и заучивала наизусть их стихи. Таким образом, можно сказать, что судьба этой книги была предопределена еще очень давно моим самым близким человеком.

В душе каждого человека находится миниатюрный портрет его народа.

Густав Фрейтаг (немецкий писатель XIX века)

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Теоретико-методологические подходы к исследованию этничности в художественной литературе

Изучение этнического самосознания и его динамики представляет особый интерес в трансформационный период. Внимание исследователей сосредоточено не только на титульных этносах, но и на этнических общностях, не имеющих своей государственности или обладающих различными формами автономии. Как правило, этническое самосознание становится объектом изучения этносоциологов, этнопсихологов, этнологов, социальных психологов, а также тех, кто занимается исследованиями в области социолингвистики, культурологии, лингвокультурологии, психолингвистики. Изысканиями в данной сфере также широко пользуются историки и политологи.

Особый интерес представляет исследование этнического самосознания интеллектуальной элиты, в частности творческой интеллигенции в гагаузской среде. Как правило, внимание ученых привлекает процесс этнической мобилизации гагаузов, в котором основную роль играет творческая элита.

Одним из важнейших **источников** для изучения этнического самосознания являются *произведения художественной литературы* этнических групп, который предоставляет богатейшую информацию этнического характера. В этом плане литература выполняет функцию механизма трансляции этнокультурной информации. Авторы литературных произведений, являясь носителями языка и культуры той этнической общности, которой они принадлежат, наряду с другими представителями интеллектуальной элиты обладают наиболее ярко выраженным этническим самосознанием. Писатели, художники, музыканты, журналисты выступают наиболее активными этническими мобилизаторами, особенно в период социально-политических трансформаций.

Хронологические рамки настоящей работы охватывают период второй половины XX – начало XXI в. Нижняя граница хронологических рамок обозначает период появления письменности у гагаузов (1957 г.). Выбор верхней границы — XXI в. — обусловлен теми этнокультурными, социальными и геополитическими трансформациями, которые происходили в Республике Молдова и на всем постсоветском пространстве, результатом которых явился демонтаж СССР и образование новых государств и автономий.

Методология исследования¹. При написании данной работы мы пользовались теоретико-методологическими работами, посвященными пробле-

¹ Учитывая, что наше исследование носит междисциплинарный характер, у нас возникла необходимость разделить методологическую часть на две составляющие. В первой части мы рассмотрим теоретико-методологические работы, посвященные этническому самосознанию. Во второй части будут представлены теоретико-методологические подходы исследования текстов художественной литературы на предмет отражения в них этнической тематики.

мам этнического самосознания, этничности, этнической идентичности. В их числе — труды зарубежных ученых, таких как Б. Андерсон, Э. Гелнер, Э. Смит; российских (советских) этнографов: Ю. Бромлей, Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев, А. Агеев; этнопсихологов: Т. Г. Стефаненко, В. Н. Павленко, С. А. Таглин, Г. У. Солдатова, Ю. В. Хотинец; этносоциологов: Л. М. Дробижева, Ю. В. Арутюнян и др.

В науке существуют три подхода к объяснению природы этничности: *примордиализм, конструктивизм и инструментализм*.

Сторонники *примордиализма* считают, что этнос — это группа с объективными признаками принадлежности. В примордиализме выделяют два направления: биологическое и социально-историческое. Адепты биологического направления (П. Ван ден Берге, Л. Гумилев и др.) полагают, что этничность генетически присуща представителям той или иной группы.

Социально-историческое направление, к которому принадлежит Ю. Бромлей, трактует этнос как объективно существующие, устойчивые социальные группы, основанные на общности происхождения и обладающие культурной спецификой. Согласно Ю. Бромлею, «этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этниме)»². Таким образом, внешним проявлением самосознания ученый считает этноним.

Конструктивисты полагают, что представления об этносе конструируются в общественном сознании, указывая значение субъективной стороны этнической группы — мифологию коллективного сознания. Один из наиболее ярких сторонников данного подхода, А. П. Садохин, высказывает мнение, согласно которому, этническая группа обладает верой в миф о некоем собственном происхождении. Этничность конструируется представителями интеллектуальной элиты — писателями, художниками, музыкантами, учеными³.

Основоположник конструктивизма — Ф. Барт еще в конце 60-х гг. прошлого века предложил ввести для обозначения границ между общностями дихотомию «мы – они». Согласно его видению, этнические группы — не что иное, как формы социальной организации. Для поддержания существования этнических групп необходимо поддержание между ними границ, в качестве этих границ служат элементы культуры, которые устанавливают сами члены этнической группы⁴.

² **Бромлей Ю. В.** Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 57-58.

³ **Садохин А. П.** Этнология. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2006. С. 90-91.

⁴ **Барт Ф.** Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Фредерика Барта, 1969. М.: Новое издательство, 2006. С. 9-48; 11; 12-13; 17-19.

Сторонники данной концепции придерживаются той точки зрения, что этничность — категория ситуативная, всплеск которой наблюдается в период политических и социальных трансформаций. Роль этнического фактора возрастает в период распада империй и демонтажа прежних идентичностей.

Инструменталисты понимают этничность как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации масс и достижения собственных интересов в борьбе за власть, а этнические группы — как совокупность непрерывно происходящих процессов мобилизации индивидов в борьбе за власть. Основной постулат инструменталистов состоит в том, что если этносы и этничность существуют, значит, они служат определенным целям и конкретным интересам человека, облегчая его жизнь в обществе⁵. Как правило, данным подходом пользуются в политологических исследованиях⁶.

Перечисленные концепции представляют собой попытки объяснить природу этничности. В науке утвердилось мнение, что ни одна концепция, взятая в отдельности, не может быть плодотворной в процессе исследования.

По мнению В. П. Степанова, инструментализм выступает своего рода примирителем конструктивизма и примордиализма: «...исходя из попытки примирения этих двух концепций, можно утверждать, что изначально индивидум и сообщество должны обладать определенными исходными или заложенными ценностями, которые могут меняться, в том числе и под воздействием конструктивистских сил»⁷.

При изучении этничности следует обратить внимание на понятийный аппарат, используемый в исследованиях, касающихся этой проблемы.

В рамках этнологической науки *этничность* определяется как «особая характеристика личности, состоящая в ощущении, переживании своей принадлежности к определенной группе или общности людей, формирующаяся на основе их генетического и социального единства и проявляющаяся в форме сравнения нас и не нами в ходе группового взаимодействия с другими этносами»⁸.

Этническая идентичность является составной частью социальной идентичности личности, это психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности и обособления от других этнических групп; переживание тождества с одной этнической общностью и отделения от других⁹.

Этническое самосознание — осознание индивидами своей принадлежности к этнической общности¹⁰.

⁵ Садохин А. П. Этнология. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2006. С. 97-98.

⁶ Кауненко И. И., Каунова Н. Г., Иванова Н. В. Идентичность в системе этнопсихологического и этнологического знания в Республике Молдова. Кишинев, 2015. С. 16.

⁷ Степанов В. П. Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода. Chişinău, 2007. С. 132-133.

⁸ Садохин А. Этнология. Учебник. М.: Гардарики, 2006. С. 90.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Там же. С. 298.

Понятие *этническая идентификация* в отличие от этнической идентичности определяется как процесс причисления себя к группе людей определенной национальности¹¹.

До сих пор в этнологической науке ведутся споры о том, являются ли понятия *этничность* и *этническая идентичность* равнозначными. Единого мнения по этому вопросу не сложилось. Однако мы считаем, исходя из представленных определений, что эти понятия идентичны.

В трактовке таких понятий, как *этническое самосознание* и *этническая идентичность* в научной среде возникает множество дискуссий.

В своем труде «Этническое самосознание» В. Ю. Хотинец представляет различные трактовки понятия и дает им свою оценку. Исследователь совершает своеобразный экскурс в теоретико-методологическую «историю» данной дефиниции. В работе отмечается, что в ранних исследованиях XVIII, XIX и начала XX вв. таких ученых, как Дж. Вико, И. Гердер, В. Гумбольдт, Г. Гегель, а затем М. Лацарус, Х. Штейнталь, В. Вундт и Г. Шпет¹² «улавливаются зачатки научного толкования „этнического самосознания“ как осознания (представления) общности психологических особенностей, общности происхождения, исторического прошлого, этнической территории и культуры и тем самым осознание принадлежности к тому или иному народу»¹³.

Общей чертой этих исследователей является употребление для обозначения понятия *этнического самосознания* таких словосочетаний, как «дух народа» (И. Гердер, Г. Гегель, В. Гумбольдт), «народная душа», «духовный коммунитет» (В. Вундт), «дух народа» (Г. Шпет)¹⁴.

Вплоть до настоящего времени происходит эволюция в трактовке понятия *этническое самосознание*. С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, А. Г. Агаев в 60-е гг. XX в. при исследовании данного феномена задавались вопросом о его истоках.

Историк-этнограф С. А. Токарев, изучая этническое самосознание, выделяет социальные маркеры, на которых основывается этническая общность. К таковым относятся происхождение, язык, территория, государственная принадлежность, экономические связи, культурный уклад, религия. Далее он отмечает, что исторически обусловленное соотношение между данными социальными маркерами «порождает этническое самосознание», а посредством этнического самосознания «субъективно определяется этническая принадлежность группы»¹⁵.

Аналогичное суждение высказывает профессор Н. Н. Чебоксаров, который считает этническое самосознание одним из признаков этноса и полагает, что

¹¹ Садохин А. Этнология. Учебник. М.: Гардарики, 2006. С. 90.

¹² Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. С. 12-15.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43-54.

«язык, территория, формирования и расселения, внутренние экономические связи и особенно специфика — весьма существенны при характеристике любого этноса. Взаимодействие всех этих признаков, их совокупное влияние на образование и сохранение народа как исторически сложившейся общности находит свое выражение в виде производного, но очень важного общественного явления — этнического самосознания»¹⁶.

С точкой зрения С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, коррелирует мнение А. Г. Агаева: «Территория ..., язык ..., хозяйство... в сложном переплете исторических, социально-экономических, мировоззренческих, религиозных, этнографических условий в процессе консолидации и дифференциации, смешения и растворения, взаимопроникновения и разъединения порождают сознание этнического единства народа»¹⁷.

Созвучны с этими положениями и высказывания Ю. В. Бромлей, который в первой половине 70-х гг. XX в. определял этническое самосознание как «непременное условие существования этноса», а затем — как неотъемлемый его компонент¹⁸.

Элементами структуры этнического самосознания Ю. В. Бромлей считает ряд представлений. Первое: это «представления о типичных чертах „своей“ общности: ее свойствах и достижениях как целого»¹⁹. Следует обратить внимание на то, что Ю. В. Бромлей указывает на такой важный признак, как связь этих представлений с осознанием этнических интересов, которые выражают потребности существования и развития данной этнической общности как целостного образования²⁰. Второе: «такой генетически-временной параметр, как представление об общности происхождения членов этноса»²¹. Третье: «представления „о родной земле“, о характерных чертах территории основного расселения этноса»²². Кроме того, ученый выделяет осознанное отношение к материальным и духовным ценностям нации, ее достижениям, ориентациям на них²³.

Подводя итог анализу множества определений этнического самосознания в научных публикациях 60-х — начала 80-х гг. XX в., В. Ю. Хотинец отмечает, что в этот период ряд исследователей рассматривали этническое самосознание как один из признаков этнической общности и ставили вопрос об истоках этого феномена.

¹⁶ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, № 7. С. 24.

¹⁷ Агаев А. Г. Нация, ее сущность и самосознание // Вопросы истории. 1967, № 7. С. 25-37. (см.: Хотинец В. Ю. Этническое самосознание).

¹⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С. 98; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 414.

¹⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 176.

²⁰ Там же. С. 176.

²¹ Там же. С. 186.

²² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 192.

²³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 179.

В широком смысле этническое самосознание означает идентификацию индивида с определенной этнической общностью, этнодифференцирующие символы, служащие для выделения членов своей группы, этнические автостереотипы и чувства, осознание морального и психологического единства группы, представление о «родной земле», осознание национальных интересов и др. Этой точки зрения придерживается Л. М. Дробижева и ряд других исследователей²⁴.

В трудах западных ученых, как отмечает В. Ю. Хотинец, используется термин *identity*, который подразумевает «прежде всего, отождествление человеком самого себя с другими членами своего сообщества, что, несомненно, приближает этот термин к понятию самосознания»²⁵. При изучении этнических общностей **соответственно применяется понятие *ethnic identity***²⁶.

В настоящее время понятия этническое самосознание, этническая идентичность и этничность используются как синонимы. Несмотря на то, что ряд исследователей разграничивают эти понятия, в науке до сих пор не достигнут консенсус относительно различия их толкования.

Этническая идентичность индивида в понимании этнопсихолога Т. Г. Стефаненко «достигается индивидом в процессе конструирования социальной реальности, но не сводится к ней». Этническая идентичность является «результатом когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов», «переживания отношений Я и этнической среды — своего тождества с одной или несколькими этническими группами»²⁷.

Как отмечают В. Н. Павленко и С. А. Таглин, с точки зрения Т. Г. Стефаненко, понятие этнической идентичности шире, чем понятие этнического самосознания, т. к. она содержит также слой бессознательного и включает ценностное и эмоциональное значение, придаваемое человеком членству в группе. Кроме того, этническая идентичность — не только осознание, но и восприятие, оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности²⁸.

Г. У. Солдатова считает, что этническая идентичность и этническое самосознание — частично пересекающиеся и частично не совпадающие понятия, т. к. этническая идентичность, представляя собой когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания, уже последнего, но как образование, включающее в себя не только слой осознаваемого, но и слой бессознательного, шире его²⁹. Ю. В. Хотинец полагает, что этническая

²⁴ Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. С. 15.

²⁵ Там же. С. 15.

²⁶ Там же. С. 15.

²⁷ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2004. С. 234-235.

²⁸ Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 132.

²⁹ Там же. С. 132.

идентичность — более зрелый уровень этнического самосознания или форма его конечного, наиболее развитого состояния³⁰.

Л. М. Дробижева определяет этническую идентичность как составную часть этнического самосознания, отмечая, что в широком понимании этническое самосознание «это не только этническая идентичность, „образ мы“, но и интересы, связанные с ним. Здесь присутствуют когнитивные элементы, эмоциональные (мы переживаем оценку своего исторического прошлого, гордимся или что-то осуждаем из своей культуры) и поведенческие — регулятивные (готовность действовать во имя своих)»³¹.

Таким образом, *структура этнического самосознания* состоит из двух компонентов: когнитивного и аффективного. Когнитивный компонент — это представления об особенностях собственной *группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков*, аффективный — чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней.

Существует также мнение о том, что познавательная сторона этнического самосознания включает в себя осознание человеком своей этнической принадлежности, осознание им своего положения и осознание своих традиций, а эмоциональная сторона — чувство национальной гордости, собственного достоинства за вклад в приумножение богатства своей страны³².

В структуре этнической идентичности, в отличие от *этнического самосознания*, присутствует слой бессознательного, а когнитивный процесс идентификации, самоопределения индивида в социальном пространстве эмоционально окрашен. Кроме того, имеет место и переживание отношений Я и этнической среды — своего тождества с одной или несколькими этническими группами.

Художественная литература, представляющая собой наряду с народными традициями, обычаями, мифами, верованиями, образцами устного народного творчества и др. компонентами продукт духовной деятельности этноса, относится к сфере сознательного, когнитивного. Учитывая тот факт, что произведения художественной литературы — это рефлексия, а рефлексия в свою очередь может быть эмоционально окрашена, то в отношении исследования художественной литературы на предмет отражения в ней этнического самосознания можно применять наряду с понятием «этническое самосознание» и словосочетание «этническая идентичность».

В рамках данного исследования важно еще раз обратить внимание на структуру этнического самосознания, так как именно ее компоненты были взяты нами в качестве исследуемых категорий.

³⁰ Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 132.

³¹ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с. // <http://socioline.ru/pages/yuv-arutyunyan-etnosotsiologiya> 25.07.2022

³² См. В. Ю. Хотинцев. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. С. 86.

Г. У. Солдатов в структуре этнического самосознания выделяет такие группы признаков, как «этнокультурные особенности», «черты характера», «отношение к людям», «оценка поведения и динамических характеристик»³³.

Ю. В. Арутюнян говорит не о компонентах этнического самосознания, а о «питающих его источниках»³⁴, которые, по сути, и являются его компонентами. «Родовой» источник питается сознанием общности происхождения, объединяет „своих по роду и племени“ в своей или иноэтнической среде, «психологический» источник — накопленные народом духовные идеалы — религиозные, социальные, «этнокультурный» источник — нормы поведения, язык, социально-нравственные представления, обычаи, обряды и др., «социальный» источник — социальная позиция и социальные интересы народа³⁵.

В другой своей работе Ю. В. Арутюнян (в соавторстве с Л. М. Дробижевой) обращает внимание еще на один компонент, который, как правило, проявляется в период социально-политических трансформаций, выражающихся в национальных движениях, и носит ситуативный характер. Это представления, черпаемые из далекого прошлого, т. е. «представления о великих временах в истории, успешных правителях, героях, о древней культуре, обращение к которой, как предполагается, <спасет> народ (традиционализм)»³⁶. Продолжая свою мысль, Ю. В. Арутюнян подчеркивает, что возвращение к традиционности называют в науке <архетипами> сознания, точнее, <архетипами исторического сознания>, которые являются ни чем иным, как элементом этнического самосознания³⁷.

Структура этнического самосознания, по мнению Ю. В. Хотинца, состоит из шести компонентов. Мы выделим лишь те компоненты, которые представляют для нас методологический интерес³⁸:

1. Осознание особенностей этнической культуры своей этнической общности. Этот компонент включает в себя ряд этнодифференцирующих признаков: самоназвание, происхождение и историческое прошлое народа, этническая территория, язык, религия, культура, представление об общности происхождения.
2. Осознание психологических особенностей своей этнической общности («психический склад», национальный характер, национальные чувства и т. п.).

Таким образом, почти все ученые выделяют в структуре этнического самосознания такие компоненты, как: происхождение народа, его историческое

³³ Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. С. 87.

³⁴ Там же. С. 87.

³⁵ Там же. С. 87-88.

³⁶ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., А. А. Суколов: Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. // <http://socioline.ru/pages/yuv-arutyunyan-etnosotsiologiya> 22.08.2017.

³⁷ Там же.

³⁸ Хотинец В. Ю. Указ. соч. С. 88-97.

прошлое, этническая территория, язык, религия, нравы, обычаи и обряды и т. д. Именно эти компоненты будут объектами нашего исследования.

В контексте нашей работы, которая предполагает исследование отражения этнического самосознания в художественной литературе гагаузов, мы будем пользоваться положением, выдвинутым Л. М. Дробижевой, которая определяет этническую идентичность как составную часть этнического самосознания.

Однако в название нашей монографии мы выносим понятие «этничность», смысл которого не противоречит рассмотренным выше понятиям «этническая идентичность» и «этническое самосознание». Этничность определяется как форма социальной организации культурных различий, состоящая из тех характеристик, которые сами члены этнической общности считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания³⁹. В число этих характеристик входят название этноса (этноним), общие элементы культуры, представление об общности происхождения, наличие общей исторической памяти, а также ассоциация себя с особой географической территорией, чувство солидарности.

Цель исследования состоит в том, чтобы посредством анализа произведений художественной литературы гагаузов выявить общность в отражении основных компонентов этничности у представителей гагаузской творческой элиты и на основании этого определить векторы конструирования этничности.

В этой связи поставленная цель предполагает выполнение ряда **задач**:

1. Выявить общность в восприятии и отношении к большой и малой родине (региональная идентичность), к родному языку (языковая идентичность).
2. Показать формы и многообразие проявления религиозной идентичности в художественной литературе гагаузов.
3. Определить основные тенденции в отражении исторического прошлого гагаузов в художественной литературе.
4. Выявить особенности представлений о предках гагаузов.
5. Выявить, какие нравственные ценности и элементы традиционной духовной и материальной культуры транслируют гагаузские писатели.

Подходы к исследованию в области этнолитературы

Изложив основные положения, касающиеся этнического самосознания как предмета нашей работы, мы переходим непосредственно к рассмотрению методологии исследования художественной литературы как источника этнокультурной информации.

³⁹ **Барт Ф.** Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Фредерика Барта, 1969. М.: Новое издательство, 2006. С. 9-48; 11; 12-13; 17-19.

Методологической базой для нас послужили работы этнопсихологов Т. Г. Стефаненко, В. Н. Павленко, С. А. Таглина⁴⁰, специалиста в области этнологии и этносоциологии М. Н. Губогло (1999, 2004, 2006, 2013, 2015, 2016)⁴¹, сборник научных статей в двух томах «Духовная культура и этническое самосознание наций» (1990, 1991)⁴², работы этнологов В. П. Степанова⁴³, литературоведа С. П. Прокоп⁴⁴ и др.

Прежде всего следует представить понятийный аппарат, которым мы будем пользоваться в данном исследовании. Междисциплинарный характер настоящей монографии проявляется в сочетании методов литературоведческого анализа с методами, принятыми в этнологии, этнопсихологии, этносоциологии (культурологический подход к исследованию продуктов деятельности этноса, историко-сравнительный метод и др.). При этом методы литературоведческого анализа являются не основными, а дополнительными, и используются в том случае, когда необходимо обозначить эмоциональное отношение к таким категориям, как родина/родной край, родной язык, религия, историческое прошлое, нравственные ценности и т. д.

Среди ключевых выделяется понятие «этнолитература», введенное в научный оборот латиноамериканскими учеными-индихенистами — исследователями культуры аборигенов Южной Америки⁴⁵. Анализируя различные толкования данной дефиниции, С. П. Прокоп впервые обобщает имеющиеся в зарубежной науке трактовки этого термина и предлагает рассматривать этнолитературу «с разных позиций: как возможность межкультурного взаимопонимания, как возможность межкультурного диалога, как тип культурной характеристики, способной зафиксировать новый культурный генотип, как некий ключ к культурному разнообразию и, в конце концов, — как инструмент междисциплинарного исследования и концепт культуры»⁴⁶. Далее исследователь справедливо квалифицирует этнолитературу как «новый метод исследования, призванный восполнить методологические пустоты, своего рода архитектор этнической идентичности, истории малых

⁴⁰ **Стефаненко Т. Г.** Этнопсихология. М., 2004; **Павленко В. Н., Таглин С. А.** Общая и прикладная этнопсихология. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005.

⁴¹ **Губогло М. Н.** Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998; **Тот же автор:** Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М.: Старый сад, 2004; **Тот же автор:** Именем языка. М.: Наука, 2006; **Тот же автор:** Сполохи прошлого. Том 2, М., 2013.

⁴² **Духовная культура и этническое самосознание.** Вып. 1, М.: Б. и., 1990; **Духовная культура и этническое самосознание.** Вып. 2, М., 1991.

⁴³ **Степанов В. П.** Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989–2005). Chişinău: Б. и., 2007.

⁴⁴ **Прокоп С. П.** К вопросу о перспективе применения понятия «этнолитература» в контексте современных междисциплинарных исследований // *Revista de etnologie și culturologie*, vol. 2, 2007. С. 11-22.

⁴⁵ **Там же.** С. 16-17.

⁴⁶ **Там же.** С. 20.

народов/младописьменных литератур, воплощенной в фольклорном или художественном творчестве»⁴⁷.

Изначально понятие «этнолитература» включало в себя фольклорные, художественные тексты, представляющие ценность с точки зрения прежде всего этнического содержания⁴⁸.

В настоящее время наблюдается постепенный рост количества исследований, посвященных отражению этничности в художественном слове. В рамках проводимых Институтом культурного наследия конференций формируются секции, в которых одним из тематических направлений является «этнолитература». В связи с этим мы полагаем, что данным термином («этнолитература») можно условно назвать находящуюся в начале своего развития новую область этнологии. В этом случае мы абстрагируемся от упомянутых ранее определений этнолитературы. В нашем понимании «этнолитература» как одна из областей этнологии может изучать не только литературу представителей аборигенных сообществ, этнических групп и диаспор, малочисленных и младописьменных народов, но и национальную литературу крупных сообществ (наций), которая содержит информацию этнического, национального характера.

Наше исследование с заданными категориями (отражение отношения к родине, родному языку, историческим событиям, далеким предкам, нравственные ценности) вполне укладывается в рамки данного дискурса.

В контексте вышесказанного следует упомянуть также высказывание М. Н. Губогло, который заметил, что изучение национальной литературы как этнографического источника предполагает выдвигание на первый план не эстетической, не художественной, а ее этномобилизующей роли⁴⁹. Аналогичную мысль высказал и В. П. Степанов, назвав художественную литературу и фольклор наряду с прессой рычагом этнической мобилизации⁵⁰.

Писатели при этом выполняют роль этнических мобилизаторов. Их произведения являются мощным механизмом трансляции этничности. Они создают, конструируют специфическую для каждой этнической общности модель мира и тем самым влияют на развитие этнического самосознания членов этнической общности. Именно такой подход и предполагается в междисциплинарных исследованиях, находящихся на стыке с этнологией.

Упомянем еще несколько попыток обозначить данное направление. Так, Л. Х. Балахова-Кандур в своей диссертации «Адыгейская литературная диаспора. История. Этнодуховная идентичность. Поэтика» (2009) для работ междисциплинарного характера предлагает термин «этнофилология», кото-

⁴⁷ Прокоп С. П. К вопросу о перспективе применения ... С. 20-21.

⁴⁸ Там же. С. 21.

⁴⁹ Губогло М. Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М.: Старый сад, 2004; Именем языка. М.: Наука, 2006.

⁵⁰ Степанов В. П. Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989–2005). Chişinău: Б. и., 2007. С. 336.

рый, по ее мнению, получает все большее признание⁵¹. Однако, на наш взгляд, такой термин носит слишком общий характер и не отражает основной источник исследования, каким являются литературные тексты.

И. Шихова в одной из своих статей предлагает применять понятие «литературная этнология» — дисциплина, рассматривающая художественный текст как источник этнологических сведений. При этом автор справедливо утверждает, что «отделить объективную фиксацию факта от художественного домысла, личные воспоминания от пересказов, услышанного от старших, мемуары от аберраций памяти зачастую невозможно»⁵². На наш взгляд, это положение должно стать одной из ведущих методологических установок при исследовании художественных текстов как этнографического источника. Вне всякого сомнения, исследователь должен быть хорошо осведомлен в области традиционно-бытовой культуры той этнической группы, которую он изучает. Владение этнографическим материалом позволит ему отделить реалии, которые передаются в художественном тексте с этнографической точностью от профанации или откровенной фантазии. В настоящем исследовании необходимо учитывать, что литература, равно как и фольклор, представляет собой субъективное отражение объективной действительности.

Оба понятия — «этнофилология» и «литературная этнология» — не совсем удачны, так как понятие «филология» распространяется не только на литературу (и фольклор), но и на язык. Термин «этнофилология» не будет отражать специфику направления, а понятие «литературная этнология» не содержит установку на приоритет этнологического аспекта. Поэтому наиболее приемлемым, на наш взгляд, является термин «этнолитература», введенный в научный оборот латиноамериканскими исследователями (см. выше). В этом смысле термин «этнолитература» как нельзя лучше вписывается в ряд уже известных областей, таких как этнолингвистика, этнопсихология, этносоциология, свидетельствуя о том, что предметное поле этнологии неуклонно расширяется.

Следует учесть тот факт, что гагаузская младописьменная литература, не имевшая своей письменной традиции, опиралась на произведения устного народного творчества и на народные традиции (обычаи и обряды). Об этом свидетельствует ее глубоко этнографический характер. Фольклор и народные традиции были и остаются тем источником, из которого черпали и черпают до сих пор свое вдохновение писатели гагаузского происхождения. Свидетельством тому служат рассказы и стихотворения, написанные на

⁵¹ Балагова-Кандур Л. Х. Адыгейская литературная диаспора. История. Этнодуховная идентичность. Поэтика. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009 // Прокоп С. П. Особенности русской составляющей литературного процесса Молдовы второй половины XX в. Кишинев: Б. и., 2014. С. 6.

⁵² Шихова И. Мир местечкового детства в прозе Я. Тихмана // Revista de etnologie și culturologie. Vol. V, 2010. С. 118-121.

сюжеты фольклорных произведений. Например, рассказ С. Булгара «Дев адамын оолу» основан на рассказах, зафиксированных В. А. Мошковым. В рассказе «Легенда Оглана» Н. Бабоглу вводит в повествование персонаж из народной песни «Оглан» и делает его главным героем, воспевая его любовь к девушке Лянке, образ которой также позаимствован писателем из гагаузской баллады⁵³. Безусловно, небезынтересно было бы проследить преемственность в отражении компонентов этнического самосознания в фольклоре и современной художественной литературе гагаузов. В рамках данной работы это не представляется возможным, так как наиболее продуктивным в этом плане было бы исследование фольклорной картины мира гагаузов. А это уже вполне самостоятельное исследование.

Попытка изучения народных песен гагаузов как этнографического источника, но без выявления фольклорной картины мира, представлена в книге Е. Н. Квилинковой «Гагаузский песенный фольклор — „грамматика жизни“» (2011). Автор сопоставляет фольклорные сюжеты и этнографические реалии и одновременно указывает на региональные особенности народных песен гагаузов Молдовы и Болгарии⁵⁴.

Исходя из этого, произведения художественной литературы также могут быть вполне правомерно отнесены к продуктам деятельности этноса. На наш взгляд, более приемлемым было бы понятие *продукты духовной деятельности* этноса.

Как правило, посредством этого метода изучаются этнические стереотипы. При этом используется категориальная сетка для контент-анализа — своеобразная исходная система параметров, которой пользуются для обработки материала. Данная категориальная сетка включает в себя ряд параметров. Перечислим некоторые из них: отношение к обществу, большим социальным группам (патриотизм – космополитизм, атеизм – религиозность и т. д.), отношение к труду (трудолюбие – лень, добросовестность – недобросовестность...), отношение к малым группам непосредственного окружения (забота о семье – отсутствие заботы о семье...), отношение к собственности (бережливость – расточительность, щедрость – скупость...) ⁵⁵.

Мы не пользуемся данным методом в полной мере, т. к. изучение стереотипов не входит в нашу задачу. Однако в заключение работы на основании проведенного исследования нами предпринята попытка представить социально-психологические характеристики гагаузской этнической общности, отраженные в художественной литературе (на примере поведения героев и отношения к родине, языку и т. п.).

⁵³ Baboglu N. Oglanın legendası // Uzak yollarım ... Seçmâ yaratmalar. Chişinău: Pontos, 2009. С. 151-161.

⁵⁴ Квилинкова Е. Н. Гагаузский песенный фольклор — «грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011.

⁵⁵ Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология ... С. 208-211.

В соответствующих главах и параграфах нами предложены несколько ключевых конструкций или слов, которые характеризуют отношение к родине, к труду, к старшим и т. п. Например, рассматривая отношение к большой и малой родине, мы определили такие ключевые конструкции, как: природа родного края (природно-климатические и ландшафтные характеристики); родной край – родители, родной дом; отношение к большой и малой родине; сакрализация родного края (см. подробнее в Главе II).

Базовым в настоящей работе является культурологический подход, суть которого заключается в исследовании продуктов творчества (т. е. продуктов духовной деятельности этноса). В данном случае речь идет о народных песнях. Впервые эту идею обозначил Н. И. Костомаров в своей диссертации «Об историческом значении русской народной поэзии» (1843)⁵⁶. По его мнению, песня представляет собой тот источник, в котором народ высказывает себя бессознательно. Народная песня «выражает чувства невыученные, движения души непритворные. <...> Народ в ней является таким, каков есть <...> Нигде не является народ таким единым лицом, как в этих звуках души своей, следовательно, ни в чем так не высказывает своего характера»⁵⁷. Несколько позже филолог А. В. Ветухов, вслед за Н. И. Костомаровым, посредством изучения колыбельных народных песен исследовал ценности и идеалы народа, которые, на его взгляд, наиболее рельефно отражаются в этом жанре фольклора⁵⁸.

Вслед за А. В. Ветуховым и Н. И. Костомаровым российский этнолог В. К. Малькова отмечает, что национальные песни, а также авторские песни отражают различные этнические компоненты и дают этническую основу национальному достоинству, национальной гордости, национальному самосознанию в целом⁵⁹. Кроме того, они служат мощным этноинтегрирующим фактором, этноэмоциональным и этноинформационным фактором⁶⁰. В своем исследовании В. К. Малькова применила метод контент-анализа, который позволил ей выявить тематическое разнообразие песен и сделать выводы относительно того, какие ценности — национальные, интернациональные, общечеловеческие — транслировались посредством этого популярного жанра⁶¹. В данной работе были выявлены такие наиболее часто встречающиеся темы, как тема родины (территориальная идентичность), тема матери, русские женщины, русские мужчины, тема труда и т. п. Иными словами, В. К. Малькова взяла за основу основные компоненты этнического самосознания (например, отношение к родине) и представила ключевые слова и конструкции, которые характеризуют восприятие родины, отношение к труду, отношение к родителям.

⁵⁶ Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология ... С. 56.

⁵⁷ Там же. С. 56.

⁵⁸ Там же. С. 57.

⁵⁹ Малькова В. К. Русские песни и национальное самосознание // Духовная культура и этническое самосознание. М.: Б. и., 1990. Вып. 1. С. 129-148; с. 131.

⁶⁰ Там же. С. 131.

⁶¹ Там же. С. 131.

Инструментом работы с *текстами художественной литературы*, которые в данном случае выступают *источником* и *документом*, стал метод контент-анализа, точнее, некоторые его элементы. Из всех разновидностей контент-анализа мы пользовались тематическим и отчасти символьным.

Тематический контент-анализ нацелен на изучение массива текстов, где в качестве предмета анализа исследуется тема документа⁶². Например, при рассмотрении отражения обычаев и обрядов гагаузов в художественной литературе ведется примерный подсчет обрядов и обычаев, наиболее часто встречаемых в художественных произведениях гагаузских авторов. Или при рассмотрении отражения отношения писателей к истории предков, подсчитывается, кого они (писатели) наиболее часто упоминают в качестве далеких и близких предков.

При *символьном* контент-анализе осуществляется фиксация самих тем и ключевых слов и конструкций⁶³. Например, можно показать, какие конструкции или слова используются для характеристики природы родного края (у гагаузов — полынь, пшеница, зной, холмы). Так, часто используемая ключевая лексема «пшеница» или конструкция «колосья пшеницы» свидетельствуют о ярко выраженной в сознании писателей гагаузского происхождения идентичности земледельца.

Сравнительно-исторический метод применялся нами при сопоставлении описаний традиционного быта, элементов материальной, духовной, соционормативной культуры гагаузов и этнографических реалий, которые были зафиксированы и исследованы в работах этнографов-гагаузоведов.

Новизна и практическая значимость темы. Настоящая монография представляет собой первую попытку исследования компонентов этнического самосознания гагаузов на материале произведений художественной литературы. Она может заинтересовать специалистов в области истории, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии, этносоциологии. Кроме того, ее материалы могут послужить основой при составлении уроков и курсов лекций по предмету «История, традиции и культура гагаузов».

Несмотря на свой молодой возраст (60 лет), художественная литература гагаузов обладает идейно-тематическим разнообразием, что позволяет рассматривать ее в качестве источника при исследовании отражения в ней этнического самосознания. Наряду с другими представителями интеллектуальной элиты гагаузские писатели продолжают в своем творчестве обращаться к этнической тематике и пробуждать в своих соотечественниках интерес к самой литературе и к народной культуре, а также способствовать развитию этнического самосознания. Об этом свидетельствует не только их писательское творчество, но и другие виды деятельности, в которых они себя проявляют.

⁶² **Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь.** М.: Аквилон, 2014. С. 230.

⁶³ **Там же.** С. 230.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СЛОВЕ

§ 1. Этническая тематика в работах зарубежных исследователей-литературоведов

Изучение этничности в художественной литературе широко представлено в сборниках материалов конференций, проводимых таким научным сообществом, как Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Опубликованные статьи по этнической тематике написаны сугубо в литературоведческом ключе. Однако авторы этих работ детально и подробно анализируют, какую функцию выполняют этнические/ национальные мотивы в рассматриваемых ими произведениях художественной литературы.

Так, этнический колорит в произведениях М. Ю. Лермонтова послужил темой статьи Э. С. Хидировой⁶⁴, которая анализирует бытование фольклорной песни (песня Бэлы) в повести Лермонтова «Герой нашего времени» и показывает, какова ее функция. Вероятно, Э. Хидирова при написании статьи руководствовалась идеями Н. Костомарова и А. Ветухова, согласно которым в народной песне сосредоточена «душа народа», и народ предстает в этих песнях таким, каков он есть. Автор статьи обращает также внимание на то, каким образом фольклор оказал большое влияние на формирование концептуальных моделей в сознании самого Лермонтова. По её мнению, «Лермонтов выработал сложную систему креативного освоения „инонациональной действительности“, определил в ней роль человека и сформировал значимое литературно-художественное эпистемическое пространство»⁶⁵. <...> «Инонациональные инстиляции гармоничны в произведении: поэт смог постичь этнодуховность»⁶⁶.

Э. Хидирова справедливо отмечает, что песня Бэлы придает произведению русского классика не только этнографическую и психологическую достоверность, но и раскрывает характер главной героини, ее духовный мир, показывает восприятие русским человеком другой культуры, а также душевные переживания других персонажей: неравнодушного к чужой культуре

⁶⁴ Хидирова Э. С. Песня Бэлы в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова: проникновение в мир этнодуховности // Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, Испания, 7–9 мая 2007. Докл. и сообщ. СПб.; Гранада: МИРС, 2007. Т. 2. – С. 1189-1194.

⁶⁵ Там же. С. 1191.

⁶⁶ Там же. С. 1194.

Максима Максимыча, с уважением относящегося к традициям горцев, и равнодушного Печорина, неспособного принимать естественную природу «дикарки» (Бэлы)⁶⁷.

Любопытное исследование — «Испания серебряного века в постреволюционном пространстве» — принадлежит слависту М. А. Ариасу-Вахиль⁶⁸. В нем на примере произведений поэтов серебряного века — К. Бальмонта, В. Брюсова и Ф. Соллогуба — сквозь призму «испанских мотивов» рассматривается творческая их эволюция⁶⁹. Автор показывает, как «вечные образы» Дон Кихота и Дон Жуана становятся точками опоры для поэтов уходящей эпохи серебряного века во враждебном постреволюционном пространстве новой большевистской России. Так, в творчестве В. Брюсова «испанские мотивы» раскрывают его отношение к революционным событиям 1917 года. При этом прослеживается обращение поэта-символиста к теме конкистадоров, которые одновременно с крестом и мечом несут также и новое мировоззрение, пришедшее на смену «дряхлой», Византийской эпохе. Образ конкистадоров-завоевателей дополняет образ воинственного Дон Жуана — завоевателя женских сердец. Мотив завоевания — это не что иное, как завоевание новыми идеями (в данном случае идеями революции) всего мира. В то же время В. Брюсов, позитивно воспринявший идеалы революции 1917 г., высмеивает в одном из своих стихотворений косные идеалы рыцарства, которые представляют собой уходящую Византийскую эпоху⁷⁰. Однако позже, в 1922 г., происходит переоценка В. Брюсовым событий Октябрьской революции, которая, помимо новых и положительных идей, принесла много несчастья, попрала и смела самые благородные устремления. Как отмечает автор работы, в последнем «испанском» стихотворении В. Брюсов обращается к «странствующему рыцарю» Дон Кихоту как к образцу благородства для того, чтобы человечество задумалось над совершающимися событиями. Таким образом, мастер символизма В. Брюсов отразил в метафорической форме образы прошлого и будущего⁷¹.

Подобное прочтение образа Дон Кихота содержится и в поэзии Ф. Соллогуба. Для него Дон Кихот — воплощение общечеловеческих ценностей в противовес «пролетарскому гуманизму»⁷². М. А. Ариас-Вахиль наглядно показывает, каким образом мотивы, которые писатели черпают из других культур, могут объяснить отношение поэтов к тем или иным историческим событиям.

⁶⁷ Хидирова Э. С. Песня Бэлы ... С. 1193-1194.

⁶⁸ Ариас-Вахиль М. А. Испания серебряного века в постреволюционном пространстве (К. Бальмонт, А. Брюсов, Ф. Соллогуб) // Материалы Конгресса МАПРЯЛ в 15-ти томах. Т. 14. Направление 13: Русская литература в мировом литературном процессе. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 43-48.

⁶⁹ Там же. С. 43.

⁷⁰ Там же. С. 44-45.

⁷¹ Там же. С. 45.

⁷² Там же. С. 46.

В статье И. В. Васильевой и Д. В. Васильева авторы анализируют произведения Н. Н. Казарина о завоевании русского Туркестана⁷³. Авторы рассматривают стереотипы восприятия жителей Туркестана, которые отражены в ряде произведений Н. Н. Казарина, справедливо указывая на тот факт, что стереотипы восприятия центрально-азиатских окраин Российской империи складывались задолго до завоевания их Россией и остаются актуальными до сих пор⁷⁴. На наш взгляд, важная мысль данного исследования заключается в том, что «политические, культурные и этнографические мифы создавались фантазией людей или политической волей правительства ... и не всегда соответствовали реальности, превращаясь в полную противоположность»⁷⁵.

Творчество Н. Н. Казарина, по мнению авторов, было нацелено на создание у русского читателя представления о благородной миссии прогрессивной России, несущей цивилизацию в Центральную и Среднюю Азию, т. е. положить конец «царившим здесь „волчьим нравам“»⁷⁶.

Восприятие иного этнокультурного пространства рассматривает Н. Ш. Каджая в статье «Батумские впечатления О. Мандельштама». Автор указывает на уважительное отношение русского поэта к грузинской культуре и одновременно иронично-негативное отношение к Батуми, объясняя его тем, что этот город стал неким перекрестком между Востоком и Западом. Именно в Батуми на сломе эпох «фильтровались не до конца оформленные надежды русской интеллигенции и принимались решения, в результате которых русская литература сохранила такие имена, как М. Булгаков, О. Мандельштам, С. Есенин и другие»⁷⁷.

Различия традиционных и авторских колыбельных песен представлены в статье В. Бондаренко «Межкультурный диалог поколений на примере колыбельных»⁷⁸. По мнению исследователя, традиционные колыбельные песни предоставляют полную картину мира во всей его сложности: мир предметный, мир социальных отношений, мир духовный, мифологический мир. Кроме того, народные колыбельные обращены непосредственно к

⁷³ **Васильева И. В., Васильев Д.** Образы завоевателей и завоеванных (на примере произведений Н. Н. Казарина о завоевании русского Туркестана) // Материалы Конгресса МАПРЯЛ в 15-ти томах. Т. 14. Направление 13: Русская литература в мировом литературном процессе. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 115-119.

⁷⁴ **Там же.** С. 115.

⁷⁵ **Васильева И. В., Васильев Д.** Образы завоевателей ... С. 115.

⁷⁶ **Там же.** С. 119.

⁷⁷ **Каджая Н. Ш.** Батумские впечатления О. Мандельштама // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 14. Направление 2: Русская культура в эпоху глобализации. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 236-239.

⁷⁸ **Бондаренко В. В.** Межкультурный диалог поколений на примере колыбельных // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры г. Гранада, Испания 13-20 сентября 2015 г. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 14. Направление 2: Русская культура в эпоху глобализации. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 18-22.

младенцу. По текстам авторских колыбельных песен невозможно понять и восстановить строение реального, отраженного в них мира, поскольку эти тексты подчинены индивидуальным, конкретным задачам отдельных авторов и ограничены их личным опытом. При этом в авторских колыбельных отсутствует непосредственное обращение к младенцу⁷⁹. Аргументируя свою точку зрения, В. Бондаренко приводит в качестве примера такие авторские колыбельные, как «Спят усталые игрушки...»; «Спи, моя радость, усни» и ряд народных песен. Как отмечает автор, в традиционных колыбельных дается установка на весь дальнейший жизненный путь, предлагаются положительные поведенческие стереотипы, регламентирующие отношения внутри семьи, а труд изображается как знак принадлежности к миру взрослых. Всего этого нет в авторских колыбельных. Так, в колыбельной «Спят усталые игрушки...» отсутствует установка на значимые поведенческие ориентиры и коллективный опыт народа, но присутствует призыв к пассивному желанию получать все за счет любящих родителей⁸⁰.

На наш взгляд, выводы В. Бондаренко относительно авторских колыбельных не всегда подтверждаются. Например, большинство авторских песен, написанных поэтами гагаузского происхождения, содержат картину мира. В них довольно четко обозначены поведенческие стереотипы, нравственные установки, отношение к труду и даже коллективный опыт народа. Об этом свидетельствует исследование В. Сырфа и Д. Никогло «Гагаузская колыбельная песня: фольклорная и литературная традиции»⁸¹, опубликованное в 2010 г., в котором убедительно показано, что источником вдохновения для поэтов гагаузского происхождения при написании колыбельных песен послужили гагаузские народные колыбельные. Думается, что к положениям, высказанным В. Бондаренко, следует относиться с оговоркой и учитывать не только культурные факторы, но и исторические условия формирования той или иной этнической общности. Прежде всего, это касается такого явления, как младописьменный характер языка, в частности гагаузского. Именно отсутствие у гагаузов собственной литературной письменной традиции обусловило глубоко народный характер художественной литературы гагаузов, опирающейся как на фольклор, так и на комплекс обычаев и обрядов календарного и семейного циклов, что (в конечном счете) и определило специфику авторских колыбельных песен.

Анализу романа Саши Соколова «Школа для дураков» посвящена статья преподавателя Бельцкого государственного университета В. Бражук⁸². Ав-

⁷⁹ Бондаренко В. В. Межкультурный диалог ... С. 20-21.

⁸⁰ Там же. С. 20-21.

⁸¹ Никогло Д., Сырф В. Гагаузская колыбельная песня: фольклорная и литературная традиции // Revista de etnologie și culturologie. Vol. V. 2010. С. 40-50.

⁸² Бражук В. Японские мотивы в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Русский язык и литература во времени и пространстве. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай: МАПРЯЛ, 2011. С. 262-264.

тор рассматривает, каким образом японские мотивы отражены в данном произведении. Необычно, на наш взгляд, само повествование романа. В Бражук указывает на то, что в романе обнаруживаются новые смыслы: герои проникаются японским мироощущением и испытывают «сатори» не от созерцания белой хризантемы, а от соединения японского (возвышенного) — снег, луна, цветы — с русским (повседневным) — станция, работа, слякоть... Иными словами, как для японцев близка и понятна ветка сакуры, так и для русских железнодорожников понятны и близки ржавые рельсы⁸³.

На наш взгляд, верным представляется вывод автора относительно того, что такой постмодернистский писатель, как Саша Соколов, объединил в сознании своего героя культуры Востока и Запада, философию античности, христианства и буддизма, смешал время и пространство⁸⁴.

Оригинальным представляется нам исследование Е. М. Филипповой «Особенности национального пейзажа в картинах И. И. Левитана и в лирике Н. М. Рубцова». В статье данного автора рассматриваются интертекстуальные связи названий стихотворений Н. Рубцова с названиями пейзажей И. И. Левитана, выявляется общее и особенное в восприятии русской природы, русского пейзажа и русской души обоими художниками. Е. Филиппова сопоставляет полотно И. Левитана «Над вечным покоем» и стихотворение Н. Рубцова «Над вечным покоем», Левитана «Вечерний звон», «Тихая обитель» и Рубцова «Тихая моя родина»⁸⁵.

Автор данной работы не случайно поставила перед собой задачу сравнения произведений И. Левитана и Н. Рубцова. Известно, что сам Рубцов находился под влиянием творчества русского художника-передвижника. Свое отношение к его полотнам поэт отразил в стихотворении «Левитан», написанном по мотивам картины «Вечерний звон», в котором подчеркнул, что картины Левитана пробуждают его душу, как колокольный звон, раздавшийся внезапно среди тишины и покоя⁸⁶:

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!

⁸³ Бражук В. Японские мотивы ... С. 263-264.

⁸⁴ Там же. С. 264.

⁸⁵ Филиппова Е. М. Особенности национального пейзажа в картинах И. И. Левитана и в лирике Н. М. Рубцова // Русский язык и литература во времени и пространстве. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай: МАПРЯЛ, 2011. С. 457-464.

⁸⁶ Там же. С. 457.

Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

Сопоставляя произведения великих мастеров русского пейзажа, Е. М. Филиппова приходит к выводу: пейзажи И. Левитана близки Н. Рубцову, так как в них отражены те же чувства, которые испытывает сам поэт. Кроме того, автор подчеркивает, что в их произведениях отдельно взятые мотивы (например, религиозных исканий, другого берега, конца пути, утраты, а также храмы, избы, березы, облака и др.) не обособлены, но проявляют себя в комплексе, характеризуя особенности национального русского пейзажа⁸⁷.

Нам бы хотелось обратить внимание на тот подход, который применила в своем исследовании Е. М. Филиппова⁸⁸. На наш взгляд, это исследование носит литературоведческо-культурологический характер. Наряду с сугубо литературоведческим анализом стихотворений Рубцова, автор привлекает и элементы анализа произведений живописи, что позволяет говорить о наличии междисциплинарного аспекта. Подобный подход позволяет выявить единство восприятия родного пейзажа у носителей культуры (в данном случае русской культуры), единство национального (русского) самосознания, обусловленного таким консолидирующим фактором, как религия (православие).

Такой же подход можно применить и при изучении художественной литературы гагаузов, сопоставляя отдельные ее образцы с картинами худож-

⁸⁷ Там же. С. 464.

⁸⁸ Невольно в памяти возникают произведения двух других русских классиков культуры: поэта Н. Некрасова «Мороз, Красный нос» и художника В. Перова «Проводы покойника». На полотне Перова запечатлена печальная процессия: на телеге с впряженной лошадей домочадцы (мать и двое детей) везут гроб с телом отца — кормильца семьи. Созвучен этой картиной отрывок из поэмы Н. Некрасова:

*Савраска увяз в половине сугроба,
Две пары промерзлых лаптей
Да угол, рогожей покрытого гроба,
Торчат из убогих дровней...*

Оба произведения вызывают неизбывное чувство печали от утраты родного человека и безысходность тяжелой крестьянской жизни, тяжелую долю вдовы и сирот, тем самым представляя не только типичную картину русской действительности XIX – начала XX в., но и особенности «русской души», удел которой — глубокое страдание, жалость, скорбь и терпение. Многие критики полагают, что картина Перова «Старики родители на могиле сына» (1874) была написана на сюжет романа И. Тургенева «Отцы и дети».

ников гагаузского происхождения, с целью выявления в среде гагаузской творческой интеллигенции единства этнического самосознания.

В этом случае следует четко определить, чье влияние было первичным — поэтов на художников или наоборот. Впоследствии на базе данного исследования можно составить учебное пособие для преподавателей лицеев и вузов, в котором было бы представлено единство мировосприятия поэтов и художников гагаузского происхождения и, следовательно, общность их этнического самосознания.

Мы можем привести несколько выявленных нами примеров.

Так, картина художника Д. Савастина «Оглан и Лянка», вероятно, написана под влиянием поэмы Д. Танасоглу «Оглан и Лянка», а также Н. Бабоглу «Легенда Оглана». Но чаще встречаются образцы живописи или графики, которые можно сопоставить с фольклорными произведениями или народными обычаями. Например, литография Д. Савастина «Прими меня, Дунай» была создана по мотивам гагаузской баллады, главная героиня которой бросается в воды Дуная, чтобы не стать наложницей турка-османа.

Источником вдохновения для Д. Айоглу в процессе создания картины под названием «Жанавар Йортулары» («Волчьи праздники») послужили обычаи Волчьих праздников, являющихся неотъемлемой частью гагаузского народного календаря. Ёмкую характеристику данной картине представил М. Н. Губогло в своей монографии «Именем языка»: «В пелене утреннего тумана, сквозь оголенные ветви акации и иссохшие колючки кустарника, над крышами домов, приземистых овчарен и хозяйственных построек виднеется могущественная фигура волка, о чем-то надсадно воющего, обращаясь к богу неба»⁸⁹.

Нельзя не упомянуть работу О. Клишиной⁹⁰, представляющую собой серьезное методологическое исследование, в задачу которого входила разработка методологических принципов исследования литературного текста как историко-этнологического источника. В своем труде О. Клишина в большей степени концентрирует внимание на социальном аспекте.

Этнический колорит, отличающий героев художественных произведений, по мнению автора, «связан с конкретной исторической эпохой, условиями жизни и быта этноса, государства, социальным окружением, в котором находится персонаж. На персонаж художественной литературы воздействуют одновременно и этническая культура, и субкультура социальной среды, кроме того, во многих из них присутствуют и индивидуальные черты»⁹¹.

⁸⁹ Губогло М. Н. Именем языка. М.: Наука, 2006. С. 84.

⁹⁰ Клишина О. Методология этнологического исследования художественных текстов (на примере творчества А. Н. Островского, Н. С. Лескова, А. П. Чехова). Автореф. дисс. доктора исторических наук. М., 2013.

⁹¹ Там же. С. 41.

Используя качественный анализ текстов произведений русских писателей, автор приходит к выводу, что при анализе художественного произведения как этнологического источника, «можно получить, в общем, целостную модель описываемого общества»⁹². О. Клишина отмечает, что на примере творчества данных авторов становится ясно, что объектом прямых этнологических описаний для писателя-реалиста становятся не только действия, которые ощущаются пишущим как архаика (если он — представитель этой же культуры) или как экзотика (если среда иноэтнична), но и описание традиционного привычного быта, что придает особую ценность этому этнологическому источнику⁹³.

Рассматривая в целом общество и этнос как систему, этнолог может воспользоваться художественной литературой, чтобы понять сущность и мотивы, по которым эта система действует.

§ 2. Отражение этнической тематики в художественной литературе: опыт исследователей Республики Молдова

Литературная традиция на родных языках народов Республики Молдова имеет далеко не одинаковый стаж и не одинаковый опыт художественного изображения этничности. Старописьменные молдавский, русский, болгарский языки имеют многовековую традицию, уходящую корнями в летописный формат и освещение многочисленных «житий святых». Исследуемые в этих источниках нравственные ценности, принципы и нормы восходят к библейским временам и давно освоены христианской догматикой и риторикой. Иная ситуация складывается с гагаузским младописьменным языком, стремительно набирающим обороты в своём функциональном и структурном развитии.

Переплетение сюжетов этничности и нравственности в условиях взрывного роста этнического самосознания, падения и взлёта норм нравственности, соотношения традиций и инноваций — так складывается «бескорыстная мозаика бытия» в современных произведениях молдавских поэтов и писателей, с той или иной мерой таланта и ответственности освещающих повседневную жизнь молдаван, русских, болгар, гагаузов, украинцев и представителей других этнических общностей Республики Молдова.

⁹² Клишина О. Методология этнологического исследования художественных текстов, с. 41.

⁹³ Там же. С. 41-42.

1. Особенности исследований советского периода

Научных публикаций литературоведческого плана, посвященных исследованию творчества писателей Молдовы, создающих свои произведения на языках этнических меньшинств, немало. Очень сложно из большого перечня выбрать наиболее значимые. Остановимся на тех, которые, на наш взгляд, наряду с сугубо литературным анализом, затрагивают и этническую тематику. Среди таких работ следует назвать статьи С. Г. Пынзару «Жанр поэмы в творчестве русских писателей Молдавии» (1988), К. Ф. Поповича «Становление, тематическое своеобразие русского романа Советской Молдавии (1945–1865)» (1988), И. М. Сухаревой «Инонациональная действительность и художественный характер (на материале творчества современных русских прозаиков Молдавии)» (1988); очерки и монографии К. Ф. Поповича «Нариси украинского фольклору та художньої літератури Молдови» (2007), П. А. Чеботаря «Гагаузская художественная литература» (1993), И. Ижболдиной «Живая старина в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX – начала XX вв.: Исследования и материалы» (2012), С. П. Прокоп «Особенности русской составляющей литературного процесса Молдовы второй половины XX в.» (2014), «Литературные портреты» (2015, 2016) и др.

Писатели в своем творчестве очень часто обращаются к образцам устного народного творчества, используя мифологические и фольклорные образы, претерпевающие эволюцию. Именно в них литераторы пытаются найти определенную нравственную модель, нравственные ориентиры, которые становятся, по сути, «движущими силами социальной активности современника»⁹⁴. Молдавский литературовед А. Бурлаку приводит примеры того, каким образом происходит переработка мифа, в частности в молдавской поэзии того времени. Наиболее часто встречаемыми образами-символами выступают в мифах образы Прометей, Икара, Манолэ в поэзии Н. Костенко, Ем. Букова, А. Лупана, П. Боцу, В. Телеукэ и др. Как полагает автор, обращение к фольклорным и эпическим героям — не дань моде, а представляет собой результат «назревшей духовной потребности»⁹⁵. Лучшее объяснение этому феномену дано П. Боцу: «Я обращаюсь к фольклору потому, что с его помощью мне порой легче выразить, сказать то, что я думаю. Мне лично с его помощью сподручнее что-то доказать. То есть он для меня не только форма мышления, но и аргумент, действующий с большей убедительностью именно потому, что ... выразителен... Фольклор — это форма мышления, которая оттачивалась на протяжении веков. В фольклоре, мне кажется, значительно больше художественной выразительности, чем в узколитературных новациях»⁹⁶.

⁹⁴ Бурлак А. Символические ипостаси традиционного героя // Лимба ши литература молдовеняскэ. № 3, 1983. С. 53.

⁹⁵ Там же. С. 59.

⁹⁶ Вопросы литературы, 1982, № 3. С. 178-179. (цит. по: Бурлак А.). С. 59.

Отражению инонациональной действительности в творчестве русскоязычных прозаиков Молдовы посвящена статья И. М. Сухаревой⁹⁷. Автор отмечает, что произведениям русских писателей Молдавии присуща «этнографическая точность» в описании молдавского быта. И. М. Сухарева подчеркивает, что К. Шишкан в книге «Судьбы начинаются с минут» умело вводит в свое повествование документальные детали, связанные с особенностями национальной жизни, которые «способствуют более выразительному прояснению основного конфликта романа»⁹⁸. В одном из произведений К. Ковальджи внимание уделено описанию приготовления национальных молдавских блюд, а К. Шишкан приводит воспоминания своего детства, когда в доме делали вино, настоянное на полыни, ели очень вкусный каш⁹⁹. По мнению И. М. Сухаревой, этнографические описания не только передают особенности молдавского быта, но и создают неповторимый национальный колорит всего произведения. Несмотря на то, что эти описания лаконичны, они довольно гармонично вписаны в сюжет и призваны выполнять важную функцию — раскрывать замысел всего произведения. Важная деталь, на которую обращает внимание И. М. Сухарева, состоит в том, что русские писатели адресуют свои книги, в том числе и читателям, не знакомым с молдавской спецификой. При этом они, описывая молдавский быт, в своем сознании сопоставляют его с иной национальной средой, в частности с русской. В связи с этим яркие этнографические детали «становятся основой метафоры»¹⁰⁰.

В рассматриваемой нами статье указывается еще на ряд средств, способствующих созданию национального характера и национального колорита. Речь идет о языке произведения, о речевых характеристиках персонажей. В этом отношении важную роль играют использование национальной лексики, введение в текст локально или национально окрашенных имен собственных, топонимов, названий улиц, бытовой лексики, наименований сортов винограда и т. п. По мнению автора, все это служит для индивидуализации и типизации героев. И. Сухарева обращает внимание на использование в творчестве русских писателей Молдовы молдавского фольклора. Исследователь отмечает, что в произведениях К. Шишкана, Л. Мищенко, К. Ковальджи содержится немало количество паремий и идиом, высвечивающих «границы национального характера, облика народа в целом». Довольно часто писатели обращаются к такому жанру, как легенды и предания. Примером тому является книга «Лиманские истории» К. Ковальджи, в основе которой — легенда об осаде Лиманска турками-османами. Молдаване представлены доверчивыми и

⁹⁷ Сухарева И. М. Инонациональная действительность и художественный характер (на материале творчества современных русских прозаиков Молдавии) // Русская литература советской Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1988. С. 123-154.

⁹⁸ Там же. С. 125.

⁹⁹ Там же. С. 129.

¹⁰⁰ Там же. С. 130-131.

добрыми, незлобивыми и умеющими прощать. Турки, напротив, коварными и жестокими обманщиками¹⁰¹.

Кроме того, И. Сухарева анализирует использование этнографических элементов не только в произведениях русских, но и у молдавских писателей. Согласно ее мнению, у молдавских писателей «национальный колорит входит в их творчество естественно и органично, в то время как русские писатели сознательно ищут художественные пути воссоздания инациональной по отношению к себе действительности». Иными словами, в произведениях русских писателей республики ведущую роль играет национальная функция фольклора, а у их молдавских собратьев по перу национальная функция фольклора не является ведущей¹⁰².

Еще одним художественным приемом, отмеченным И. Сухаревой, является описание природы молдавской земли. Пейзажные мотивы в одном случае становятся символами для ряда героев, в другом способствуют раскрытию внутреннего мира.

Важный вывод И. Сухаревой состоит в том, что без этнографических деталей невозможно передать в произведениях художественной литературы своеобразие национального бытия народа и национальные особенности народного характера¹⁰³.

На создание молдавского колорита в творчестве русских писателей Молдовы обращает внимание в своей статье П. Чеботарь. Он указывает на то, что в своих книгах Л. Мищенко использует непереводимую молдавскую лексику — обращения, междометия, пословицы, поговорки и т. п. Кроме перечисленных элементов, Л. Мищенко вкладывает в уста главного героя «красивую молдавскую легенду о красавице Ляне и Негру-Водэ». Смысл этой легенды в том, что любви нельзя добиться ни силой, ни богатством.

2. *Специфика и особенности постсоветского опыта.* *Область «этнолитературы»*

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению работ, посвященных анализу художественной литературы русских, болгар, гагаузов, евреев, цыган Республики Молдова, напомним, что под понятием «этнолитература» подразумевается научное направление, нацеленное на изучение литературы этнических групп и диаспор, малочисленных и младописьменных народов и национальную литературу крупных сообществ (наций), которая содержит информацию этнического, национального характера. Первые исследования, написанные в этом ключе, появились еще в советский период. К таковым можно отнести ряд работ литературоведческого плана, посвященных анализу произведений советских писателей из разных рес-

¹⁰¹ Сухарева И. М. Инациональная действительность ... С. 138.

¹⁰² Там же. С. 135-137.

¹⁰³ Там же. С. 142.

публик СССР. Литературоведы акцентировали свое внимание в том числе и на национальном/этническом колорите данных сочинений. Как мы упоминали выше, М. Н. Губогло стал одним из первых, кто подошел к изучению произведений художественной литературы не с точки зрения литературоведа, а с позиции историка-этнографа, о чем свидетельствуют его работы. М. Н. Губогло можно по праву назвать инициатором исследований в области этнолитературы. Именно его изыскания вдохновили молдавских исследователей на изучение произведений художественной литературы как рычагов этнической мобилизации.

Большую роль в распространении научных работ, написанных в области этнолитературы, сыграли два издания: Ежегодник Института межэтнических исследований и *Revista de etnologie și culturologie* Института культурного наследия. Первый из журналов выходил до 2006 г. в Институте межэтнических исследований АНМ. В конце 2006 г. после расформирования данной структуры в рамках АНМ был создан Институт культурного наследия, состоящий из трех центров: Центра археологии, Центра искусствоведения и Центра этнологии. Центр этнологии явился преемником предшествующих структур — Отдела этнографии и Института межэтнических исследований. Каждый центр издавал свой журнал, где публиковались научные статьи в соответствии с направлением центра. Таким образом, журнал *Revista de etnologie și culturologie* стал своеобразным преемником существовавшего ранее «Ежегодника Института межэтнических исследований».

Кроме того, данная тематика (главным образом в литературоведческом аспекте) была представлена на страницах отдельных монографий, сборников статей, антологий, выходивших под грифом Института культурного наследия, а также работами других ученых, не являющихся сотрудниками Института.

Следует отметить, что появлению работ междисциплинарного характера способствовали тематические номера журнала *Revista de etnologie și culturologie*. Так, в пятом номере издания за 2010 г. решением редколлегии была определена тема под названием «Этнология детства». В данном разделе журнала, кроме сугубо этнографических статей, были опубликованы и работы, написанные на стыке этнологии и литературоведения: С. Прокоп «Судьба ребенка в цыганской литературе Молдовы», И. Шиховой «Мир местечкового детства в прозе Я. Тихмана», Д. Никогло и В. Сырфа «Гагаузская колыбельная песня. Фольклорная и литературная традиции». Последующие номера журнала также включали исследования по этнолитературе.

Научные работы, написанные в таком междисциплинарном ключе (с применением методов литературоведческого анализа, культурологического подхода, методов этнологического исследования), свидетельствуют о постоянно расширяющемся предметном поле этнологии, что, в свою очередь, способствует значительному расширению знаний и представлений об истории и культуре различных этнических общностей.

После обретения Молдовой независимости (1999) почти сразу начинаются преобразования в сфере культуры, целью которых являлась поддержка развития этнических общностей, проживающих в республике. Первым шагом стало открытие целой сети неправительственных этнокультурных организаций, которые в рамках своей деятельности проводили различные культурные мероприятия, встречи с местными писателями, художниками, презентации книг. Кроме того, в разное время в Кишиневе на основе этнического признака был открыт ряд библиотек: гагаузская библиотека, болгарская библиотека, еврейская, украинская библиотеки. Русская библиотека им. М. Ломоносова существовала еще до 1991 г.

Научные исследования сотрудников Центра этнологии Института культурного наследия АНМ, изучающих историю и культуру этнических меньшинств — украинцев, гагаузов, болгар, евреев, цыган, русских — большей частью основываются на междисциплинарном подходе, который характеризуется привлечением знаний не только этнологии, но и других, смежных гуманитарных наук, таких как лингвистика, литературоведение, фольклористика.

3. *Исследование этнической тематики, отраженной в литературе национальных меньшинств Республики Молдова.*
Горизонты русской литературы Молдовы

Особенностям русской литературы в Молдове посвящена целая серия работ С. Прокоп. Данные работы, как мы уже отметили выше, представляют собой исследования литературоведческого характера. В одной из своих работ исследователь указала на характерную особенность литературного процесса в Республике Молдова до 1991 г., состоящую в том, что в указанный период к местной русской (русскоязычной) литературе было принято относить литературу на русском языке, авторами которой были представители всех этнических групп. Таким образом, русская, гагаузская, украинская, болгарская, еврейская, цыганская литературы являются составной частью современного литературного процесса в Республике Молдова¹⁰⁴.

Анализируя гражданскую идентичность, отраженную в русской поэзии Молдовы второй половины XX в., С. Прокоп отмечает, что отражение этого феномена в художественной литературе неизбежно связано с осознанием этнических процессов в широком этнополитическом контексте. Задача, поставленная в данной статье, заключается в том, чтобы сопоставить трактовку образа родины в творчестве русскоязычных поэтов Молдовы в разные исторические периоды. Смысл озвученной задачи уже свидетельствует о том, что С. Прокоп применяет в своем исследовании междисциплинарный подход,

¹⁰⁴ Прокоп С. Особенности русской составляющей литературного процесса Молдовы второй половины XX в. Кишинев: Б. и., 2014.

т. е. сочетает принятый в исторической науке сравнительно-исторический метод с методами литературоведческого анализа. Специфика русской литературы Молдовы, сформировавшаяся в послевоенный период, состояла в том, что в процессе ее становления участвовали как местные русские литераторы, родившиеся в республике, так и приехавшие в нашу страну (по разным причинам). Именно они и составили две плеяды русскоязычных поэтов.

Основное отличие между ними, согласно исследованию автора, состоит в том, что для поэтов, родившихся на молдавской земле, единственной, любимой является их родина — Молдова. Как правило, признание в любви адресовано «малой родине» — родному селу, родному дому (Б. Мариан, С. Бурлака). Р. Ольшевский, живший до переезда в Молдову на Украине, в стихотворении, посвященном Г. Виеру, с тихой грустью говорит о том, что у его собратьев по перу — молдавских поэтов — есть родная деревенька, родной дом, родители, т. е. то, чего лишен он сам. Русские поэты, приехавшие жить в Молдову, в своем творчестве подчеркивают родство с Россией, которая остается для них исторической родиной, и одновременно высказывают уважение и любовь к Молдове, ставшей для них второй родиной (А. Юнко). Отметим, что тема двух родин очень четко прослеживается и в творчестве поэтов украинского и болгарского происхождения.

Новые мотивы звучат в поэзии в период геополитических трансформаций, результатом которых стала перестройка, а затем — демонтаж СССР. В этой связи С. Прокоп рассматривает гражданские мотивы в творчестве русских поэтов Молдовы сквозь призму их личных человеческих судеб, указывая на то, что некоторые из них покинули Молдову, уехав жить за границу. Поэты пребывают в некой растерянности от утраты большой родины, какой для них был Советский Союз, и малой родины — Молдовы (в тот период называемой Молдавией). Поэтому, как справедливо отмечает автор, и понятие «родина» становится «хрупким». Подтверждением тому служат стихотворения В. Чудина. У А. Миляха отчаяние оказалось настолько сильным, что поэт стал чувствовать себя человеком без родины.

В данной работе автору удалось показать, что взгляд на проблемы гражданской идентичности сквозь призму художественной ментальности, помогает проследить процесс изменения гражданского самосознания, национального самоопределения в разные исторические периоды.

Интересным и вполне обоснованным представляется нам попытка ввести в оборот такое понятие, как «литературная глобализация» — феномен, объединяющий, в том числе литературы различных стран на русском языке¹⁰⁵. Ярким примером выступает русская литература Республики Молдова. С. Прокоп совершенно справедливо указывает на тот позитивный

¹⁰⁵ Прокоп С. Литературные портреты. Книга первая. Кишинэу: Б. и., 2015. С. 5.

межэтнический климат, который поддерживается в нашей стране: «Республика Молдова сегодня является положительным примером для многих государств в Европе своим отношением, закрепленным законодательно, к иноязычным группам, зародившимся на ее земле. Законы, принятые в период ее независимости, позволили нетитульным этносам и этническим группам обрести свободу выражения при участии в этнокультурном движении, сам факт существования которого говорит о неприятии этнических конфликтов и служит гарантом высокой этнической культуры совместно проживающих иноязычных народов. Культурная, в нашем случае литературная составляющая этнокультурного движения подтверждает уровень высокой культуры и образованности этносов и этнических групп»¹⁰⁶.

Думается, что наличие в Молдове литературы на русском языке, написанной не только русскими, но и болгарскими, гагаузами, украинцами, евреями, цыганами — лучшее свидетельство исторически сложившихся добрых межэтнических отношений.

Об этом более подробно С. Прокоп говорит во второй книге — «Литературные портреты»¹⁰⁷. Автор подробно рассматривает творчество таких писателей, как К. Семеновский, Р. Ольшевский, Г. Перов. Во введении С. Прокоп совершает краткий экскурс в историю развития литературы гагаузов, болгар, евреев, ромов (цыган), пишущих на русском языке. Исследователь подчеркивает, что именно русский язык обусловил тот факт, что литература писателей Республики Молдова, принадлежащих разным этническим группам, стала достоянием широкого круга читателей.

Основной вывод исследования заключается в том, что и болгарские, еврейские, гагаузские, украинские писатели «не только начинали свой путь в местной литературе, публикуя свои произведения на русском языке, но и продолжают делать это, формируя тем самым русскую ветвь в гагаузской, болгарской, украинской, еврейской и цыганской литературах, привлекая тем самым широкий круг читателей. Данное явление обрело в нашем регионе закономерный характер»¹⁰⁸.

От себя добавим, что развитие той самой «русской ветви» гагаузской, болгарской, украинской, цыганской, еврейской литератур шло и идет параллельно с динамичным развитием литератур этих этнических общностей на их родных языках. По крайней мере, писатели болгарского, гагаузского и украинского происхождения публикуют свои книги в большей степени на родном языке.

Хотя упомянутые выше работы С. Прокоп написаны в литературоведческом ключе, тем не менее, в них содержатся указания на региональную

¹⁰⁶ Прокоп С. Литературные портреты. Книга первая. С. 5.

¹⁰⁷ Там же. С. 4-13.

¹⁰⁸ Там же. С. 13.

идентичность (большая и малая родина), языковую идентичность (русский язык), этническую/национальную идентичность. Тема большой и малой родины встречается в творчестве всех поэтов: О. Рудягиной, А. Миляха, К. Семеновского, К. Шишкана и даже в сатирических произведениях Ю. Харламова.

Поэты проявляют трепетное отношение как к малой родине — Молдове, так и к большой — России (у О. Рудягиной, А. Миляха, К. Семеновского), а также к Украине у Р. Ольшевского.

Анализируя тему большой и малой родины в творчестве уроженца Одесской области Р. Ольшевского, С. Прокоп отмечает: «В нашу республику Рудольф Ольшевский приехал в начале 60-х гг., когда ему было уже двадцать с небольшим. Тем не менее, Молдова вошла в его поэтическое творчество глубоко и по-настоящему. Он отдавал дань молдавской теме, публикуя из сборника в сборник очередные посвящения той, которую полюбил всей душой»¹⁰⁹. Автор подчеркивает великолепное знание Р. Ольшевским истории бессарабского края и его умение воссоздавать в ряде своих стихотворений все признаки прошлой эпохи (стихотворение «Алеко») ¹¹⁰. Кроме того, С. Прокоп выявляет и этнографические мотивы в творчестве поэта, представленные целым циклом поэтических произведений на молдавскую тему, о чем свидетельствует название и содержание его стихотворений: «Жок», «Виноград», «Танец бочек», «Вино», «Пора винограда», «Волы», «Флуер», «Разбуженные погреба», «Родина»¹¹¹.

С. Прокоп верно замечает, что в поэзии Р. Ольшевского, уроженца Белоруссии и прожившего годы своего детства и юности на Украине, глубоко и искренне полюбившего Молдову, «символы, с которых „начинается родина“, — старый забытый колодец, осенний виноград, холмы, стая журавлей, свадебные скрипки, звон тополей и синь рек, маки на поляне и др. — в равной степени могут относиться как к Украине, так и к Молдове»¹¹².

Кроме молдавской тематики, творческий арсенал Р. Ольшевского содержит и стихотворения, посвященные цыганам. Цыганская тема, как пишет С. Прокоп, представлена у Р. Ольшевского неслучайно: поэт, родившийся в Белоруссии, живший на Украине и затем переехавший в Кишинев, «не мог не обратить внимания на народ, проживающий бок о бок с белорусами, русскими, украинцами, молдаванами и др. Он не мог пройти мимо тех, чья музыкальная культура с конца XVII в. стала частью не только русского, но и молдавского народа»¹¹³.

¹⁰⁹ Прокоп С. Литературные портреты. Книга вторая. Кишинэу: Б. и., 2016. С. 233.

¹¹⁰ Там же. С. 233.

¹¹¹ Там же. С. 235.

¹¹² Там же. С. 236.

¹¹³ Там же. С. 227.

Отражение языковой и этнической идентичности содержится в стихотворениях О. Рудягиной.

Особое звучание данной темы проявляется в трансформационную эпоху — период развала СССР и последовавшего за ним парада суверенитетов. Историческая память представлена поэзией о Второй мировой войне (О. Рудягина, А. Милых, К. Семеновский, К. Шишкан, Р. Ольшевский).

Заслуживает внимания работа И. Ижболдиной, в которой рассматриваются произведения русских литераторов Бессарабии конца XIX — начала XX в. (2011). Этот труд представляет собой антологию сочинений русскоязычных писателей (О. Накко, П. Крушеван, Д. Суручан и др.) с анализом творчества каждого из них. В центре внимания автора-составителя — рассказы бессарабских писателей с социально-бытовой, этнографической и исторической тематикой. Рассматривая творчество Ольги Накко, И. Ижболдина подчеркивает, что писательница знакомит русского читателя с нравами бессарабской жизни. Осуществляя поиск этнографических реалий, исследователь акцентирует особое внимание на этнографических деталях (описании обычаев и обрядов), на поведенческих аспектах жизни бессарабцев (в основном молдаван), стереотипах. Автор (И. Ижболдина) непросто приводит описание тех или иных обычаев и обрядов, представленных О. Накко, но и пытается проследить трансформацию некоторых элементов, ссылаясь на работы известных исследователей-этнографов (румынского ученого В. Кернбаха, В. Зеленчука).

Другой автор, творчество которого рассматривает И. Ижболдина, — Д. Суручан так же, как и О. Накко, апеллирует к народным традициям. Его рассказы содержат «множество реалистических, этнографически точных наблюдений над бытом и условиями жизни героев». Особенно ярко это проявляется в том, что Д. Суручан переполняет свой текст молдаванизмами, данными в народной транскрипции. По мнению И. Ижболдиной, «художественный мир произведений Д. Суручана, производящий эффект взаимодействия с молдавской культурой, вызывает у читателя определенное отношение к ней, обусловленное национально-специфическими различиями, существующими между родной и чужой культурой». Передача этой специфики происходит у Д. Суручана посредством описания образов «униженных и оскорбленных», их быта и положения в обществе.

Литература на языке украинцев Молдовы

Тематическому и идейно-художественному своеобразию литературы Молдовы на украинском языке посвящены очерки академика К. Поповича «Нариси українського фольклору та художньої літератури Молдови», изданные в 2007 г.

Наряду с фольклорными текстами, представляющими собой образцы устного народного творчества украинцев Молдовы, в данном труде пред-

ставлен анализ и произведений художественной литературы украинских писателей, проживающих в Молдове.

Книга содержит ценную информацию о биографических данных украиноязычных писателей и характеристику их творчества. В поле зрения автора — произведения С. Келарь, Г. Якубовича, Г. Роговой, З. Гурской, Л. Лындюк, С. Лозинской, И. Кравчук, О. Медведенко, Е. Осередчука, Л. Никитина, Ю. Дьячука, В. Сеницкого, М. Ткача, В. Китайгородской, В. Васкана, В. Гандзия¹¹⁴. Из перечисленных поэтов только один — С. Келарь — родился в Молдове, остальные же — уроженцы Украины.

К. Попович уделяет значительное внимание патриотической лирике. Как правило, у всех без исключения поэтов большая родина — Украина — предстает как святая и горячо любимая земля. Наиболее ярко представлена тема любви к родному краю, к родителям, которая выступает магистральной в творчестве всех поэтов, что свидетельствует о ярко выраженной региональной идентичности. Ряд стихотворений посвящен родному украинскому языку (Г. Якубович). Встречаются также произведения, в которых содержится упоминание об обычаях и обрядах украинцев, об исторических событиях далекого и недавнего прошлого¹¹⁵.

Обращает внимание К. Попович также на то, что в поэзии украиноязычных авторов одной из важных тем является тема труда, отношения к труду.

В. П. Степанов в монографии, посвященной динамике этнической идентичности украинцев Республики Молдова, рассматривает художественную литературу как один из искусственных механизмов этнической мобилизации. Литература, по мнению исследователя, — это система, способствующая развитию этнического чувства и толерантности по отношению к представителям других этнических групп. Как и другие исследователи, В. П. Степанов анализирует художественную литературу украинцев как этнографический источник. Кроме того, он предпринимает попытку проследить, каким образом в литературе отражаются межэтнические отношения. Любопытным представляется, на наш взгляд, стремление В. П. Степанова исследовать стереотипы (авто- и гетеро-), анализируя такой жанр устного народного творчества, как анекдот, служащий идеологическим оружием. В качестве источников выступают «Очерки Днестра» Афанасьева-Чужбинского, работы А. П. Несторовского, К. Ф. Поповича. В. П. Степанов выявляет такие этнографические реалии, как элементы материальной и духовной культуры (описание одежды, интерьера, блюд национальной кухни и т. п.), элементы магии, общественные и семейные отношения, ценностные характеристики (трудолюбие, гостеприимство)¹¹⁶.

¹¹⁴ **Попович К.** Нариси українського фольклору та художньої літератури Молдови. Кишинев: Б. и., 2007. С. 198-588.

¹¹⁵ **Там же.** С. 198-588.

¹¹⁶ **Степанов В. П.** Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1985–2005). Кишинев: Б. и., 2007. С. 336-481.

Работы, посвященные литературе белорусов Республики Молдова

Обстоятельный анализ появления и развития белорусской литературы представлен в коллективной монографии «Молдова-Беларусь: исторический опыт взаимодействия» (2012), изданной в рамках Международного проекта «Молдова-Беларусь: сравнительный анализ тенденций устойчивого развития». В одном из разделов содержится информация по истории развития белорусской литературы в Молдове. С. П. Прокоп довольно подробно рассматривает идейно-тематическое содержание произведений писателей белорусского происхождения. Ценность данной работы состоит ещё и в том, что в ней представлен целый спектр элементов этнической идентификации белорусов. Так, например, региональная идентичность белорусов Молдовы отражается в апелляции писателей к большой родине — Белоруссии и малой родине — Молдове. При этом устойчивым мотивом, проходящим красной нитью через творчество всех поэтов белорусского происхождения, является пронзительная ностальгия по исторической родине — Беларуси. У одних поэтов образ большой родины ассоциируется с родными, близкими сердцу пейзажами, маркерами которых являются лесные чащи, цветенье васильков, пение соловья (В. Пилецкая), леса и болота, могучие дубы, деревушка в глуши, пущи густые, звон цимбал, березы (И. Батрачкин, Н. Шляпо, И. Рахуба, В. Беяева-Сугак). Молдова воспринимается этими авторами как вторая родина, горячо любимая, с невероятно красивыми пейзажами, солнечная и светлая. Маркерами-образами Молдовы являются поющая дойна, Днестр, днестровская синь, деревня Ботна, холмы, виноградники и пшеничные поля, сады, цветенье трав...

Историческая память проявляется в обращении к теме войны, а именно к белорусским партизанам, к белорусскому народу, который не склонил голову перед оккупантом, к трагедии войны, оставившей неизгладимый след и боль в душе каждого белоруса (И. Батрачкин, В. Беяева-Сугак). В ряде поэтических произведений содержатся представления о нравственных качествах белорусов (автостереотипы), среди которых выделяются трудолюбие, доброта, миролюбие, мудрость¹¹⁷.

Поэты белорусского происхождения испытывают гордость за Беларусь, за белорусский народ, что свидетельствует о наличии у представителей творческой интеллигенции белорусской диаспоры Молдовы положительной этнической идентичности.

¹¹⁷ Прокоп С. П. Белорусская культура в Республике Молдова (1991–2011) // Молдова-Беларусь: исторический опыт взаимодействия. Кишинев: Б. и., 2012. С. 350-428.

*Работы, посвященные изучению художественной литературы
цыган (ромов)*

Ряд обстоятельных статей по цыганской литературе, написанных в междисциплинарном ключе, принадлежит С. Прокоп, которая является единственным исследователем литературы ромов, проживающих в Республике Молдова. В работе «Цыганская литература Молдовы как характеристика этнической и культурной идентичности» (2008) С. Прокоп анализирует книгу П. Андрейченко «Десять тетрадей в клеточку» с точки зрения наличия в ней этнографических элементов и показывает, что произведения художественной литературы цыган можно рассматривать не только с позиций литературоведения, но и в контексте этнологии.

На наш взгляд, важно отметить, что самобытный и неповторимый характер цыганской культуры, в том числе и ее традиционно-бытового сегмента, представление людей о том, что цыганам ведомо некое тайное знание, а их культура невероятно таинственна и самобытна, т. к. связана с колдовскими и гадательными практиками, ставят в тупик адептов чистого конструктивизма, утверждающих, что этничность — категория ситуативная и является плодом воображения, конструктом, создаваемым писателями, художниками, учеными. Цыгане, где бы они ни находились, всем фактом своего существования доказывают обратное, упорно сохраняя свои традиции и всеми силами защищая их. Одним из факторов этой сохранности выступает изолированный характер цыганского общества. Доводы конструктивистов разбиваются о выработанное цыганами веками стремление к сохранению своей самобытности.

Ни для кого не секрет, что известные произведения художественной литературы о цыганах были написаны не самими цыганами, а писателями других национальностей. Как правило, данные произведения содержали стереотипизированные представления о загадочном народе, искаженно обрисовывая его нравы и демонстрировали неверное понимание особенностей менталитета. Свою лепту в создание стереотипов о цыганах внесли и кинематографисты. Сконструированный этнический облик ромов, весьма схематичный, упрощенный и зачастую далекий от реальности, довольно прочно закрепился в сознании значительной массы читателей и зрителей.

Поэтому С. Прокоп не случайно обращает внимание на слова Вейхо Балтасара, который еще в 2002 г., высказывая мысль о том, что литература цыган является частью мировой литературы, подчеркнул, что «вне всякого сомнения, литература является важным аспектом, определяющим идентичность „ромов“, так как, пользуясь письменностью, мы можем передавать наши традиции из поколения в поколение. Ни одна этническая группа не может выжить без документального подтверждения своей культуры, литературы, искусства и наук. Авторы — своего рода исполнители народа (его

знаний, таланта, искусства, устного народного творчества)»¹¹⁸. По сути, Вейхо Балтасар изложил некоторые методологические положения, касающиеся такого развивающегося направления в этнологии, как этнолитература, а именно обратил внимание на то, что литература ромов определяет их идентичность, а авторы являются трансляторами этнической и культурной идентичности. Приведенное высказывание вполне можно спроецировать и на литературу других этнических общностей.

С. Прокоп отмечает, что в Республике Молдова цыганская литература находится в стадии становления, но, тем не менее, вышедшие в свет литературные произведения, написанные ромами, наряду с местной художественной литературой болгар, русских, украинцев, гагаузов, евреев, являются неотъемлемой частью общереспубликанского литературного процесса¹¹⁹. Особенность цыганской литературы Молдовы состоит в том, что изначально свои произведения авторы-ромы пишут на русском языке¹²⁰. Среди этнографических элементов, вернее элементов этнической идентификации, в книге П. Андрейченко С. Прокоп выявляет наличие антропологических и физиогномических характеристик, традиционных занятий, особое отношение цыган к золоту, трепетное отношение к мистике, магическое искусство гадания, способность лечить гипнозом, изолированность от гадже («не цыган»), заключающаяся в осуждении смешанных браков, музыкальные способности народа, жизнь в таборе и вне табора, некоторые нормы обычного права, особенности менталитета¹²¹. Важно, что автор выявляет автостереотипы, согласно которым цыгане считают себя удачливыми, добрыми, щедрыми, свободолюбивыми. Не обходит вниманием С. Прокоп и представленный в книге исторический контекст, подчеркивая, что П. Андрейченко обрисовывает жизнь и быт цыган на фоне трагических событий Второй мировой войны — геноцида цыганского народа¹²². В этом случае С. Прокоп касается такого феномена этнической идентификации, как историческая память и трагедия цыганского народа, ставшая частью их идентичности.

На наш взгляд, было бы неплохо, если бы автор указал в выводах на то, что в рассмотренном произведении П. Андрейченко очень четко прослеживается наличие положительной этнической идентичности у ромов. Однако, судя по другим характеристикам, на которые обратила внимание С. Прокоп (речь идет о чувстве превосходства над другими), этот вид этнической идентичности сочетается с рядом других, например с этноизоляционизмом и с этноцентрической этнической идентичностью.

¹¹⁸ Прокоп С. Цыганская литература Молдовы как характеристика культурной и этнической идентичности // *Revista de etnologie și culturologie*, №3, 2008. С. 212.

¹¹⁹ Там же. С. 203.

¹²⁰ Там же. С. 203.

¹²¹ Там же. С. 204-211.

¹²² Там же. С. 204-211.

В другой статье на примере повести цыганского автора Л. Череповского «Судьба цыгана» С. Прокоп рассматривает судьбу маленького цыганского мальчика Мирчи, на долю которого выпали нелегкие испытания и жизнь которого протекала на фоне трагедии Второй мировой войны.

Учитывая специфику темы, автор верно определила методологический вектор своего исследования и обратила внимание на такую область традиционной культуры, как обычное право (в данном случае — обычное право цыган) — свод неписаных правил и норм, выработанный народом. В этом контексте С. Прокоп и показывает судьбу цыганского ребенка. Как и в предыдущей статье, С. Прокоп указывает на стереотипы и гетеростереотипы, физический облик цыган, их космогонические представления, целительскую практику, особое отношение к лошадям¹²³. Основной вывод автора заключается в том, что повесть Л. Череповского транслирует «преемственность в цыганских семьях, извечные нравственные ценности, передаваемые из поколения в поколение: уважение к своим корням, бережное отношение к самому институту семьи, трогательное отношение к детям как продолжателям рода»¹²⁴.

Продолжая свои исследования в области цыганской литературы, С. Прокоп в работе «Цыганские писатели Республики Молдова в литературном контексте Европы» аргументированно показывает, что цыганскую литературу Республики Молдова можно по праву считать составной частью мировой литературы. Данная статья представляет собой серьезное исследование, в котором основное внимание уделяется исторической судьбе цыганской литературы в Республике Молдова и сложившейся специфической языковой ситуации; определяются особенности современного периода развития цыганской литературы Молдовы; анализируется ее жанрово-тематическое разнообразие; указаны методы исследования цыганской литературы¹²⁵. С. Прокоп подчеркивает, что цыганскую литературу следует рассматривать не только в литературоведческом ключе, но и с точки зрения этнологии. В этом смысле литература цыганского этноса является источником, расширяющим «наши познания и представления о традициях и обычаях цыганской этнической группы, проживающей испокон веков на территории современной Республики Молдова»¹²⁶. Согласимся с мнением автора, что важно рассматривать не столько обычаи и обряды, запечатленные в литературе ромов, сколько особенности соционормативной культуры, в частности нормы обычного права, которые предоставляют богатую и разнообразную информацию о

¹²³ Прокоп С. Судьба ребенка в цыганской литературе // Revista de etnologie și culturologie. Vol. V, 2010. С. 114-117.

¹²⁴ Там же. С. 117.

¹²⁵ Прокоп С. Цыганские писатели Республики Молдова в литературном контексте Европы // Revista de etnologie și culturologie. Vol. VI, 2010. С. 42-51.

¹²⁶ Там же. С. 49.

менталитете цыган, их духовности, что позволяет «идентифицировать цыган, как народ, имеющий право претендовать на написание своей истории, так и своей литературы»¹²⁷.

По сути С. Прокоп считает, что независимо от того, на каком языке пишут представители цыганской общности свои литературные произведения, данная литература имеет право называться цыганской.

Если предметом рассмотренных выше исследований С. Прокоп являлись в основном гетеростереотипы ромов и их нравы, отраженные в произведениях литературы, написанной самими носителями цыганской культуры, то в последующих статьях автор анализирует стереотипы, представленные в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв.

Так, в одной из работ («„Цыганская тема“, отраженная в русской художественной литературе XVIII–XIX вв.») автор ставит перед собой цель подтвердить или опровергнуть устоявшиеся мифы и представления о цыганах в сочинениях русских писателей: А. С. Пушкина, В. Л. Пушкина, А. Н. Апухтина, Е. Ростопчиной, И. Никитина, А. Григорьева, Е. Баратынского, К. Батюшкова, С. Шевырева, Н. Языкова, А. Толстого, А. Фета, В. Бенедиктова, Я. Полонского, Л. Мея, А. Барыкова, И. Бунина, Е. Гребенки, И. Кондратьева¹²⁸. Отдельная статья С. Прокоп под названием «Цыганский и еврейский колорит в произведениях В. Даля» посвящена исследованию «цыганской темы» в творчестве русского ученого, писателя, этнографа и лексикографа В. Даля. В данной работе автор ставит перед собой такую же задачу, что и в предыдущей, т. е. выявление в творчестве В. Даля произведений, в которых присутствуют этнографические детали и этнические характеристики цыган и представления о них¹²⁹.

С. Прокоп выявила общее и особенное в восприятии цыган представителями русской творческой интеллигенции и проследила эволюцию отношения к ним в русском обществе в указанный хронологический период. Общее в восприятии цыган заключалось, главным образом, в стереотипах, в основе которых ложные представления о легкости поведения цыганок, о внутренней свободе народа, которая влекла и манила писателей. Эта свобода поведения заключалась как в зажигательных цыганских танцах, в загадочной внешности чернооких цыганок, так и в особенностях таборной кочевой жизни, протекавшей в степи, которая являлась неким символом вольности и духовной свободы¹³⁰.

¹²⁷ Прокоп С. Цыганские писатели ... С. 49.

¹²⁸ Прокоп С. «Цыганская тема», отраженная в русской художественной литературе XVIII–XIX вв. // Romii/Țigani din Republica Moldova: comunitate etnosocială, multiculturală, istorico-tradițională (1414–2014). Materialele Conferinței Științifice Romologice Republicane. Chișinău, 08 Aprilie 2014. Chișinău: Tipografia „Prap”, 2014. С. 86–127.

¹²⁹ Прокоп С. Цыганский и еврейский колорит в произведениях В. Даля // Revista de etnologie și culturologie. Vol. XV–XVI, 2014. С. 94–104.

¹³⁰ Там же. С. 124.

Как считает автор, представления о цыганах, бытовавшие в XIX в., существенно отличались от тех, которые сформировались в XX в. и «определялись той общественной обстановкой, которая складывалась в России. В годы относительного благополучия, когда и цыганам жилось лучше, представления о них носили оттенок романтичности и идеализации, в отличие от периода лихолетья и невзгод, послереволюционного и послевоенного периодов, когда цыгане, особенно кочующие, были вынуждены просто выживать»¹³¹.

Работы, посвященные исследованиям художественной литературы евреев

Первые публикации сотрудников сектора «Этнология евреев», которые касались еврейской темы в литературе, были написаны еще в советский период. Это работы сугубо литературоведческого характера: монография М. Лемстера «Еврейский баснописец и мудрец Элизер Штейнбарг» (1999), обстоятельная работа Р. Клейман «Возвращение Гершензона» (2003).

Однако, на наш взгляд, первые шаги на пути исследования отражения этничности в еврейской литературе были сделаны Р. Я. Клейман в статье «Еврейская составляющая творческого мира Иосифа Бродского» (2003). Данная публикация носит также сугубо литературоведческий характер, однако представленный в ней анализ поэтического и эссеистического творчества знаменитого поэта содержит интересные размышления относительно того, каким образом происходило становление еврейского самосознания Бродского. Так, исследователь отмечает, что самосознание поэта складывалось в первую очередь в результате восприятия своей идентичности, в отношении его к антисемитизму (который его мало трогал), в уважительном отношении к отцу, который был советским офицером и освободил Румынию, восприятию того, как жила семья Бродских в «коммуналке» после войны, лихолетье в годы борьбы с космополитизмом. Анализируя стихотворение «Пролог» и называя его мощным дебютом Бродского, Р. Клейман отмечает, что оно поражает дерзостью «жесткой физиологии российско-питерских бытовых реалий с еврейским опытом житейской мудрости, высоким библеизмом стиля»¹³².

Основным методологическим принципом при исследовании этничности художественной литературы является подход, при котором следует учитывать не эстетическую, а сугубо этническую, вернее, этнографическую/этнокультурную ее составляющую. Такой принцип применяется при анализе произведения Я. Тихмана «Мотл-Шотхен», в котором рассказывается о еврейском местечке Зиньков, где с 1930 по 1950 г. проживали люди разных

¹³¹ Прокоп С. Цыганский и еврейский колорит ... // Revista de etnologie și culturologie. Vol. XV–XVI, 2014. С. 124.

¹³² Клейман Р. Еврейская составляющая творческого мира Иосифа Бродского // Ежегодник Института межэтнических исследований. Том V. Chisinau: Tipografia AȘM, 2004. С. 127.

национальностей, в том числе и евреи. Именно поликультурализм Зинькова обусловил его неповторимый облик. В 2006 г. по повести Я. Тихмана был снят художественный фильм «Сотворение любви», в котором он выступил в качестве продюсера. Режиссером являлся Валериу Жереги.

Об этом статья Р. Клейман «Проза Я. Тихмана как межкультурный феномен XXI в.» Автор акцентирует внимание на умении писателя подробно, в деталях представлять «трогательный и чуточку смешной мир восточно-европейского местечка, легендарного штетла, который остался в памяти нашего поколения на уровне чувственном и подсознательном, чем интеллектуальном». Важно, что исследователь, по сути, подходит к изучению прозы Я. Тихмана в междисциплинарном ключе. При этом озвучивая мысль о том, что еврейское местечко (штетл) — восточноевропейский исторический феномен, специфический литературный хронотоп предстает как особая культурологическая мифологема. Кроме того, Р. Я. Клейман с точки зрения этнологического подхода характеризует текст Я. Тихмана как источник бытовой культуры штетла¹³³.

Здесь нам хотелось бы обратить внимание на такое понятие, как культурный ландшафт. Общеизвестно, что это понятие включает в себя ряд природных и антропогенных компонентов. К природным относятся природные особенности, рельеф местности, климат. В перечень антропогенных входят такие элементы, как типичные виды домов, декор ворот, крыш, стен, особенности расположения улиц, типичный облик улицы, транспорт, одежда и т. п. Кроме перечисленных антропогенных компонентов, одной из составляющих культурного ландшафта являются запахи, которыми наполняется селовразное время. Именно об этом и говорит Р. Клейман в своей работе, отмечая умение Я. Тихмана передать неповторимый образ местечка, описывая ароматы пива, копченой колбасы, чеснока, запах бани, аромат сливового варенья в августе, запах мацы и пасхальных куличей и т. п. Исследователь приходит к выводу, что в тексте Я. Тихмана за идиллическим и лубочным мирным сосуществованием в местечке Зиньков разных национальностей «кроются другие, глубокие, мощные пласты метафорических, символических мифологических значений, философских размышлений об общечеловеческих ценностях, о жизни и смерти, о добре и зле, о том, что в мире много мудрости и много печали...»¹³⁴.

Изучение прозы Я. Тихмана продолжено в работах И. Шиховой. Так, в статье «Мир местечкового детства в прозе Я. Тихмана» автор ставит ряд важных вопросов методологического характера. Автор следует методологическому принципу, суть которого заключается в вычленении из текста

¹³³ Клейман Р. Проза Я. Тихмана как межкультурный феномен XXI века (быт и притча в системе интертекстуальных связей) // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 1, 2006. С. 177-185.

¹³⁴ Там же. С. 178.

повести «Мотл-шохтен» эпизодов, фиксирующих традиционные и обрядовые единицы, «имеющие отношение к еврейской жизни вообще и к еврейскому местечковому детству» и комментировании их «с точки зрения еврейской религиозной, бытовой и обрядовой традиции»¹³⁵.

В этой связи исследователь рассматривает отражение этнографических реалий, связанных с воспитанием ребенка в обрядах еврейского жизненного цикла и еврейского годового цикла, в обыденной жизни еврейского местечка. Сопоставляя текст романа с еврейской религиозной, бытовой и обрядовой традицией и обозначая исторический контекст, И. Шихова подчеркивает, что в романе писатель отмечает многодетность еврейских семей в первой половине XX в.; описывает обряд обрезания, который совершается, невзирая на расцвет в послевоенное время антисемитизма в СССР; упоминает неоднократно об обучении детей в еврейских школах, где изучали, в том числе и основы иудаизма; обучение ремеслу¹³⁶. Анализируя участие детей в обрядах еврейского годового цикла, И. Шихова выявляет, что Я. Тихман указывает на то, что семья, в том числе и дети, выполняют такие ключевые действия, как чтение пасхальной молитвы (агада); на праздник Ханука дети играют в волчок (дрэйдл/севивон) и получают подарки от взрослых ханукальные деньги (хануке гелт)¹³⁷.

Следует подчеркнуть, что автор не просто выявляет этнографические реалии, но и обозначает те детали, на которые не указал писатель (например, на различные законы, касающиеся процесса родов, действия, направленные на родовспоможение и т. п.). И. Шихова отмечает, что Я. Тихман показывает на примере общения еврейских детей со своими сверстниками других этнических общностей, каким образом еврейские дети вливаются в общекультурную среду, обогащая ее и обогащаясь ею: «еврейское местечковое детство, сохраняя этническую специфичность, приобретает также специфичность региональную, попадая под влияние соседей: украинцев, молдаван, русских и т. д.»¹³⁸.

Отражению традиций и нравов евреев в художественной литературе посвящена статья С. Прокоп «Цыганский и еврейский колорит в произведениях В. Даля». Автор главным образом анализирует рассказы В. Даля о евреях (и цыганах) с точки зрения наличия в них гетеростереотипов, бытующих в то время. Как правило, эти представления носят необъективный и зачастую предвзятый характер. С. Прокоп отмечает, что в большей степени В. Даль приводит черты, раскрывающие менталитет еврейского этноса: предприимчивость, хитрость, стремление к обособлению (изоляции), которые

¹³⁵ Шихова И. Мир местечкового детства в прозе Я. Тихмана // Revista de etnologie și culturologie. Vol. V, 2010. С. 118.

¹³⁶ Там же. С. 119.

¹³⁷ Там же. С. 120.

¹³⁸ Там же. С. 121.

проявляются в их профессиональной сфере, в бытовой повседневности, во взаимоотношениях с представителями других этнических общностей¹³⁹. Исследователь указывает также на то, что в рассказах В. Даля содержатся и этнографические описания элементов традиционно-бытовой культуры евреев, в частности традиций питания, основной характеристикой которых является табу, обозначаемое в еврейском языке понятием «кошерный»¹⁴⁰. Междисциплинарный характер данного исследования подтверждается тем, что автор применяет этнологические методы, метод же литературоведческого анализа выступает в качестве вспомогательного. Выявление гетеростереотипов позволяет говорить о применении и методов этнопсихологии. Кроме того, С. Прокоп, соблюдая принцип историзма, показывает, что выявленные ею гетеростереотипы бытовали в русском обществе в указанный исторический период, т. е. в XIX в.¹⁴¹

Еврейский колорит является предметом исследования В. Степанова, который детально изучил очерки А. С. Афанасьева-Чужбинского и выявил в них ряд этнографических зарисовок, несущих информацию о традиционной жизни евреев. Прежде чем перейти непосредственно к анализу статьи В. Степанова, отметим, что в начале своей работы автор указывает на то, что критический подход к трудам А. С. Афанасьева-Чужбинского позволяет говорить о поверхностном характере и бессистемности в освещении увиденного автором. Однако, как подчеркивает В. Степанов, ценность данных очерков состоит в эмоциональной насыщенности текста, в его наполненности живыми впечатлениями исследователя. В этом отношении В. Степанов, как и И. Шихова, обращают внимание на то, что эти впечатления могут быть как всецело объективными, так и частично объективными или необъективными вообще. Поэтому к ним следует относиться критически. В. Степанов отмечает, что А. С. Афанасьев-Чужбинский в своих зарисовках обращает внимание на некоторые психологические особенности евреев: евреи-торговцы обходительны с клиентами, но в то же время стараются сбыть свой товар по выгодной им цене. Характерной чертой, зафиксированной в очерках, является исполнительность евреев. Кроме того, автор данной статьи выявляет в очерках А. С. Афанасьева-Чужбинского информацию о таких традиционных занятиях еврейского населения, как портняжничество, перевозка грузов, сплав леса по Днестру и других ремесленных занятиях. Кроме того, в очерках приводится описание внутреннего убранства жилища.

Интересными и обстоятельными представляются нам выводы В. Степанова. По его мнению, С. А. Афанасьев-Чужбинский, с одной стороны, предстает перед читателем в качестве просвещенного друга еврейства, ратуя за то, чтобы

¹³⁹ Прокоп С. Цыганский и еврейский колорит в произведениях В. Даля // Revista de etnologie și culturologie. Vol. XVI, 2014. С. 94-104.

¹⁴⁰ Там же. С. 100.

¹⁴¹ Там же. С. 102-103.

евреям разрешили селиться по всей империи, подчеркивает их востребованные позитивные качества (коммерческая жилка и смекалка, например). С другой стороны, будучи представителем своего времени, он находится в плену целого комплекса негативных установок, однобоко представляющих изучаемый им народ, который поголовно наделяет такими чертами, как мздоимство, хитрость, обман, то есть теми устойчивыми характеристиками, представления о которых сложились в христианском мире в отношении «проклятого народа»¹⁴².

Исследования по литературе болгар Республики Молдова

Е. Налбантова — автор обстоятельной статьи, посвященной анализу болгарской поэзии Молдовы и Украины, акцентирует внимание на том, как отражается болгарская идентичность в данном жанре литературы. Автор утверждает, что поэзия бессарабских болгар создавалась без собственной литературной традиции, и местные писатели болгарского происхождения получали образование на другом языке. Родной язык осваивался ими sporadично и не системно, что определило качество их произведений и обернулось дополнительным препятствием в творческом процессе¹⁴³.

Идентичность рассматривается Е. Налбантовой как кризис и испытание для современного человека. Проблема идентичности коснулась болгарских писателей Бессарабии и очень редко освещалась перед их коллегами, проживающими на исторической родине. Название работы Е. Налбантовой и ее содержание позволяет говорить о том, что она, хоть и выдержана в литературоведческом аспекте, но носит явно междисциплинарный характер, т. к. рассматривает такие составляющие этнической идентификации, как историческое прошлое, история предков, традиционный быт, отношение к большой и малой родине; символы-культурные герои¹⁴⁴.

Автор убедительно показывает, что болгарская идентичность в творчестве болгарских поэтов Молдовы и Украины проявлялась в апелляции к предкам, предводителем которых был хан Аспарух, которого Е. Налбантова называет культурным героем, демиургом, предопределившим появление болгар в Буджаке, т. к. именно он при движении на Балканы проходил через Буджак¹⁴⁵, где впоследствии более чем через 1000 лет поселилась часть болгар. В стихотворениях, посвященных большой и малой родине, по мнению

¹⁴² **Степанов В.** Миниатюры традиционной жизни евреев в «Очерках Днестра» А. С. Афанасьева-Чужбинского // Revista de etnologie și culturologie. Vol. XV, 2014. С. 7-17.

¹⁴³ **Налбантова Е.** Поезията на българите от Украйна и Молдова // Съвременна българска поезия от Бессарабия и Таврия. Антология. Критически прочети. Одесса: Друк, 2006. С. 69.

¹⁴⁴ **Там же.** С. 74; **Тот же автор:** Три етюда върху българската бесарабска поезия // Съвременна българска поезия от Бессарабия и Таврия. Антология. Критически прочети. Одесса: Друк, 2006. С. 127.

¹⁴⁵ **Налбантова Е.** Поезията на българите от Украйна и Молдова. С. 72.

Е. Налбантовой, конструируется, связь между двумя родинами. Эту связь осуществляет образ Аспаруха.

В поэзии бессарабских болгар создается своя мифология и символика, которая становится частью общebolгарской мифологии. Немаловажную роль в формировании символов играют топонимы (Стара планина/Моя южна равнина), памятные места (Мадарский конник)¹⁴⁶. Отношение к большой родине (Болгарии) характеризуется тем, что поэты как бы раздваиваются между двумя родинами — Буджаком и Болгарией¹⁴⁷, испытывая ностальгию по матери-Болгарии.

Интересный подход к изучению этнолитературы демонстрирует в своих работах Е. Рацеева. Автор представляет концептуально-теоретические основы развития этнической идентичности болгар Молдовы посредством этнолитературы и рассматривает проблему содержания идентификационного ядра болгарской этнокультуры, концептуально обосновывая подход к изучению болгарской словесности в условиях диаспоры.

В своем исследовании Е. Рацеева отмечает, что литературу (родную словесность) следует рассматривать не как идеологию, а как мифологию¹⁴⁸.

Отметим ряд важных положений, которым следует Е. Рацеева.

Первое из них состоит в том, что литература является неоценимым источником этнокультурной информации.

Суть второго (основанного на концепции М. Элиади «миф о вечном возвращении») сводится к тому, что родную словесность следует рассматривать не как идеологию, а как мифологию — важный комплекс информации, несущей сущностное знание для подрастающего поколения болгарской диаспоры, которое определяет идентичность общности и законы, которым она подчиняется в соответствии с характерной для мифологического мышления верой, что сегодняшние события представляют повторение мифологических, произошедших когда-то¹⁴⁹.

В связи с этим автор, опираясь на структуру мифологии, выдвинутую болгарским исследователем Н. Аретовым, выделяет четыре макротемы: Сказание (сведения о возникновении и развитии общности, об испытаниях, выпавших на ее долю, о героях, подвигах, страданиях, травмах); Душевность (информация о мифологическом и сказочном пространстве, об особенностях болгарского быта и бытия, о духовности, душевности, об изменении в ценностном восприятии болгарскими мира и себя в этом мире); Другость

¹⁴⁶ Налбантова Е. Поезията на българите от Украйна и Молдова. С. 76-78.

¹⁴⁷ Налбантова Е. Три етюда върху българската бесарабска поезия // Съвременна българска поезия от Бессарабия и Таврия. Антология. Критически прочети. Одеса: Друк, 2006. С. 123.

¹⁴⁸ Рацеева Е. Проблема сохранения и развития этнической идентичности подрастающего поколения болгар Республики Молдова на современном этапе. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора истории. Кишинев: Б. и., 2010. С. 17.

¹⁴⁹ Там же. С. 17.

(информация о ключевых для болгарина проявляющихся во времени и пространстве образах Другого, о характере межэтнических коммуникаций, о восприятии болгарскими Другими культур); Родина/Прародина (осмысление и осознание ценности своего пространства в современных условиях и историческом дискурсе)¹⁵⁰.

Кроме того, Е. Рацеева отмечает, что в основе предлагаемого ею подхода лежит сочетание двух концепций: первая — концепция национального характера отражает взгляд на культуру со стороны внешнего наблюдателя и вторая — концепция национальной картины мира — видение мироздания, характерного для этнической общности и представления о самих себе, о своих действиях и своей активности в мире¹⁵¹.

Далее автор отмечает, что этнообраз полноценно представлен через ряд ситуаций, типичных для данной культуры. В связи с этим Е. Рацеева опирается на универсальные факторы, по которым определяются эти ситуации: структура целей, правила и умения преодолевать трудности, а также типология символов, героев, ритуалов и ценностей. Проявление качеств, характерных для болгарских литературных героев и их оценки в этнокультуре, проецируется через оппозицию герой-антигерой¹⁵².

В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. Ядро макротемы — Сказание — составляют произведения И. Вазова, которые представляют собой законченную мифологическую структуру, со всеми характеристиками эпопеи, отражающие почти все значимые события и образы болгарской литературы. Центром макротемы Душевность являются произведения фольклора, отражающие болгарские представления о порядке вещей и об этнокультурной системе ценностей, а также произведения Е. Пелина и Й. Йовкова, позволяющие приблизиться к внутренней стороне болгарской культуры, составить представления о болгарской системе ценностей и их иерархии. Ядро макротемы Другость составляют сочинения (фельетоны и повести) А. Константинова, показывающие болгарина через противопоставления героя и антигероя, проявляющие опыт болгарина в восприятии и оценке других культур. Кроме того, в работе Е. Рацеевой отмечается, что богатый материал для анализа и восприятия предпочтительных моделей взаимоотношений болгарина с другими представляют биографии таких болгарских классиков, как Х. Ботев, чья деятельность была связана с болгарской диаспорой в Молдове; Л. Каравелова, жившего в России, Румынии и Сербии; И. Вазова, проживавшего в Одессе; Е. Багряны, чьи переводы М. Эминеску считаются лучшими в мире¹⁵³.

¹⁵⁰ Рацеева Е. Проблема сохранения и развития ... С. 17.

¹⁵¹ Там же. С. 18.

¹⁵² Там же. С. 18.

¹⁵³ Там же. С. 19.

Безусловной заслугой автора является тот факт, что ей удалось выявить не только то, как соотносится со смыслами болгарской культуры литература болгар диаспоры, но и определить, в какой мере литература болгар-переселенцев проявляет маркеры региональной идентичности. В этом отношении, по мнению Е. Рацеевой, показательным выступает творчество М. Хаджийского¹⁵⁴.

Еще одним из неоспоримых достоинств данной работы является ее практическая значимость, которая заключается в том, что автор рассмотрел отражение болгарской этнокультуры в программных текстах (имеется в виду в произведениях болгарской художественной литературы, изучаемой школьниками в местах компактного проживания болгар диаспоры Республики Молдова). При этом Е. Рацеева акцентирует внимание на том, что при выборке текстов, предназначенных для учебников, следует большее внимание уделять такой категории, как общее для болгар отношение к делу (трудолюбие, мастерство, хозяйственность, целеустремленность), а также добрососедство и уважение к старшим¹⁵⁵.

Примененный автором данной работы методологический подход можно спроецировать на гагаузский материал, т. к. болгар и гагаузов связывают общие исторические судьбы и общие этнокультурные традиции.

§ 3. Исследования этничности в художественной литературе гагаузов: историография проблемы

Первой литературоведческой работой, освещающей динамику развития гагаузской литературы за 30 лет, стали очерки П. Чеботаря «Гагаузская художественная литература /50–80-е гг. XX в./». Публикация данной работы стала настоящим событием в гагаузоведении. Автор впервые представил обстоятельный анализ творчества гагаузских писателей, рассмотрел идейно-тематическое своеобразие их произведений, обозначил ключевые образы и попытался выявить типичных героев. Большое внимание П. Чеботарь уделяет языку, художественному слову, этнографическим элементам, которые используют гагаузские писатели. По мнению П. Чеботаря, немалая доля всех произведений художественной литературы гагаузов носит глубоко народный характер, т. к. опирается на фольклорные традиции. Книга содержит некоторые биографические данные о писателях, что позволяет лучше понять их творчество¹⁵⁶.

Первенство в области этнолитературы по праву принадлежит М. Губогло. Исследователь еще в 1992 г. опубликовал брошюру «Энергия памяти», в которой рассмотрел этномобилизационную роль первого исторического романа «Узун керван» («Долгий караван»), написанного автором гагаузского

¹⁵⁴ Рацеева Е. Проблема сохранения и развития этнической идентичности ... С. 19.

¹⁵⁵ Там же. С. 20.

¹⁵⁶ Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература /50–80-е гг. XX в. / Очерки, Кишинев: Штиинца, 1993.

происхождения Д. Танасоглу¹⁵⁷. Эта же тема стала составной частью его объемного труда «Языки этнической мобилизации» (1999).

Называя роман ярким художественным произведением, М. Губогло подчеркивает, что образ каравана, который, проходя сквозной линией через все повествование, олицетворяет кочевое прошлое народа и его жизненный исторический путь¹⁵⁸. Исследователь дает развернутый анализ сюжетной линии романа, характеризует образы и описанные исторические события. По мнению М. Н. Губогло, «нравственно-политическую суть романа ... составляет проблема единства и своеобразия исторического восхождения народа, признания его роли в контексте всемирной истории»¹⁵⁹.

Интересны размышления относительно темы памяти, о которой напрямую не сказано в произведении Д. Танасогло, но которая незримо проходит через весь роман, «той самой памяти, которая чрезвычайно важна для нравственных исканий нынешних читателей»¹⁶⁰. Сохранение памяти о прошлом и бережное отношение к своей истории — это те основные ценности, которые транслирует первый исторический роман гагаузов.

В 2004 г. М. Губогло продолжил исследование в таком же междисциплинарном ключе на страницах работы «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» и в монографии «Именем языка» (2006), посвятив данной проблеме несколько разделов.

В монографии «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» М. Н. Губогло вслед за Г. А. Гайдаржи и П. А. Чеботарем подчеркивает инфантильность гагаузской литературы, которая объяснялась неподготовленностью гагаузского читателя¹⁶¹. Рассматривая литературу гагаузов как мобилизационный ресурс, ученый подчеркивает, что на первый план выступает не художественная, не эстетическая, а ее этномобилизационная роль, т. к. она (литература) «поднимает важнейшие вопросы генезиса, истории, механизмов функционирования национальности, музейной и виртуальной охраны памятников, ее материальной и духовной культуры, высветления темных мест в ее прошлой и недавней истории»¹⁶².

Впервые в данной монографии М. Н. Губогло выявляет отношение к труду, отраженное в произведениях гагаузских писателей. «Все поэты, — пишет

¹⁵⁷ Если быть еще точнее, то М. Н. Губогло впервые рассмотрел роль романа Д. Танасогло «Узун керван» в культурной жизни гагаузов в предисловии к самому роману, которое называлось «Расскажи, караван, Расскажи...» Впоследствии он расширил свое исследование и издал в 1992 г. брошюру «Энергия памяти».

¹⁵⁸ Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской литературы», 1998. С. 485.

¹⁵⁹ Там же. С. 492.

¹⁶⁰ Там же. С. 495.

¹⁶¹ Губогло М. Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М.: Старый сад, 2004. С. 136.

¹⁶² Там же. С. 139.

исследователь, — как будто сговорившись, стройными рядами воспевают трудолюбие, как будто у них нет других талантов, красок, характеристик, достойных воспевания»¹⁶³. Объясняется этот феномен, по мнению М. Н. Губогло, глубоко укоренившимся в ментальности гагаузов чувством собственника. Зажиточные гагаузы изображаются в позитивных красках (в рассказах Н. Бабогло). В то же время, в народе существует отрицательное отношение к тем, кого называют словом «голан», т. е. оборванец и люмпен¹⁶⁴. Иными словами, М. Н. Губогло показывает, что достойным у гагаузов считается тот человек, который трудится. Затрагивается в исследовании и тема региональной идентичности в гагаузской поэзии. Вывод автора заключается в том, что гагаузская художественная литература оказывает большое влияние на ее формирование¹⁶⁵.

В другой своей монографии М. Н. Губогло продолжает обращаться к художественной литературе гагаузов, расширяя анализ произведений, и представляет новые размышления о тематическом разнообразии. Так, он значительно глубже рассматривает региональную идентичность, отраженную в поэзии¹⁶⁶. В центре внимания автора — стихотворения С. Курогло. Наряду с региональной идентичностью, М. Н. Губогло выявляет поэтические произведения, в которых содержится обращение к далекому прошлому, к далеким предкам гагаузов¹⁶⁷. Важным считаем высказывание относительно того, что конструирование прошлого вольно или невольно играло роль идеологической подпитки при составлении прагматики и определении целей и задач этнической мобилизации¹⁶⁸.

Одна из последних книг, написанных М. Н. Губогло, под названием «Сполохи прошлого» (2013), также посвящена отражению этнической тематики в гагаузской литературе¹⁶⁹. С точки зрения жанрового своеобразия данная работа относится к мемуарной литературе. Однако солидный научный аппарат, многочисленные ссылки на научные публикации известных ученых придают ей облик серьезного исследования, в котором воспоминания сочетаются с анализом литературных произведений, произведений изобразительного искусства, научных работ по истории, этнологии, этносоциологии... Воспоминания автора относятся к годам его учебы в МГУ, в аспирантуре, работы в АН СССР. Увлекательное повествование уносит читателя в этнографические экспедиции, командировки по стране и за рубежом. Особую

¹⁶³ Губогло М. Н. Русский язык ... С. 144.

¹⁶⁴ Там же. С. 144.

¹⁶⁵ Там же. С. 146.

¹⁶⁶ Губогло М. Н. Именем языка. М.: Наука, 2006. С. 110-124.

¹⁶⁷ Там же. С. 134-141.

¹⁶⁸ Там же. С. 136.

¹⁶⁹ Губогло М. Н. Сполохи прошлого. Автобиографические записи. Комрат-Кишинев: Б. и., 2013.

ценность представляют рассказы о встречах с именитыми российскими/советскими учеными — историками, этнографами, этносоциологами.

Безусловно, М. Н. Губогло не мог не ввести в повествование и гагаузский колорит. Автор осуществил глубокий и серьезный анализ творчества двух выдающихся гагаузских поэтов — Д. Н. Кара Чобана и С. С. Курогло. Зная обоих лично, М. Н. Губогло попытался показать не только уникальность их творчества, но и обыденный аспект их жизни и деятельности. Перед нами не только именитые поэты, но и простые люди, которые были безнадежными романтиками, мечтателями и патриотами своего народа. Наряду с гагаузскими писателями, М. Н. Губогло обращается к творчеству художников гагаузского происхождения. Обладая невероятной эрудицией и образным мышлением, исследователь написал интересный и эмоциональный очерк о Д. Савастине, Д. Айоглу, П. Влахе, П. Фазлы, М. Арабаджи. Одним из неоспоримых достоинств книги является, на наш взгляд, обозначенная в двух предыдущих работах попытка поиска идентичных сюжетов в произведениях гагаузской литературы и изобразительного искусства. По сути в «Сполохах прошлого» автор значительно расширил тему, которую представил в монографии «Именем языка». Мы убеждены в том, что М. Н. Губогло удалось приблизиться к тому, чтобы на примере творчества гагаузских поэтов и художников показать единство в их мышлении, в выборе образов и тем, что свидетельствует о высокой степени этнического самосознания представителей интеллектуальной элиты из числа гагаузов. Кроме того, автор делает один из наиважнейших выводов о роли творческой интеллигенции в процессе этнической мобилизации, который заключается в том, что создание АТО Гагаузия не было бы возможным без деятельности писателей, поэтов, художников и других представителей интеллектуальной элиты.

Статьи Д. Е. Никогло и Л. С. Чимпоеш, написанные в соавторстве, посвящены таким элементам этнической идентификации в гагаузской поэзии, как родина (региональная идентичность, историческое прошлое, языковая идентичность, этнографические реалии, отношение к труду, гостеприимство)¹⁷⁰. При исследовании отношения к труду и традиций гостеприимства авторы приводят выдержки из образцов устного народного творчества, чтобы продемонстрировать, каким образом и на какой основе формируются автостереотипы.

¹⁷⁰ **Никогло Д. Е., Чимпоеш Л. С.** Элементы этнической идентификации в гагаузской поэзии // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы Молдо-Российского симпозиума. М.: Наука, 2006. С. 246-263; **Те же авторы:** Отражение традиций гостеприимства в фольклоре и национальной литературе // Курсом развивающейся Молдовы. Том 8. Единство и многообразие культурного наследия. М.: Старый сад, 2009. С. 271-280; **Те же авторы:** Отношение к труду в гагаузском фольклоре и поэзии // Revista de etnologie și culturologie. Vol. IX-X, 2011. С. 196-199.

Творчество С. С. Курогло с точки зрения отражения в нем этнической информации рассматривается в работе Д. Е. Никогло¹⁷¹. Автор показывает, как профессия историка-этнографа отразилась на поэзии С. С. Курогло. Пожалуй, в гагаузской литературе С. С. Курогло — один из немногих, кто очень умело вплетал в канву своих сюжетов этнографические элементы.

В статье В. И. Сырфа и Д. Никогло впервые в гагаузведении предпринята попытка исследовать народные и авторские колыбельные песни. Авторы приходят к выводу, что авторские колыбельные песни глубоко народны и опираются на некоторые фольклорные сюжеты. Они содержат богатейшую информацию этнического характера и самые лучшие пожелания, передающиеся от матери ребенку¹⁷².

Различия в восприятии большой и малой родины в творчестве гагаузских и болгарских поэтов — уроженцев Молдовы и Украины, были выявлены в статье Д. Никогло «Восприятие Буджака в творчестве гагаузских и болгарских поэтов Бессарабии»¹⁷³. Автор приходит к выводу о том, что поэты гагаузского происхождения, в отличие от поэтов болгарского происхождения, в своем творчестве не обращаются к исторической родине — Болгарии. Для них единственной и священной родиной, ради которой можно пожертвовать своей жизнью, является Буджак. Это свидетельствует о наличии диаспорального сознания среди болгар и его отсутствии среди гагаузов, несмотря на то, что оба этноса сформировались на Балканах, что их связывают единые традиции и общие исторические судьбы¹⁷⁴.

Отражение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в устном и письменном творчестве гагаузов рассматривается в одной из статей В. Сырфа. Автор данной работы показывает преемственность в отражении этого события в фольклоре и литературе, главным образом в романе Д. Танасоглу «Узун керван». В. Сырф отмечает, что повествованию о русско-турецкой войне отведено не много страниц, но, тем не менее, писатель ярко обрисовывает события, связанные с этой войной: формирование болгарского ополчения во главе с генерал-майором Н. Г. Столетовым, строительство Бендеро-Галацкой железной дороги через весь Буджак, воссоединение бессарабских поселений

¹⁷¹ Никогло Д. Е. Этнопоэтические мотивы в поэзии С. С. Куроглу // Курсом развивающейся Молдовы. Том 3. Материалы Молдо-Российского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации», 20-21 апреля 2007 г., г. Комрат. М., 2007. С. 376-392.

¹⁷² Никогло Д. Е., Сырф В. И. Гагаузская колыбельная песня: фольклорная и авторская традиции // Revista de etnologie și culturologie. Vol. V, 2010. С. 40-50.

¹⁷³ Никогло Д. Е. Восприятие Буджака в творчестве гагаузских и болгарских поэтов Бессарабии // Курсом развивающейся Молдовы. Том 10. Личность и группа: векторы трансформационных изменений. М.: Старый сад, 2010. С. 283-299.

¹⁷⁴ Там же. С. 299.

в границах Российской империи. Самой русско-турецкой войне отводится всего лишь несколько страниц, но «...они насыщены идеями патриотизма и дружбы между народами»¹⁷⁵.

Анализу творчества гагаузских поэтов, пишущих на русском языке, посвящена статья В. Сырфа и Д. Никогло¹⁷⁶.

В ряде других работ Д. Е. Никогло анализируются религиозная идентичность гагаузов, а также отражение реалий балканского периода в истории гагаузов в художественной литературе¹⁷⁷.

В обобщающей работе «Этничность в художественной литературе» автор рассматривает такие элементы этнической идентификации гагаузов, как представления об этнической территории, представления о предках, а также базовые нравственные ценности (отношение к труду, богатству и бедности)¹⁷⁸.

В другом исследовании автор подробно останавливается на анализе представлений об этнической территории гагаузов. Основной вывод заключается в том, что представители творческой интеллигенции из числа писателей гагаузского происхождения считают этнической территорией гагаузов обширный ареал евразийских степей. При этом ряд авторов не

¹⁷⁵ **Сырф В.** Отражение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в устном и письменном творчестве гагаузов // Бессарабия и освобождение Болгарии. Кишинев: Б. и., 2004. С. 97-98.

¹⁷⁶ **Никогло Д.** Сочинения поэтов гагаузского происхождения, пишущих на русском языке (к вопросу о тематическом своеобразии) // Духовное и историко-культурное наследие русских Молдовы. Сборник материалов научной конференции с международным участием, посвященной 25-летию создания сектора «Этнология русских» Центра этнологии Института культурного наследия АНМ (Кишинэу, 23 марта 2016 г.). Кишинэу, 2017. С. 190-196.

¹⁷⁷ **Никогло Д.** Вклад исследователей института культурного наследия в развитие направления «этнология» // Conferința științifică internațională „Patrimoniul cultural de ieri — implicații în dezvoltarea societății durabile de mâine” (ediția a II-a), Chișinău: Academia de Științe a Moldovei, 2020. С. 279-286; **Тот же автор:** Некоторые события балканского периода истории гагаузов в романе Д. Танасогло «Узун Керван» // Conferința științifico-practică internațională «Știință, educație, cultură» Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 29-й годовщине Комратского государственного университета. Сборник статей. Comrat: КГУ, 2020. С. 407-411; **Тот же автор:** Религиозная тематика в поэзии Валерия Кириогло // Conferința științifico-practică internațională «Știință, educație, cultură» — Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 29-й годовщине Комратского государственного университета. Сборник статей. Comrat: КГУ, 2020. С. 411-414; **Тот же автор:** Отражение темы религиозной идентичности гагаузов в художественной литературе // Patrimoniul cultural: cercetare și valorificare: culegere de studii / Univ. Pedagogică de Stat “Ion Creangă” din Chișinău, Fac. de Istorie și Geogr.; coord.: Valentina Ursu, Angela Lisnic. Chișinău: Garomont Studio, 2018. С. 81-97.

¹⁷⁸ **Никогло Д. Е.** Этничность в художественной литературе гагаузов // Идентичность. Сборник докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященной 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло. Комрат: Б. и., 2018. С. 164-184.

отделяют гагаузов от их предков, ставя между ними знак равенства. Определение этногенетической территории гагаузов происходит посредством манифестации генетического родства с тюркоязычными народами. Степь выступает одновременно как экосистема обитания этноса, так и как образ прошлого, в котором предки гагаузов занимали доминирующее место. Кроме того, в освещении государственности наблюдается тенденция конструирования исторического континуитета — Тюркские каганаты, Огузистан (огузский союз племен в Приаралье), Огузская держава на Балканах и Комратская Республика в Буджаке. Все это свидетельствует о стремлении удревить историю народа и создать Сказание (миф) о зарождении гагаузов как части тюркского мира.

* * *

В большей степени методологическим установкам такого направления, как «этнолитература» отвечают работы, в которых представлены исследования произведений писателей (прозаиков и поэтов), пишущих об украинцах, евреях, цыганах, болгаргах и гагаузах Республики Молдова. Авторы этих публикаций, рассматривая этничность, отраженную в художественной литературе, анализируют такие ее компоненты, как представления о большой и малой родине, о предках, акцентируют внимание на восприятии писателями традиционно-бытовой культуры указанных этнических общностей, авто- и гетеростереотипов, ценностных ориентаций и др. При этом литературоведческий анализ выступает в качестве дополнительного метода. Исследования же по литературе русских писателей Республики Молдова в большей степени содержат литературоведческий анализ. Их также можно квалифицировать как работы по истории русской литературы в Молдове. Одним из основных выводов данной главы является то обстоятельство, что, изучая проявление этничности в художественной литературе, ряд авторов исследуют такую важную в этнологии тему, как конструирование этногенетических и этноисторических мифов. Данная тема затрагивается главным образом в работах по литературе гагаузов и болгар.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПОЯВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ГАГАУЗОВ

§ 1. *Появление письменности гагаузов как импульс к развитию художественной литературы*

До официального учреждения письменности в 1957 г. у гагаузов не было своей письменной традиции, равно как и художественной литературы на родном языке. Однако в разные исторические эпохи имели место попытки изложения текстов на гагаузском языке с использованием различных алфавитов. Известно, что с 40-х гг. XIX в. гагаузы получали образование на русском языке в церковно-приходских, а со второй половины столетия — в земских школах¹⁷⁹. В данный исторический период гагаузы, не имея еще письменности, уже вели переписку со своими близкими и родными на гагаузском языке при помощи кириллического алфавита.

Первой книгой, изданной на гагаузском языке, следует считать фольклорный сборник «Наречия бессарабских гагаузов», составителем которого являлся В. А. Мошков, а редактором — известный тюрколог В. В. Радлов. Это была одна из первых публикаций, отредактированная специалистом-тюркологом.

Если быть более точными, то отдельные фольклорные тексты (анекдотические, комические миниатюры) на гагаузском языке впервые были опубликованы в 1895 г. в Казани в издании «Известия общества археологии истории и этнографии» при Казанском университете.

К концу XIX – началу XX вв. была подготовлена целая плеяда священников гагаузского происхождения, среди которых и протоиерей М. Чакир. В начале XX в. по инициативе и при непосредственном его участии с целью донести Слово Божье до гагаузов на их родном языке издается религиозная литература. Так, с учреждением в 1906 г. в Кишиневе переводческой комиссии, которую возглавил М. Чакир, появляются переведенные на гагаузский язык Молитвенник (1908), Евангелие-апракос в листках (1909–1911), Литургия и Часы в листках (1911–1912), Акафист Пресвятой Богородице в листках (1913), Священная история Ветхого Завета (1911) и Нового завета (1912), миссионерский листок «Хакихатын сеси» («Голос истины») — первое гагаузское периодическое издание¹⁸⁰. В межвоенный период Михаил Чакир

¹⁷⁹ Грек И. Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев: Штинца, 1993.

¹⁸⁰ Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. Chişinău: Pontos, 2005. С. 15; Мошин О., Копуцу В. Протоиерей Михаил Чакир: служение Богу и ближним. Кишинев: Cuvântul-ABC, 2013. С. 55.

продолжает свою просветительскую деятельность и публикует на гагаузском языке, разумеется, с применением румынского алфавита, Евангелие от Матфея (1932), Евангелие от Марка (1935), Молитвослов (1935), Псалтирь (1936) и очерк «История гагаузов Бессарабии» (*Besarabialâ Gagauzlarân istoriasâ*)¹⁸¹. Следует отметить, что М. Чакир, как человек образованный и грамотный, фиксировал и верно передавал (с точки зрения фонетической транскрипции) гагаузские слова. Его тексты были понятны тем, кто знал румынский язык и латинскую графику. После Второй мировой войны (60–90 гг. XX в.) фиксация гагаузского языка самими носителями языка (в народе — «ель язысы») наблюдается и в рукописных текстах религиозного содержания, которые были написаны с применением кириллического (русского) алфавита. Как правило, они переписывались на протяжении многих лет и передавались из рук в руки, из поколения в поколение. Те гагаузы, кто не умел писать, обращались к своим родственникам — внукам, детям соседей, которые переписывали для них данные тексты из чужих тетрадей¹⁸². Хотя в то время у гагаузов уже существовала письменность на основе кириллицы, эти тексты были написаны без соблюдения принятых правил орфографии.

Все перечисленные примеры в стремлении изложить и зафиксировать на гагаузском языке какие-либо тексты являются лишь попытками, но отнюдь не свидетельствуют о наличии письменности.

Общезвестно, что письменность — это система знаков. Системой она становится только тогда, когда эти знаки зафиксированы в начертании (написании), когда вырабатываются единые правила орфографии, понятные носителям данного языка. Без принятия единых норм начертания и правил написания (орфографии) говорить о наличии письменности не приходится. Применение различных графических традиций для бесписьменного языка является всего лишь попыткой фиксации текстов на данном языке. Сочинения М. Чакира на гагаузском языке — это, вероятнее всего, предтеча творчества на литературном гагаузском языке¹⁸³.

Принятая в 1957 г. письменность гагаузов на основе русского алфавита явилась мощным этномобилизационным фактором, обусловившим развитие не только художественной литературы гагаузов, но и других сфер культуры: живописи, музыкального и хореографического искусства (профессиональных и самодеятельных коллективов народных песен и танцев), появление в гагаузской среде своих композиторов и исполнителей.

¹⁸¹ **Мошин О., Копуцу В.** Протоиерей Михаил Чакир ... С. 55.

¹⁸² **Квилинкова Е.** Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев-Благовград: Б. и., 2012. С. 37.

¹⁸³ **Никогло Д.** Научные труды Ивана Федоровича Грека по гагаузоведению // Буджак: от прошлого к настоящему. Сборник статей к 80-летию Ивана Федоровича Грека. Кишинев: Б. и., 2019. С. 72.

Большую роль в формировании этнического самосознания сыграли писатели гагаузского происхождения. Благодаря их творческой деятельности у гагаузов появились первые произведения художественной литературы на родном языке. В 1959 г. выходит сборник «Буджактан сесляр» («Буджакские голоса»), в 1969 г. — «Гагауз фольклору» («Гагаузский фольклор»). Отрывки из произведений на гагаузском языке появляются в первых гагаузских учебниках. Однако, по словам Г. А. Гайдаржи, гагаузский читатель не был готов в то время к восприятию своей литературы. Интерес к ней появился у гагаузов в связи с трансформационными процессами, имевшими место в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., которые ознаменовались обретением Республикой Молдова независимости и созданием АТО Гагаузия. Ряд гагаузских писателей были активными участниками дискуссионного клуба «Гагауз халкы». Они подключились к всеобщему процессу этнической мобилизации, транслируя через свое творчество информацию об истории гагаузов, их традициях и культуре и занимаясь просветительской деятельностью.

§ 2. *Некоторые сведения о гагаузских писателях и их вкладе в этнокультурное развитие гагаузов*

Всех писателей гагаузского происхождения мы подразделили на три группы, в зависимости от значимости их творчества, возраста и включения их произведений в курс школьной программы. В первую группу входят представители первой плеяды писателей, тех, кто стоял у истоков художественной литературы гагаузов, способствовал зарождению литературного процесса в гагаузской этнокультурной среде: Д. Танасоглу, Н. Бабоглу, Д. Карачобана, С. Куроглу, Н. Танасоглу, Г. Гайдаржи, М. Кёся, К. Василиоглу. Они родились примерно в одно время (за исключением Н. Танасоглу).

Вторую группу составляют авторы более молодого поколения: С. Булгар, П. Чеботарь, М. Куйумжу, Т. Занет, В. Филиоглу, Т. Мариноглу, П. Мойсе, И. Топал, М. Мержанка, Г. Каранфил, П. Яланжи и др.

Третья группа состоит из новых имен, которые появились сравнительно недавно, но каждый из этих авторов уже издал ряд своих сборников. Это В. Кириогло, А. Ергогло, Е. Ганева. К этой же группе можно отнести и В.-Д. Караганчу, родившегося в 1934 г., но начавшего свою писательскую деятельность довольно поздно, в 90-е гг. XX в.

Почти все писатели создавали и создают свои произведения на родном, гагаузском языке. П. Чеботарь, П. Мойсе, Е. Ганева, А. Ергогло пишут на двух языках — гагаузском и русском.

Первая группа

Николай Танасоглу (1895–1970). Родился в селе Кириет-Лунга Чадыр-Лунгского района в семье крестьянина. Всю свою жизнь он посвятил педагогической деятельности, работая учителем в школе. Кроме того, собирал лексический материал для создания гагаузского словаря¹⁸⁴.

По возрасту Н. Танасоглу гораздо старше своих коллег по перу. На его долю выпали события не одной революции и не одной войны. Он начал свою литературную деятельность в 40-е гг. прошлого столетия, т. е. еще до принятия письменности. По жанру это были в основном сказки, баллады, легенды. Глубоко народный характер творчества Н. Танасоглу подчеркивает С. Булгар. По его словам, «революции, войны — все это выковало в душе скромного сельского учителя прозрачную литературную образность, напоенную фольклором и выстраданной мудростью. В них бережно были вплетены сюжеты и мотивы гагаузского фольклора, придающие произведениям Н. Танасоглу особую прелесть»¹⁸⁵. Произведения Н. Танасоглу печатаются в газетах, в сборнике «Бужактан сесләр» («Буджакские голоса»). После смерти писателя, в 1970 г., выходит его сборник «Буджак, Буджак...»¹⁸⁶. Таким образом, Н. Танасоглу осознанно и ответственно совмещал педагогическую деятельность с писательской.

Дионис Танасоглу (1922–2006) — сын Н. Танасоглу, родился в с. Кириет-Лунга Чадыр-Лунгского района. По окончании школы получил литературное и музыкальное образование в учительском колледже в Аккермане. В 50-е гг. Д. Танасоглу поступает в Кишиневский педагогический институт на историко-филологический факультет. Именно в это время он начинает свою литературную деятельность. Д. Танасоглу был одним из тех, кто участвовал в создании письменности гагаузов и в подготовке учителей гагаузского языка, занимался редактированием первого сборника произведений писателей на гагаузском языке «Бужактан сесләр». Перу Д. Танасоглу принадлежат несколько сборников стихов, драматургические произведения, первый исторический роман «Узун керван» («Долгий караван»). Д. Танасоглу был человеком разносторонним. Будучи историком по образованию, он преподавал историю, работал в Кишиневском институте искусств (ныне Академия музыки, театра и изобразительных искусств), читал лекции и семинары по гагаузскому языку и литературе в Кишиневском педагогическом университете, являлся ректором Комратского университета. Работая в Институте искусств, Д. Танасоглу привлекал студентов гагаузского происхождения для постановки драматургических произведений на гагаузском языке¹⁸⁷. Д. Танасоглу проя-

¹⁸⁴ **Булгар С.** Гагаузские судьбы. Деятели культуры и науки: 200 лет истории. Кишинев: Б. и., 2005. С. 53.

¹⁸⁵ **Там же.** С. 52.

¹⁸⁶ **Там же.** С. 52–53.

¹⁸⁷ **Там же.** С. 110.

вил себя в нескольких областях: был педагогом, писателем, театральным режиссером — постановщиком пьес. Ту роль, которую он сыграл в формировании национального самосознания гагаузов, сложно переоценить. Его пьесы на родном гагаузском языке («Оглан хем Лянка», «Бужактан йалын»), показанные в гагаузских селах еще в советский период, производили огромное впечатление на зрителей. Как пишет С. Булгар, «живое художественное слово на родном языке в годы застоя было подобно живительной влаге для народа, лишенного возможности полнокровно развиваться»¹⁸⁸. Заложенные Д. Танасогло театральные традиции хранят и развивают новые поколения актеров Чадыр-Лунгского драматического театра, по праву носящего его имя.

Николай Бабогло (Бабоглу) (1928–2008). Родился в с. Копчак Чадыр-Лунгского района. Начинал писатель свою деятельность в качестве сельского учителя. В конце 50-х гг. прошлого столетия он участвовал в составлении первых гагаузских учебников для национальных школ, в которые вошли и его собственные переводы на гагаузский язык произведений классиков русской и румынской литературы¹⁸⁹. Н. Бабоглу известен и как собиратель гагаузского фольклора. В результате этой деятельности в 1959 г. появляется сборник под названием «Гагауз фольклору» («Гагаузский фольклор»). В него вошли сказки, баллады, исторические песни, легенды, предания, пословицы, поговорки, загадки, комические миниатюры о Ходже Насреддине, собранные и обработанные Н. Бабоглу. Кроме писательской деятельности, Н. Бабоглу был педагогом и составителем ряда учебников по гагаузскому языку.

Литературные критики отмечают, что Н. Бабогло — прекрасный писатель-новеллист, которому по силам и жанр романа¹⁹⁰; подчеркивают глубоко народный характер его произведений в целом; указывают на связь творчества Н. Бабоглу с устным народным творчеством¹⁹¹. Ёмкая и точная характеристика Н. Бабоглу как писателя содержится в словах П. Чеботаря: «Если же говорить о творчестве писателя в целом, то надо отметить следующее: во-первых, в нем отразилась эпоха, в которой жил и живет писатель; во-вторых, оно дает представление о гагаузском фольклорном наследии; в-третьих, лексический фонд настолько богат и разнообразен, что без книг Н. Бабоглу не может обойтись ни один уважающий себя лексикограф. Значение творчества писателя выходит далеко за чисто литературные рамки»¹⁹². Основные темы поэзии Н. Бабоглу — тема большой и малой родины, Молдовы и Буджака, родного языка. Нередко стихотворения Н. Бабоглу содержат немало этнографических элементов. Проза Н. Бабоглу отличается народностью и этнографичностью. Герои его рассказов — простые гагаузы, на долю которых

¹⁸⁸ Булгар С. Гагаузские судьбы ... С.110.

¹⁸⁹ Там же. С.121.

¹⁹⁰ Там же. С.121.

¹⁹¹ Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература /50-80-е гг. XX в. / Очерки. Кшинева: Штиинца, 1993. С. 48.

¹⁹² Там же. С. 48.

выпадают непростые испытания. Красной нитью через все творчество Н. Бабоглу проходит тезис о необходимости сохранения культуры гагаузов — бесценного наследия, полученного от предков.

Дмитрий Карачобан (Кара Чобан) (1933–1986). Родился в селе Бешалма Комратского района. Его по праву называют основоположником гагаузского литературного языка. Он является одной из самых ярких и самобытных фигур среди писателей гагаузского происхождения. Окончив Литературный институт им. М. Горького в Москве, Д. Карачобан стал единственным профессиональным писателем, пишущим на гагаузском языке. Таковым он остается до сих пор.

Начинал свою деятельность Д. Карачобан, как и многие его земляки-писатели, с работы сельским учителем. Но главным на его жизненной стезе стало создание литературных произведений в различных жанрах: поэзии, прозе, драматургии. С этим основным направлением его деятельности гармонично сочетались и другие грани его богатой творческой натуры. Д. Карачобан был очень хорошим художником, этнографом и даже кинематографистом. Именно он снял в начале 60-х гг. первый документальный фильм и несколько игровых короткометражных кинозарисовок о гагаузах. В кинематографическом арсенале Д. Карачобана насчитывается около 20-ти фильмов под общим названием «Гагаузские новеллы»¹⁹³. Д. Карачобан очень серьезно интересовался традициями и бытом гагаузов. Ему удалось собрать уникальную этнографическую коллекцию и создать в 1966 г. в Бешалме первый в мире гагаузский историко-этнографический музей.

Д. Карачобан был человеком неординарным, невероятно талантливым. Ему присущ юношеский максимализм. Осознавая и понимая ценность народных традиций и стремясь сохранить их для последующих поколений, Д. Карачобан неоднократно обращался к властям с просьбой помочь в приобретении киносъёмочной аппаратуры. Очень часто гонорары, полученные от издания своих книг, он тратил на необходимое оборудование или на покупку какого-либо экспоната у своих земляков для музея. Д. Карачобан, несомненно, ратовал за сохранение культурного наследия гагаузов. По воспоминаниям ученых из Академии наук, он был несказанно рад, когда в 1981 г. к гагаузам Молдавии приехали гагаузы из Болгарии. В день приема гостей, который состоялся в здании музея, Д. Карачобан в порыве чувств присел на ступеньки музея и раскинул руки в стороны, как бы желая объять весь мир. Таким его и запечатлел объектив фотоаппарата одного из гостей. Он находился под сильным впечатлением от встречи со своими соплеменниками, прибывшими с исторической родины гагаузов и говорившими на том же языке, что и он сам.

В то время многие его считали чудаком, но не могли не восхищаться его добротой и отзывчивостью. Такими же были и герои его произведений.

¹⁹³ Булгар С. Гагаузские судьбы ... С.138.

Д. Карачобан — один из немногих гагаузских писателей, сумевших подняться над идеологией той эпохи, в которой он жил. Его творчеству были чужды плакатность и агитационно-пропагандистский характер.

Поэзия Д. Карачобана многогранна. Его сравнивают то с А. Блоком, то с Б. Пастернаком. Однако он был и остается самобытным гагаузским поэтом. Об этом свидетельствует ряд его стихотворений, рассказов и миниатюрных пьес, которые носят глубоко национальный характер, пропитаны народным гагаузским духом. В них содержится установка на нравственные ценности, чтимые и соблюдаемые в гагаузской среде. Писатель старается донести до своего читателя мысль о том, насколько пагубно сказывается на человеке отказ от этих ценностей.

Деятельность этнографа-любителя, которая вылилась в создание уникального музея, несомненно, повлияла на творчество Д. Карачобана и наделила его этнографическими чертами. Некоторые рассказы писателя о судьбе людей творческих профессий, описывают и труд этнографа.

Однако следует отметить, что в отличие от других писателей (Н. Танасоглу, Д. Танасоглу, Н. Бабоглу, С. Булгара), Д. Карачобан не сочиняет свои произведения, беря за основу фольклорные сюжеты (что вполне допустимо в писательской практике). Как правило, его стихотворения или прозаические миниатюры содержат этнографические элементы, а если говорить о сугубо поэтических приемах, то следует отметить наличие таких художественных приемов, свойственных народной поэзии, как параллелизм, сравнения, повторы, эпитеты, уменьшительно-ласкательные слова и использование такого жанра народной поэзии, как маани¹⁹⁴. Некоторые стихотворения Д. Карачобана «...выдержаны в фольклорном духе, глубоко народны и трудно переводимы на другой язык в виду их яркой самобытности. В то же время это не апологетическое подражание фольклору, а их четко ощутимая авторская концепция»¹⁹⁵. Переводы стихотворений талантливого поэта на русский и румынский языки позволили значительно расширить круг его читателей и приобщиться к художественной литературе гагаузов.

Мина Кёся (1933–1999). Родился в селе Бешалма Комратского района. Закончив исторический факультет Кишиневского государственного университета, Мина Кёся работал учителем, директором школы, а также директором этнографического музея им. Д. Карачобана. Как и его братья по перу, первые свои стихотворения М. Кёся опубликовал в 1959 г. в сборнике «Бужактан сесләр» («Буджакские голоса»). Основной темой его поэзии стала тема родины — родного села и Буджака. Немало стихотворений М. Кёся посвятил воспеванию трудолюбия гагаузов.

Гаврил Гайдаржи (1937–1998). Родился в с. Карбалия Вулканештского района. После окончания Кишиневского университета долгое время работал

¹⁹⁴ **Чеботарь П. А.** Гагаузская художественная литература ... С. 50.

¹⁹⁵ **Там же.** С.50-51.

в Бельцком педагогическом институте на кафедре русского и общего языкознания. В 1972 г. успешно закончил аспирантуру при Институте языкознания АН СССР по специальности «Тюркские языки» и защитил кандидатскую диссертацию по синтаксису гагаузского языка. С 1987 г. Г. Гайдаржи работал в АН МССР в Отделе гагаузоведения. С его именем связано открытие в Государственном педагогическом институте им. И. Крянгэ отделения гагаузской филологии, где он преподавал дисциплины по гагаузскому языку. Г. Гайдаржи является автором учебников на родном языке, участвовал в разработке методической литературы¹⁹⁶. Кроме научной деятельности, связанной с исследованиями в области гагаузского языка, Г. Гайдаржи занимался сбором фольклора гагаузов. По словам С. Булгара, «как и всем настоящим гагаузским интеллигентам, ему была близка и понятна миссия культурного развития своего народа... Он не мог ограничиться научной работой. В Гавриле Аркадьевиче ученый уживался с поэтом и сказочником. Фольклор питал его своими живыми соками, побуждая не только исследовать прошлое, но и создавать настоящее гагаузской литературы. И никакие перегрузки не могли заставить этого выдающегося педагога и ученого отказаться от писательского труда»¹⁹⁷.

В основном Г. Гайдаржи известен как поэт. В 1972 г. был издан его поэтический сборник «Ана тарафым» («Родной край»). Основная тема его стихотворений — тема родины.

Константин Василиоглу (1928–2014). Родился в с. Александровка Одесской области. В 1990 г. он был принят на работу в Научно-исследовательский институт педагогики и психологии. Основная его деятельность была связана с написанием учебников гагаузского языка. К. Василиоглу принимал активное участие в переводе гагаузского алфавита на латинскую графику. Он известен как автор многочисленных стихотворений о родном крае — Буджаке. В его поэтическом арсенале немало стихотворений для детей, которые вошли в школьную программу. Большое влияние на его творчество оказал Д. Танасоглу.

Степан Курогло (Куроглу) (1940–2011). Родился в с. Димитровка Одесской области Украины. После окончания Кишиневского государственного университета работал учителем истории, а затем — директором школы в родном селе. Дальнейшая его деятельность связана с работой в АН МССР, где он в 1987 г. возглавил созданный Отдел гагаузоведения. С. Курогло является ведущим специалистом в области истории и этнографии гагаузов. Его перу принадлежат такие труды по гагаузоведению, как «Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в.» (1980), «Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузов МССР» (1983) и др.

¹⁹⁶ Булгар С. Гагаузские судьбы: деятели культуры и науки: 200 лет истории. Кишинев: Б. и., 2003. С. 146-147.

¹⁹⁷ Там же. С. 147.

С. Курогло проявил себя как незаурядная и многогранная личность не только на поприще науки, но и на литературной стезе. Он является автором многочисленных поэтических сборников. Идейно-тематическое содержание его лирики весьма разнообразно.

Доминирующей темой в творчестве писателя является тема Родины, родного Буджака. Коллеги по перу и исследователи, которые хорошо знали его творчество, называли С. Курогло «гагаузским Есениным». Лирика С. Курогло, посвященная родному краю, обладает особой художественной ценностью. Помимо того, что его стихотворения содержат целую гамму чувств, свидетельствующих об искренней любви автора к своей малой родине, они по своей сути очень историчны и этнографичны. Народные традиции буквально пронизывают значительную часть его произведений. Как отметил П. Чеботарь, «поэзия С. Курогло питается народными корнями»¹⁹⁸. Будучи специалистом в области этнографии, С. Курогло органично вплетал народные сюжеты в свое творчество. Ряд песен, написанных на стихи С. Курогло, стали очень популярными и воспринимаются как народные.

Важной темой, волновавшей С. Курогло, является и тема Второй мировой войны. Его военная лирика «наполнена глубоким психологизмом», «автор размышляет о смерти и бессмертии, о памяти. Его интересует психология человека, сознательно идущего на смерть и не теряющего мужества и достоинства»¹⁹⁹.

Вторая группа

Степан Булгар. Родился в 1953 г. в с. Виноградовке (Курчи) Одесской области Украины. Являясь историком по специальности, он на протяжении долгого времени публиковал свои прозаические произведения. Профессия историка, несомненно, оказала влияние и на литературное творчество писателя. Его перу принадлежат документально-художественные очерки, которые, по замыслу автора, должны были «заполнить так называемые белые пятна в гагаузской истории нашего столетия»²⁰⁰. Герои его очерков — гагаузы, принимавшие деятельное участие в важнейших исторических событиях: русско-японской, Первой и Второй мировых войнах. Один из очерков С. Булгара посвящен Антону Буюклы, повторившему подвиг Александра Матросова. Значимым событием в судьбе писателя стал сборник рассказов “Жанавар йортулары” («Волчьи праздники»). П. Чеботарь, анализируя произведения С. Булгара, подчеркивает их новаторский характер, бережное отношение к слову со стороны писателя, его гуманизм, стремление раскрыть душу простого человека. Одновременно литературный критик говорит о том, что большое влияние на творчество С. Булгара оказал Д. Карачобан. В этом отношении

¹⁹⁸ Чеботарь П. Гагаузская художественная литература ... С. 93.

¹⁹⁹ Там же. С. 93

²⁰⁰ Там же. С. 93.

примечательно высказывание П. Чеботаря, отметившего, что «хотя во многих его рассказах чувствуется влияние его предшественников: Горького и Чехова, Гоголя и Бунина, все же, если рассматривать вещи в конкретно-историческом контексте, можно смело произнести комплементарную фразу: „Такого еще в гагаузской литературе не было“»²⁰¹.

Творчество С. Булгара, как и его коллег по литературному цеху, содержит этнографические реалии. Писатель широко использует фольклорные мотивы, представляя архаичные сказания о демонологических персонажах устного народного творчества гагаузов в своей интерпретации, обновляя и насыщая новым содержанием. Большое влияние на творчество С. Булгара оказали его дедушка и бабушка со стороны матери, которые были большими знатоками гагаузской народной культуры²⁰².

Василий Филиогло (Филиоглу). Родился в 1949 г. в с. Бешалма. Будучи агрономом по базовому образованию, всегда увлекался литературой, что и предопределило его творческую судьбу. В поэтическом творчестве В. Филиоглу основное место занимает тема любви к родным буджакским холмам, к родному языку, к матери. Произведения В. Филиоглу органично и естественно перекликаются с творениями его односельчанина — поэта Мины Кёся, т. к. «оба поэта воспевают жизнь своих односельчан, радуются их успехам, огорчаются в случае неудачи»²⁰³.

Тодур Мариноглу. Родился в 1955 г. в с. Авдарма Комратского района. Профессиональный журналист. В настоящее время преподает гагаузский язык и литературу в авдарминском лицее. Поэт с задумчивостью и теплотой пишет о родном селе, родном крае, родителях. Т. Мариноглу — мастер пейзажной лирики. Часто применяя такой поэтический прием, как олицетворение, он не просто оживляет природу, но и наделяет её характером и эмоциями. В своих стихах он создает ощущение единства человека и природы²⁰⁴.

Петр Чеботарь. Родился в 1957 г. в с. Гайдар Чадыр-Лунгского района. По окончании филологического факультета Кишиневского государственного университета получил направление в АН МССР в качестве научного сотрудника. Основной предмет его исследований — художественная литература гагаузов. П. Чеботарь является единственным профессиональным литературоведом, изучающим данную область духовной жизни. Ему принадлежит книга очерков «Гагаузская художественная литература: 50-80-е гг. XX в.»²⁰⁵. Собственные стихотворения П. Чеботаря свидетель-

²⁰¹ **Чеботарь П.** Гагаузская художественная литература // История и культура гагаузов. Очерки. Chişinău: Pontos. С. 531-532.

²⁰² **Булгар С., Димчогло Ю.** История гагаузов Украины. Одесса: Астропринт, 2017. С. 314.

²⁰³ **Чеботарь П.** Гагаузская художественная литература // История и культура гагаузов. Очерки. Chişinău: Pontos. С. 572-573.

²⁰⁴ **Там же.** С. 535.

²⁰⁵ **Там же.** С. 535.

ствуют о том, что он — незаурядный, талантливый поэт. Полученное филологическое образование и врожденные способности предопределили его творческую судьбу. Безупречное владение художественным словом, образность мышления, широкая эрудиция — все эти качества снискали ему уважение в гагаузской интеллектуальной среде. Основные темы его стихотворений — любовь, человеческие взаимоотношения, малая родина. П. Чеботарь является мастером юмористических миниатюр — литературных шаржей и эпиграмм на своих собратьев по перу. Среди этих комических произведений встречаются и те, которые раскрывают отдельные черты гагаузской идентичности. В литературном арсенале П. Чеботаря есть и рассказы, точнее, небольшие эссе («Что воскликнул турецкий паша») (1990) о происхождении названий гагаузских фамилий, сёл и т. п. Автор обыгрывает в художественной форме народную этимологию названий, проводит параллели с языками других народов, прежде всего тюркоязычных. П. Чеботарь известен как талантливый переводчик. Он перевел на гагаузский язык поэтические произведения К. Симонова, Б. Пастернака, Б. Окуджавы, Е. Евтушенко, М. Эминеску.

Тодур Занет. Родился в 1958 г. в с. Конгаз Комратского района. Окончил Политехнический институт и получил диплом строителя. Его творческая деятельность связана с журналистикой и литературой. Начиная с 1988 г., Т. Занет занимал должность редактора в газете «Ана сӧзӱ» и стоял у истоков создания этого первого гагаузоязычного издания. На страницах этой газеты неоднократно печатались первые произведения гагаузских писателей, в том числе и самого Т. Занета. Произведения Т. Занета отличаются жанрово-тематическим разнообразием. Он является автором поэтических, прозаических и драматургических произведений. Кроме хрестоматийных стихотворений о родине, родном селе, родном языке, о родителях и т. п., поэт создает ряд стихотворений, в которых размышляет о далеких предках гагаузов, о судьбе о судьбе народа и его культуре. Поэта волнует историческое прошлое гагаузов. Глубокие переживания писателя о судьбах своего народа содержатся в его поэме «Реквием», посвященной депортациям и репрессиям гагаузов. Одно из драматургических произведений писателя повествует о самой трагической странице в истории гагаузов — голоде 1946–1947 гг. Некоторые стихотворения Т. Занета, положенные на музыку, стали визитной карточкой гагаузов. Они звучат на многих фестивалях, конкурсах и воспринимаются как народные. С самого детства Т. Занет впитывал народные традиции. Большое влияние на него оказала бабушка по линии матери. Именно от нее будущий поэт узнавал пословицы, поговорки, загадки, сказки и песни гагаузов. Не случайно Т. Занет неоднократно обращается к любимой пепе (бабушке) в своих стихотворениях.

Мария Дурбайло (Куйумжу). Родилась в 1941 г. в с. Томай Чадыр-Лунгского района. Историк по профессии. На протяжении нескольких лет работала в АН МССР в качестве научного сотрудника. Основной предмет

ее исследования — фольклор гагаузов, в частности такой его жанр, как баллада. М. Дурбайло проявила себя как уникальный собиратель гагаузского фольклора. В 1991 г. под авторством М. Дурбайло был опубликован сборник фольклорных текстов «Баллада тұркүлери» (1991), в котором впервые были представлены гагаузские баллады разной тематики (исторические, бытовые и т. п.). В литературных кругах М. Дурбайло известна как автор сборника рассказов на гагаузском языке. Герои этих произведений — простые гагаузы, в основном женщины, на долю которых выпали нелегкие испытания. В 2013 г. М. Дурбайло опубликовала сочинение «Лебеди несут письмо», названное ею историко-фантастическим романом. Он посвящен жизни простого гагауза по имени Айран, который на протяжении всего произведения ищет свои корни, своих предков. Основная мысль, транслируемая автором, заключается в том, что нет народа без истории, что каждый должен интересоваться прошлым своего народа и идти до конца в поиске своих предков. Сама Мария Ангеловна объясняет выбор жанра тем, что в происхождении гагаузов не все ясно, поэтому она пытается воссоздать дух древних эпох, в которых жили далекие предки гагаузов — древние турки.

Иван Топал (1948–2014). Родился в г. Комрат. По специальности — инженер электросетей. С детства увлекался художественной литературой и обладал талантом литературного критика, журналиста и поэта. И. Топал в течение долгого времени выпускал за свой счет газету под названием “Ачык гёз” («Третий глаз»). В начале 2000-х гг. И. Топал получил возможность стажироваться в течение месяца в США как редактор, чья газета получила признание в журналистской среде. Газета “Ачык гёз” носила информационно-сатирический характер. На ее страницах печатались литературно-критические статьи, в которых автор представлял собственное видение произведений художественной литературы гагаузов, а также стихотворения и рассказы гагаузских писателей. Немало писателей из гагаузской среды дебютировали именно в этой газете. Основной тематикой издания стали сатирические миниатюры в виде стихотворений и коротеньких пьес-фантазмагорий, посвященных обличению пороков гагаузского общества. Ранний уход из жизни в 2014 г. не позволил И. Топалу осуществить задуманное — издать сборник своих статей, которые в разное время публиковались в районных газетах и на страницах своего собственного издания.

Петр Мойсе (1948–2018). Родился в г. Комрат. Получил высшее образование в Кишиневском институте искусств. Всю свою жизнь проработал в системе культуры в Комрате. Основная тема его поэзии — любовь к родной земле. Большую часть произведений П. Мойсе составляют стихотворения о любви, о взаимоотношениях между людьми.

Петр Яланжи (1964–2002). Родился в селе Копчак Чадыр-Лунгского района. По окончании в 1988 г. факультета журналистики Ростовского

госуниверситета работал в течение 7-ми лет на гагаузском радио в г. Чадыр-Лунга, где вел программы на гагаузском языке. Долгое время был корреспондентом в районных газетах Чимишлии, Бессарабки и Тараклии. В 1994 г. П. Яланжи основал газету «Гагауз сеси» («Гагаузский голос»), которая выходит на гагаузском языке. В 1995 году вышел в свет его первый сборник стихов — “*Suunmaz yildizlar*”. В 1994 г. он становится членом Союза писателей Молдовы, а затем в 1999 г. при его непосредственном участии был образован Союз писателей Гагаузии. Свои стихи П. Яланжи писал на двух языках — русском и гагаузском. Всю свою короткую жизнь (П. Яланжи скончался от онкологии головного мозга в возрасте 38-ми лет) он проявлял себя как человек, ратующий за развитие культуры гагаузов и расширение сферы функционирования гагаузского языка.

Тудора Арнаут. Родилась в 1970 г. в с. Димитровке Одесской области Украины. Выпускница факультета востоковедения Бакинского государственного университета и обладатель диплома филолога-тюрколога, продолжила обучение в магистратуре в Турции при университете Гази. Защитила в Институте литературы им. Низами Генджеви АН Азербайджана диссертацию на тему «Виды мани в гагаузском фольклоре (в сравнении с турецкими и азербайджанскими)». Преподавала дисциплину по фольклору в Восточном Средиземноморском университете (Северный Кипр)²⁰⁶. С 2003 по 2005 гг. работала заведующей кафедрой восточной филологии Киевского международного университета. Является автором 60-ти научных статей по фольклору гагаузов и других тюркоязычных народов и переводчиком шести книг с украинского на гагаузский язык. В течение шести лет Т. Арнаут являлась президентом Всеукраинской общественной организации «Союз гагаузов Украины». Является членом Союза писателей Гагаузии и автором нескольких сборников стихов.

Т. Арнаут опубликовала несколько поэтических сборников. Главной в ее стихотворениях является тема любви. Немало произведений посвящено родному краю, родному селу, природе Буджака, гагаузскому языку.

Мария Капаклы (Мержанка). Родилась в 1951 г. в с. Бешалма Комратского района. В настоящее время работает сотрудником Национального музея с. Бешалма. Основные темы ее поэтических и прозаических произведений — родной край, природа Буджака, гагаузский язык, судьбы гагаузских женщин. Самобытные произведения Мержанки содержат этнографические описания быта и нравов простых гагаузов. Лучшие ее стихотворения и рассказы включены в школьную программу.

Виталий Бошков. Родился в 1968 г. в селе Кубей Одесской области Украины. Получив образование филолога в Одесском университете им. И. Мечникова, В. Бошков поступил в аспирантуру при историческом факультете. В насто-

²⁰⁶ Булгар С., Димчогло Ю. История гагаузов Украины. Одесса: Астропринт, 2017. С. 333.

ящее время работает автором и ведущим гагаузских радиопрограмм на Одесском областном государственном радио. Известен как автор нескольких поэтических сборников. Кроме того, он переводит на гагаузский язык стихотворения украинских, французских, испанских, сербохорватских поэтов, а также произведения гагаузских поэтов на украинский язык²⁰⁷. Владение несколькими языками позволяет В. Бошкову писать свои стихи на гагаузском, болгарском, русском и украинском языках. По словам С. Булгара, «лирика В. Бошкова наполнена мыслями о судьбе гагаузского народа, его языка и культуры, поиска своих корней и дорог в будущее. Затрагивает поэт и „вечные“ темы, проникновенно раскрывает мир личных переживаний человека»²⁰⁸.

Валентина Каранфил (Гюлю Каранфил). Родилась в 1970 г. в с. Этулия Вулканештского района. После окончания школы полгода проработала в районной газете, где писала статьи на разные темы на гагаузском языке. В 1991 г. была среди первых студентов Комратского университета. Через год перевелась в Бакинский государственный университет на факультет востоковедения, отделение «Турецкая и азербайджанская филология», получив по окончании специальность преподавателя и переводчика. Г. Каранфил поступила в докторантуру в Национальной АН Азербайджана (Институт языкознания), где защитила диссертацию «Бытовая лексика гагаузского языка» /одежда, обувь, украшения/. В настоящее время является преподавателем Комратского государственного университета. Литературной деятельностью начала заниматься еще со студенческой скамьи. Поэтическое творчество Г. Каранфил насыщено патриотическим духом. Являясь приверженцем развития и популяризации гагаузского языка, она посредством своих стихов и миниатюрных эссе передает непреходящую ценность родного языка, пропагандирует уникальную культуру гагаузов. Почти во всех ее стихотворениях звучит искренняя любовь к родному народу, к его языку, к родному краю и одновременно тревога за судьбу гагаузов.

Третья группа

Савелий Экономов (1929–2009). Родился в с. Этулия Вулканештского района. В 1956 г. поступил на работу учителем в этулийскую школу. В 1957 г. после окончания курсов гагаузского языка, организованных Д. Танасогло начал преподавать гагаузский язык. В 1959 г. поступил в Тираспольский пединститут им. Тараса Шевченко по специальности «Русский язык и литература». С 1965 по 1988 гг. преподавал русский язык, литературу, а также молдавский и гагаузский языки. Под влиянием творчества Д. Карачобана С. Экономов увлекся созданием документальных фильмов о гагаузах («Этулийские гагаузы», «Хлеб всему голова» и др) и начал писать

²⁰⁷ Булгар С., Димчогло Ю. История гагаузов Украины ... С. 341.

²⁰⁸ Там же. С. 341.

литературные произведения. Перу С. Экономова принадлежат рассказы и другие прозаические сочинения.

Екатерина Ганева. Родилась в 1985 г. в с. Конгаз Комратского района. Закончила Экономическую академию в Кишиневе. Ее поэзия отличается особой эмоциональностью и образностью. На способности Е. Ганевой к стихосложению и ее богатый внутренний мир обратил внимание С. Курогло, который не только оказал на становление молодой поэтессы большое влияние, но и был ее учителем и наставником. Он учил ее оттачивать рифму, создавать поэтические образы, воплощать в поэтической форме сокровенные мысли и чувства. Е. Ганева является автором нескольких поэтических сборников. Ее поэзия обладает богатым тематическим разнообразием. Это и любовная лирика, и пейзажная. Немало стихотворений носит патриотический характер. Они посвящены родному краю и родному языку. Свои произведения Е. Ганева пишет на двух языках — гагаузском и русском.

Григорий Недов-Топал. Родился в 1965 г. в поселке Светлый Комратского района. Профессиональный историк. В 1995 г. закончил докторантуру в Институте этнографии и фольклора АНМ. Работал лаборантом в Отделе гагазоведения и занимался исследованием дохристианских верований гагаузов. В 1997 г. издал книгу стихов и эссе под названием «Белые голуби над степью». Побудительной причиной заняться писательской деятельностью стал его отъезд с семьей в Германию на заработки. По словам самого Г. Недова-Топала, на чужбине он в полной мере ощутил невероятные трудности и щемящую ностальгию по родине. Таким образом, у него возникло желание зафиксировать собственную гамму чувств и переживаний на бумаге и поделиться этим с читателями, прежде всего со своими земляками, которых постигла нелегкая участь трудового мигранта — гастарбайтера. Рассказы, эссе и белые стихи, написанные на русском языке, посвящены ностальгии по родному Буджаку, описанию судеб близких людей (матери, отцу), односельчан, друзей и коллег. Специальность историка, безусловно, отразилась на его произведениях. Нередко Г. Недов-Топал упоминает далеких предков гагаузов — кочевых огузов, печенегов, половцев, дает краткие зарисовки их быта, кочевой жизни.

Алена Ергогло. Родилась в 1970 г. в с. Баурчи Чадыр-Лунгского района. Закончила Комратский государственный университет по специальности «История». Работала в школе с. Баурчи преподавателем истории. Опубликовала несколько поэтических сборников, куда вошли стихотворения на гагаузском и на русском языке. Кроме хрестоматийных стихотворений, посвященных малой родине — Буджаку, родному селу и близким людям (родителям), А. Ергогло представила целый цикл стихотворений под названием «Вера моя православная». Поэтессы волнуют также проблемы, связанные с нрав-

ственным состоянием общества, с потерей нравственных ориентиров, а также тема трудовой миграции гагаузов за пределы Молдовы.

Валерий Кириогло. Родился в 1956 г. в Комрате. Большую часть своей жизни (с самого детства) провел на Украине в Донецкой области. Родным для него является русский язык, на котором он издает свои стихи. Особенностью поэзии В. Кириогло является ее религиозная направленность. Это обусловлено тем, что сам поэт принадлежал долгое время общине Евангельских христиан-баптистов. В середине 90-х гг. В. Кириогло вместе с семьей переезжает в Молдову и заканчивает факультет журналистики в Комратском государственном университете. С этих пор основная его деятельность связана с журналистикой — работой в качестве корреспондента в газете «Единая Гагаузия» (орган движения «Единая Гагаузия»). Одновременно В. Кириогло издает сборники своих стихов. Кроме религиозной тематики, он публикует и стихи патриотического содержания, посвященные родному городу Комрату, прославляет гагаузскую автономию, родной Буджак. В период проживания в АТО Гагаузия В. Кириогло обращается в православную веру, что отразилось на его творчестве.

Влад-Демир Караганчу (1934–2019). Родился в с. Чишмикиой Вулканештского района. Защитил кандидатскую диссертацию и получил ученую степень доктора физико-математических наук. Работал преподавателем физики в Кишиневском политехническом институте и в рамках своей специальности серьезно изучал астрономию. Его перу принадлежат несколько книг и один поэтический сборник собственных стихов и переводов произведений румынских/молдавских поэтов (М. Эминеску, Г. Виеру и др.) на гагаузский язык. Повести и рассказы В.-Д. Караганчу во многом автобиографичны. Героями его рассказов являются простые гагаузы со своей нелегкой судьбой. Автор повествует о тяжелых годах депортаций и репрессий, голода 1946–1947 гг. Произведения писателя содержат немало этнографических зарисовок, описания обычаев и обрядов. Его стихотворения посвящены трудолюбию гагаузов, родному краю, земледельческому труду. Следует обратить внимание на одну существенную деталь, характеризующую творчество В.-Д. Караганчу. В отличие от своих ровесников — представителей первой плеяды писателей гагаузского происхождения — В.-Д. Караганчу, как было сказано выше, начал писать сравнительно поздно, т. е. в середине 90-х гг. Именно в это время, в период социально-политических и геополитических трансформаций, переоценки исторических событий прошлого, переоценки ценностной системы, у писателя сформировался несколько иной взгляд, прежде всего на историю вообще и на историю гагаузов в частности. В произведениях его предшественников темы голода и депортаций представлены слабо или не представлены вообще, тогда как большая часть сочинений В.-Д. Караганчу посвящена именно этим трагическим событиям.

Дудогло Иван (Самсон). Родился в 1948 г. в Комрате. Его постигла судьба, полная драматизма. Недуг, которым он страдал на протяжении нескольких лет, привел к полной слепоте. Тем не менее, И. Дудогло является автором поэтического сборника на русском языке под названием «Откровения». Основные темы его стихотворений — любовная, патриотическая. Ряд стихотворений посвящен исторической тематике — осмыслению истории предков гагаузов — огузов, теме гастарбайтерства, которое губительно сказывается на жизни гагаузов, а также современным политическим и даже геополитическим проблемам.

Василий Узунов (1961–2013). Уроженец с. Котловина (Болбока) Ренийского района Одесской области Украины. Автор нескольких стихотворений, опубликованных в двух поэтических сборниках. Основным поэтическим жанром, которому отдавал предпочтение В. Узунов, выступает басня. Представители творческой интеллигенции из числа гагаузов Украины называли его «котловинским Эзопом»²⁰⁹. Среди его произведений встречаются и образцы патриотической лирики — стихотворения, посвященные родному краю и своим соплеменникам — гагаузам.

Анна Казаны. Родилась в 1963 г. в с. Этулия Вулканештского района. Ее стихотворения посвящены родному селу, народным обычаям, материнским чувствам, сиротской доле, войне²¹⁰, а также трагическим событиям в жизни гагаузов (голоду).

Ефтиния Сюрма. Родилась в 1965 г. в с. Виноградовке Болградского района Одесской области. Закончила Южноукраинский государственный педагогический университет по специальности «Психология». Является автором одного сборника стихов²¹¹. Основные темы ее поэзии — тема любви, родной природы, родины, родного села.

Иван Киор. Родился в 1961 г. в с. Червоноармейское (Кубей) Болградского района Одесской области Украины. Закончил филологический факультет Измаильского государственного педагогического института. С 1983 г. преподает в одной из школ родного села русский и гагаузский языки. Подборка стихотворений И. Киор была опубликована в одном из альманахов, составителем которого являлся он сам²¹². Стихотворения И. Киора посвящены любви, родине, родному языку.

Валентина Бужилова. Родилась в 1961 г. в с. Виноградовке Болградского района Одесской области Украины. Окончила филологический факультет Кишиневского педагогического института им. И. Крянгэ. Работала учителем русского языка и литературы. В настоящее время преподает гагаузский

²⁰⁹ Булгар С., Димчогло Ю. История гагаузов Украины ... С. 337.

²¹⁰ Там же. С. 338.

²¹¹ Там же. С. 344.

²¹² Там же. С. 347.

язык и литературу в средней школе родного села²¹³. Поэзия В. Бужиловой характеризуется преобладанием пейзажной, любовной и патриотической лирики.

* * *

Писатели гагаузского происхождения — это в основном выходцы из крестьянской среды и уроженцы гагаузских сел Молдовы и Украины. Практически все они получили высшее гуманитарное (филологическое, историческое, педагогическое) образование.

Первая плеяда гагаузских писателей положила начало литературному процессу и формированию гагаузского литературного языка. Некоторые писатели совмещали литературное творчество с научной деятельностью. Например, Степан Курогло был известен не только как поэт, член Союза писателей СССР, но и как профессиональный историк-этнограф, кандидат исторических наук, защитивший в Ленинграде диссертацию по теме, связанной с семейной обрядностью гагаузов. Гаврил Гайдаржи являлся кандидатом филологических наук, специалистом в области гагаузского языка, Дионис Танасоглу преподавал гагаузский язык в вузе. Следует также заметить, что представители творческой элиты из гагаузской среды — писатели, художники, музыканты — знали хорошо друг друга, очень тесно общались, дружили семьями. Они были близки по духу, их объединяла тяга к творчеству и желание пробудить у гагаузов интерес к истории и культуре своего народа.

В советский период при отсутствии интернета непосредственное общение было привычным делом. Именно благодаря этому те, кто не занимался наукой, черпали сведения о гагаузах от своих друзей — историков, лингвистов, фольклористов.

Так, М. Н. Губогло в одной из своих работ указывает на то, что его научные статьи, связанные с проблемой происхождения гагаузов, в то время переписывались от руки и таким образом распространялись среди гагаузских интеллектуалов²¹⁴.

Несомненно, некоторые из писателей, художников и деятелей искусств сами по мере возможности находили информацию о гагаузах и тюркоязычных народах в книгах, энциклопедиях, справочниках. Но в ту эпоху знания о гагаузах передавались в первую очередь посредством живого общения.

Немаловажную консолидирующую роль сыграл Союз писателей. В Союз писателей СССР, равно как и в Союз писателей МССР, входили такие гагаузские литераторы, как Д. Танасоглу, Д. Карачобан, М. Кёся, С. Куроглу, Н. Бабоглу. В постсоветский период гагаузские литераторы вместе с пред-

²¹³ Булгар С. Гагаузские судьбы ... С. 351.

²¹⁴ Губогло М. Н. Ресурсы гагаузского нацистроительства / Сборник докладов международной научно-практической конференции «20 лет АТО Гагаузия. Прошлое. Настоящее. Будущее. Роль и место Гагаузской Автономии в современной Молдове. Комрат: Б. и., 2014. С. 135-136.

ставителями других этнических общностей Молдовы стали членами Союза писателей «Нистру». В 2001 г. по инициативе С. Булгара и при непосредственном его участии был создан Союз писателей Гагаузии, который функционирует до сих пор. Еще до учреждения данной организации, в 1996 г. был основан журнал “Sabaá yıldızı” (главный редактор С. Булгар), на страницах которого освещаются вопросы истории, культуры гагаузов. Большая часть материалов носит литературный характер. Как правило, публикуются произведения художественной литературы известных гагаузских писателей и молодых авторов. Приложением к журналу “Sabaá yıldızı” является детский журнал “Güneşçik”, основанный в том же 1997 г., а в 2015 ставший самостоятельным изданием.

Как уже отмечалось выше, гагаузские писатели совмещали литературное творчество с другими видами деятельности: были педагогами, журналистами, художниками, музейными работниками, общественными и политическими деятелями. Кроме того, каждый из них занимался просветительской деятельностью, пропагандируя в своих работах, публицистических статьях и в литературе необходимость сохранения родного языка и народных традиций, знакомили читателей с историей народа и его традициями. Такой широкий диапазон их творческой активности отнюдь не случаен. Гагаузские писатели, проявляя себя в разных ипостасях, восполняли в какой-то степени дефицит интеллектуалов в гагаузской этнической среде. Ведь процесс формирования гагаузской интеллигенции, частью которой является творческая элита, начался сравнительно недавно, а именно во второй половине XX в. К 1989 г. число гагаузов со средним, средним специальным и высшим образованием составляло 40 % от всего гагаузского населения Молдавии. Разумеется, в это число входили и представители творческой интеллигенции.

Младописьменный характер языка и отсутствие собственной литературной традиции позволяют утверждать, что гагаузские писатели первой плеяды внесли огромный вклад в развитие гагаузской художественной литературы, а Д. Карачобана следует считать основоположником гагаузского литературного языка.

Стоит указать на еще один немаловажный момент. Среди гагаузских писателей немало тех, кто пишет на обоих языках (или только на русском), а часть их сочинений были переведены на русский (и в меньшей степени на румынский) язык. В своем исследовании мы подвергаем анализу произведения, написанные как на гагаузском, так и на русском языке. Из 32 имен писателей, приведенных нами, мы рассмотрели творчество 25 авторов.

В центре нашего внимания ключевыми темами являются следующие: отношение к большой и малой родине, к родному языку, восприятие своей религиозной принадлежности, отношение к историческому прошлому своего народа, отношение к народным традициям, нравственным ценностям и т. п.

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ, ЯЗЫКОВОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГАГАУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

§ 1. *Восприятие Буджака в творчестве гагаузских писателей*

В художественной литературе гагаузов количество произведений, посвященных родине, воплощением которой является Буджак, буджакская степь, доминирует над другими темами, в которых отражаются элементы этнической идентификации. Прежде всего, это касается темы родного языка. Данный факт свидетельствует о том, насколько значимой является региональная идентичность для носителей гагаузской культуры, в частности для представителей творческой интеллигенции.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу текстов, следует обратить внимание на ряд положений, высказанных учеными разных направлений — географами, этнопсихологами и этносоциологами в отношении региональной (территориальной) идентичности.

Например, британский географ В. Кирк отмечает, что «окружающая среда — не просто „данная реальность“, а, скорее всего, синтез ее с формой, связями и особым значением, которое определяется тем, как человек ее воспринимает, и как только устанавливается общепринятый стереотип восприятия ландшафта, появляется тенденция его сохранения у следующих поколений»²¹⁵.

Специалист по этнической психологии Н. М. Лебедева считает, что связь этноса с природной средой как места его формирования имеет хозяйственно-экономическую природу и оказывает влияние на некоторые психологические особенности, в частности на склонность к субъективному предпочтению и восприятию того или иного ландшафта²¹⁶.

Этносоциолог, этнолог и историк М. Н. Губогло подчеркивает, что «в основу региональной идентичности, разумеется, положен территориально-географический, или земляческий фактор, т. е. ощущение совместного проживания совокупности людей на определенной территории, размеченной административными, хозяйственными и социально-культурными границами. Однако земля (география) сама по себе не играла бы конструктивную роль, если бы к ней на помощь не пришло время и история с ее хронологией,

²¹⁵ Цитата по: **Лебедева Н. М.** Эмпирическое исследование психологической адаптации этнической группы к иной природной среде (на примере русских старожилов Закавказья) // *Духовная культура и этническое самосознание*. М.: Б. и., 1990. Вып. 1. С. 101-102.

²¹⁶ **Там же**. С. 101-102.

выдающимися событиями и многим другим, чем могут гордиться проживающие в регионе люди»²¹⁷.

Суть методологии состоит в выборке текстов (поэтических и прозаических), посвященных родине, родному краю, родному селу. Выбранные тексты группируются по смысловым категориям:

1. Тексты, в которых содержится описание природы Буджака.
2. Родной край (Буджак) и родной дом, родители.
3. Тексты с описанием отношения к большой (Молдова) и малой родине (родное село), сакрализация родины.

Безусловно, мы не можем совсем обойтись без некоторых элементов литературоведческого анализа, но они будут носить вспомогательный характер, чтобы подтвердить, например, факт сакрализации родины, родного языка или какого-либо другого элемента идентификации. Анализ содержания призван выявить, в каком контексте автор говорит о родине, о языке. Нередко эти два элемента встречаются в одном стихотворении. Кроме того, нами замечено, что и тема родины, и тема родного языка входят в произведение, в котором доминирует исторический контекст. Реже эти темы соседствуют с описанием обычаев и обрядов.

Известно, что гагаузы появились в Буджаке (в исторической области Южной Бессарабии) во второй половине XVIII в. В этот край они переселились из Северо-Восточной Болгарии, которая по климатическим условиям схожа с Южной Бессарабией. Сходство также проявляется в особенностях ландшафта, представляющего собой степь с незначительным количеством водных ресурсов. И всё же климат Южной Бессарабии отличается от природных условий Болгарии. В Буджакском крае более суровые условия, характерной чертой которых является малоснежная зима и более засушливое лето. Довольно частые суховеи и повторяющаяся засуха ведут к эрозии почвы, что затрудняет ведение хозяйственной деятельности. Всё это усложнило и без того тяжелый крестьянский труд и требовало терпения, выносливости и сноровки²¹⁸. Поэтому, несмотря на схожие природные условия, задунайским переселенцам, в числе которых и гагаузы, пришлось в какой-то мере адаптироваться к условиям жизни на новом месте. Процесс адаптации был довольно сложным. Переселенцам приходилось на первых порах строить временное жильё — землянки и полуземлянки, затем — возводить саманные дома без фундамента, загоны для скота, строить на новом месте деревянные церкви. Кроме того, нужно было выбрать место для возделывания почвы, вспахать, засеять ее разными культурами, найти пастбища для выпаса, выращивать корма для домашних животных.

²¹⁷ Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Старый сад, 2003. С. 451.

²¹⁸ Никогло Д. Е. Система питания гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев: Б. и., 2004. С. 38.

Природа Буджака

Суровые условия Буджака с частыми засухами, с нестерпимым зноем, выжигающим землю и растительность, описываются в одном из стихотворений Д. Карачобана²¹⁹ «Старый Буджак»:

Kuşçaaz göktä peydalanıp,
kaybeler. Geçti yaşlık,
da te kurak
çekeder.

Птичка появилась на небе.
Пропадет. Прошли года.
Опять засуха
грядёт.

Daasız bu er, çıplak sırtlar
pek çoktan.
Kıvrık salkım kalmış ona
donaktan.

Без леса это место, как нагое тело,
уж давно-давно.
Лишь кривая старуха акация
осталась из красот.

Dik üülendä, açan sıcak
Sarplaşêr,
er-gök yanêr, ne var eşil –
sörpeşer.

В полуденный зной
Земля и небо
полыхают,
зелень жухнет.

Her can aarêêr er sıcaktan
yokolamaa,
Hepsi bakêr bir gölgecää
sokulmaa.

Всяк ищет
спасительной тени,
Всяк хочет
сбежать от жары.

Salt eşilik durêr gündä
kızmakta,
Hem da kırdä bir kaç insan
kazmakta²²⁰.

Но лишь зелень остается
на солнце в пекло,
Лишь спины праशующих
в поле крестьян.

Но Буджакские степи — это не только беспощадное солнце и пожухлая трава, не только горячие степные ветры, но и живописные весенние пейзажи. Д. Танасоглу был одним из первых, кто начал воспевать в своих произведениях родной край, его природную красоту:

Где широкие луга,
Виноградники полны ягод,
Где веселые сады,
В родниках сладкая вода —
Там взошла моя звезда,
Там родина моя.

²¹⁹ *Kara Çoban / Kara Çoban* — литературный псевдоним Дмитрия Карачобана.

²²⁰ **Kara Çoban D.** Seçmâ yaratmalar. Ankara: Be. y., 2004. С. 46.

Хрестоматийным стало другое стихотворение Д. Танасоглу, посвященное родной земле:

Смотри, как степь украшена цветами,
А родники прозрачнее стекла.
Тут небо дышит тихо над лугами
И смотрится в озера-зеркала.
Вокруг лежат бескрайние равнины,
На них лучи наводят мягкий лоск,
Повсюду склоны подставляют спины
Упрямым толпам виноградных лоз.

(Перевод М. Хазина)

П. Чеботарь подчеркивает, что эти строки, написанные одним из патриархов гагаузской литературы, очень искренние, т. к. в них отсутствует присущая как Д. Танасоглу, так и многим писателям советской эпохи плакатность и лозунговая стилистика: «Невозможно не поверить в искренность этих строк, поэт беспредельно любит родной Буджак, обжигаемый горячим летним солнцем, но, тем не менее, вечно красивый и близкий сердцу в любое время года»²²¹.

Искренне восхищение Буджаком звучит в стихотворениях Г. Гайдаржи:

Ах, Бужаам, Бужаам,
Туркүлү, жөмерт,
Не долмуш кужаан
Чок ренкли демет!

Буджак мой, Буджак,
Песенный и щедрый.
Превратился ты
В разноцветный луг.

Ах, Бужаам, Бужаам,
Даннарын пембä!
Кысметлийим бän,
Ки дуудум бырда.

Буджак мой, Буджак,
Твои зори розовые.
Я счастлив тем,
Что родился здесь.

(“Ай, Бужаам, Бужаам!”)²²²

Природа Буджака занимает значительное место и в творчестве Н. Бабоглу. Как и его коллеги по перу, Н. Бабоглу описывает ландшафтные особенности края — реки, овраги, растительность, а также восхищается богатством своей земли, ее щедростью и плодородием:

Lunga-Lunga derecik

Lunga-Lunga derecik,
Evlär boyunda gercik
Lunga alçaklarında

Река Лунга

Речка Лунга,
Вдоль домов красота,
А в оврагах возле речки

²²¹ Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература /50–80-е гг. XX в. Кишинев: Штиинца, 1993. С. 23.

²²² Гайдаржи Г. А. Анна тарафым. Стихи (на гагаузском языке). Кишинев: Литература артистикэ, 1972. С. 43.

Şindi büümeer salt kindra,
Başçelik gözäl orda
Paşsoylar da diil urda.
Büümüşlär gözäl üüsek
Kundaklar nicä dirsek²²³.

Aklında — canında

Özledim çok seni,
Türkülü yurtluumu.

.....

Yalpuda yamaçlar,
Çaylamak otlu uvalar,
Arpalı, boodaylı tarlalar²²⁴.

Не растёт сейчас сорняк,
А красивый цветник
И кукурузные поля.
Высоки и красивы
Початки шириной с локоть.

В моих мыслях и (в сердце) душе

Я скучаю по тебе,
Песенный мой край.

.....

По холмам в Ялпуге,
По стогам
И пшеничным полям.

Н. Бабоглу известен не только как поэт, но и как прозаик. По словам П. А. Чеботаря и журналиста И. В. Топала (редактора газеты “Ачык гёз”), Н. Бабоглу был настоящим мастером прозы.

В его прозаических произведениях, так же, как и в поэзии, встречаются описания Буджака. Н. Бабоглу подробно описывает ландшафтные особенности. ...Çıktık küüdän, bakêriz dolaya da göreriz, herersi düzlük. Yollar boylarında görüner dizili ceviz, salkım ya kavak aaçları... Göz atalım biraz uzaa, orada görüner arpa-boday tarlaları, ekinnär başakta. Lüzgär ekinnii dalga-dalga, nicä denizi çalkêêr. Gideeriz taa ileri, önümüzä sıraylan dizili meyvalık fidannarı (alma, armut, şefteli, kirez). Onnar da gür eşil gözümüzü alamêêriz kırmızı yanaklı almalarından hem turuncu-sarı şeftelilerdän... Sora bu meyvalık başçesinin öbür kenarında baalar çekeder... Bu gözäl baaların öbür ucu görünmeer: ne büük, ne zengin masiv! <...> Te bu kır bizim tarafımız, duuma erimiz, adı onun BUCAK <...> ...birkaç üz yıl geeri bu kırlar bom-boşmuşlar, bu düzlüklerde lüzgerlär çorbacıymışlar... Gengerlik hem süütlenniklär içinde oyanda-buyanda bir tavşam, tilki, yabancı olurmuş görünsün. Ama kır, bir çöl uva gibi, hiç bir fidansızmış, daaliksızmış. Toloka hiç zamandan dürtülmedik sürülmedikmiş...Elbetki, şimdi kırın üzü heptän enilenmiş, fidannar, baalarlar, ekinnär, meyvalık başçeleri — hepsi bizim insanın zaametinnän, terinnän etiştirildi...²²⁵ / ...Выйдя из села и оглянувшись, мы увидели, что нас окружала равнина. Вдоль дороги виднелись посаженные ореховые деревья, акации или тополя... Если посмотреть вдаль, можно увидеть пшенично-ячменные поля, зерновые колосья. Когда дует ветер, поле становится похожим на морские волны. <...> Перед нами появляются высаженные рядами садовые деревья: яблони, груши, персиковые и черешня. Сами деревья темно-зелёные, и мы не можем взглянуть от краснощёких яблок и желто-оранжевых персиков... За садом

²²³ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinäu: Pontos, 2003. С. 9.

²²⁴ Там же. С. 101-102..

²²⁵ Baboglu N. Uzak yollarım... Seçmä yaratmalar. Chişinäu: Pontos, 2009. С. 186.

виднеется виноградник... Этот красивый виноградник кажется бескрайним, настолько большой и богатый массив! <...>. Это степь — наш родной край, и называется он БУДЖАК <...> ...Несколько столетий назад эти поля были пустынные, а на этих равнинах хозяйничал ветер... Среди кустов чертополоха и молочая то там, то здесь можно было увидеть промелькнувших зайца или лису, а иногда и волка. Но степь, подобно пустыне, была без деревьев, без лесных урочищ. Целина долгое время оставалась нетронутой, невспаханной... Зато сейчас ее не узнать: деревья, виноградники, поля, фруктовые сады — все они обработаны трудом и потом наших людей.

Как видим, Н. Бабоглу описывает не только ландшафтные особенности родного края, но и совершает краткий экскурс в историю Буджака, всего лишь одним штрихом упоминая о том, что раньше Буджак несколько столетий назад был почти пустынным и целинным²²⁶, но потом благодаря кропотливому и добросовестному труду гагаузов он начал процветать и стал плодородным краем.

Те, кому довелось побывать в Буджаке в разное время года, знают, что он очень красив и живописен весной, особенно в мае, когда пробивается молодая трава, застилающая изумрудным ковром поля, луга и холмы. Эту радующую глаз картину дополняют бело-розовый свет, идущий от цветущих фруктовых деревьев, и их едва уловимый, тонкий аромат. Ненавязчивое жужжание пчел и щебет птиц как бы завершает живописную картину пейзажа.

Описание весеннего Буджака содержится и в рассказе Н. Бабоглу “*Demirçi*”: *Erken sıcaklar hızlandırmıştılar tolokada çimeni, zerdeli açları hem kirezlär ölâ vakıtları hem birdän açmıştılar, ki meyvalık başçaların yanından geçärkän, açlara bakarsan, gözlerin kamaşırđı, nicä ilk kaardan*²²⁷ / Из-за рано установившейся тёплой погоды на лугах проглядывала зелёная трава, а абрикос (жерделя) и черешня так быстро и вовремя расцвели, что проходя мимо фруктовых садов, белоснежный цвет деревьев тебя ослеплял, словно первый снег.

Похожая весенняя картина представлена и в другом его рассказе: *İlkyaz yavaş-yavaş kapladıydı dünneyi. Çoktan artık eridiydi kaar, aullar boylarında uzanırdı kuru yolcaazlar, neredä insanlar artık gezärdilär yalnayak. Çiçek açardı vişnä açları hem zerdelilär. Sıcaktı... Kırdan gelirdi ilk çimen kokusu*...²²⁸ / Весна потихоньку охватывала всё вокруг. Уже давно растаял снег, вдоль заборов растянулись сухие тропинки, по которым люди ходили уже босиком. Цвела вишня и жерделя. Была жара. С поля пробивался запах первой травы.

Картина буджакской ночи представлена автором в рассказе “*Trendä*” («В поезде»). Всего лишь в нескольких фразах писателю удалось передать

²²⁶ В данном случае речь идет о центральной части Буджака, которая до поселения задунайских колонистов была целинной землей.

²²⁷ **Baboglu N.** Uzak yollarım... Seçmä yaratmalar. Chişinău: Pontos, 2009. С. 188.

²²⁸ **Там же.** 2009. С. 227.

пейзаж и звуки ночного Буджака: *Yaz avşamı git-gidä koyulaşırđı, olurdu gecä... Bakmadaan avşamın karannına, tarafımız isläü seçilirdi: yolumuz duruk derin dalgacıklı su. Sıcak gecedü tırtırların seslerinnän karışırđı kurbaaların uakırtıları. Bir sazdan eski tırlanın yanında yatırđı koyun sürüsü... Saa tarafımızda göktä peydalandı harman kadar dolu ay*²²⁹ / *Летний вечер постепенно сгущался, наступала ночь.... Несмотря на вечерние сумерки наша сторона хорошо просматривалась: наша дорога, словно чистая волнистая река. В тёплой ночи перемешались стрекот сверчков и кваканье лягушек. Возле старой кошары, сооружённой из камыша, лежала отара овец.... На правой стороне возшла полная луна, похожая на площадку для молотьбы.*

Обращает на себя внимание то, что автор описывает природу Буджака с пронзительной любовью. Перед нами знакомая и до боли родная каждому гагаузу картина ночного Буджака. В каждом селе есть небольшое озеро или пруд, мелководная речка, загон для овец на краю села. Сравнение луны с жерновами придает этому описанию некую этнографичность.

*...Койу думаны таа аар гүүдели бу март сабаасы еркендän чекетти кайнамаа алчакларда хем кулакларда. Саде сабаа гүнеши дүрттүю ону, да думан, нижә ихтиар өкүз, баилады аар-аар гүүсүлә калкынмаа илкин гүннү сыртлардан. Орада, кырда, күүдän чок узакта, таа думанны сырта, бир пай башында пакларды кагалачлан пулуу бир ериф...*²³⁰ / *Отяжелевшее от густого тумана это мартовское утро рано начало пробуждаться в долинах и балках. Только утреннее солнце поторопило его, и туман, как старый вол, только-только стал подыматься с первыми лучами солнца согретых холмов. Там, в поле, очень далеко от села, на еще затуманенном холме, в начале участка очищал плуг муравой мужчина.*

Если Н. Бабоглу сравнивает луну с жерновами, то М. Куйумжу утренний туман — со старым волем, который медленно подымается с земли.

Летнее утро, как и ночь, — самое хорошее время в знойном Буджаке. Ночью на землю опускается долгожданная прохлада и тишина. Утро тоже радуется своей прохладой и символизирует не только начало нового дня, но и новой жизни. Это ощущение очень точно передал в одном из своих стихотворений С. Куроглу:

Bucakta sabaa²³¹

Birkimsey sorsa;
“Ne gözäl heptän?”
De ona kısa,
Çok düşünmedään:

Утро в Буджаке

Если кто-то спросит:
«Что самое красивое на свете?»
Ответь ему кратко:
«Утро в Буджаке».

²²⁹ Baboglu N. Uzak yollarım ... С. 226.

²³⁰ Куйумжу М. Тоомсус тарлада йабан гүллери: Аннаматлар. Кишинев: Нурегіон, 1991. С. 54.

²³¹ Kuroglu S. Canıma baaşlarım. Kişinöv: Grafic Design, 2011. С. 11.

“Bucakta sabaa!”
Gün duudu, sesli
Uyandı Bucak,
“Hoş geldin, eni
Gün hem yaşamak!

День родился голосистый,
Проснулся Буджак.

Добро пожаловать,
Новый день и новая жизнь.

Hoş geldin bizä
Hem bütün küüyä,
Herbirimizä
Sän verdin seläm!”

Добро пожаловать к нам
И в наше село.
Ты каждого из нас
Приветствуешь.

Весенние краски Буджакской степи — это прежде всего молодые зеленые колосья пшеницы, склонившиеся головки подсолнуха, в котором запечатлен образ небесного светила, а также очень высокое голубое небо с огромными облаками:

Bucaam

Bucaam, bereketli topraam
Dolay erlerindä,
Koyu eşil booday yapraa,
Güneş – talerindä.
Maavi göklär üüsek, geniş
Sadecä bu erdä²³².

Мой Буджак

Мой Буджак — плодородная земля.
Повсюду темно-зеленого цвета
Колосья пшеницы.
И солнце — в подсолнухе.
Только здесь небесные облака
Так высоки и огромны.

Для С. Куроглу нет земли краше, чем Буджак:

Ah, Bucaam...

Dap-duru geldim, göz attım
Eni geniş bir göka dünneydä.
Ah, Bucaam, ana tarafım,
Var mı sanki sendän gözäl?²³³

Ах, мой Буджак...

Прямо-прямохонько пришел я,
Посмотрел на самое огромное в мире небо.
Ах, Буджак, родная сторона!
Есть ли что-нибудь на свете красивее тебя?

Похожие мотивы звучат в стихотворении Н. Бабоглу “Bucak”. Поэт воспевает осенние поля пшеницы и утренний Буджак, восхищается небом, усеянным серебристыми облаками:

Bucak

Uygun Bucak, käämil Bucak! —
Taraflım benim şıralı.
Sabaayım benim gün gibi yalpak
Kısmetim benim biyaz kanatlı
Kırların, o güz kırların

Буджак

Красивый Буджак, прекрасный Буджак! —
Сочный мой край.
Утро моё, словно ласковое солнце.
Счастье моё белокрылое.
Поля, эти осенние поля,

²³² **Baboglu N.** Uzak yollarım ... С. 110.

²³³ **Kuroglu S.** Canıma baaşlarım. Kişinöv: Grafic Design, 2011. С. 128.

Denizlär gibi dalgalı.

Словно море волнистое.

.....
Göklerin, o pak göklerin
Gümüşlü gibi yıldızlı²³⁴.

.....
Небеса — будто серебром рассыпано
Чистое небо твоё.

.....
Земля у Н. Бабоглу подобна голубоглазой красавице. Как известно, голубой цвет в общетюркской традиции обладает положительной коннотацией и символизирует цвет неба, и, следовательно, цвет тюркского языческого божества:

Maavi gözlü toprak

Голубоглазая земля

Maavi gözlü dünnää,
Eşil giyimni toprak
Lääzımsın ömürnä
Uslu olasın pak²³⁵.

Голубоглазый свет,
И в зелень одетая земля
В жизни нужны,
Чтобы был мир всегда.

Ночь в Буджаке С. Куроглу называет сказочной:

Yıldızlı gecelär

Звездные ночи

Ah, Bucaam, ana tarafım,
Yok sendän taa gözäl erlär,
Yıldızı gecelär korafi
Masala mı, gercää mi benzär!

Ах, Буджак, родной край!
Нет красивее тебя.
Звездные ночные узоры
Похожи на сказку или быть!

Göklerin kublesi — kâr çadır,
Gerili oyandan buyanı,
Saa ol, anı yartın bir hatır —
Açtırdın şu altın sandımı²³⁶.

Небесные облака, подобные шатру,
Раскинулись налево и направо.
Спасибо, что ты сделал такое благо —
Открыл этот золотой сундук.

Звездные ночные узоры, о которых говорит поэт, это не что иное, как созвездия и галактика Млечный путь, который у гагаузов называется Саман Йолу. Об этом С. Куроглу пишет в другом своем стихотворении — «Ответ туркменскому другу»²³⁷:

Погляди внимательней на Млечный Путь,
Что мы зовем Саман Йолу.
Это на арбах дороги вечной
Наши предки пересекают мглу.

²³⁴ Baboğlu N. Uzak yollarım ... Seçmä yaratmalar. Chişinău: Pontos, 2009. С. 13.

²³⁵ Baboğlu N. Uzak yollarım ... С. 38.

²³⁶ Kuroğlu S. Canıma baaşlarım. Kişinöv ..., 2011. С. 109.

²³⁷ Куроглу С. Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 9.

В литературных произведениях степь — не однообразная и скучная, напротив, она играет целой палитрой красок: зелёными, желтыми, лиловыми, с разноцветными цветами и травинками. Цвет буджакской степи зависит от времени года. Д. Танасоглу в рассказе “Bucak, Bucak” искренне и с большой теплотой восхищается красотами родного края — полями и оврагами, бескрайними просторами: *Deyecez, ne gozellik vardı nasıl bulmaa bu çukurlu, ot-suz tolokada, kuru dereli çayırlarda, o yamaçlı kırlarda, erdän erä kuşalı derin tozlu taliga yollarınnan, fidan erinä gengerlän dikili kırlarda?.. ...Desin kim ne deyärsä, sansın ne sanarsa. Ama ana topraandan, ana tarafıdan gözäl, paalı yoktur! Pin yamacın tepesinä, bak dolaylara: maavi uzaklardan büyük arkalar dizili yamaçlar, ani eşil ekinleri, geniş baalarları gün meyvalıkları gücülä taşıyerler sırtlarında; sıra dizili kavak yada ceviz aaçların aralarında geniş kayışlar gibi kayer asfaltlı yollar, neredä küülülär çaarêrlar herbir yolcuu...*²³⁸ / *Казалось бы, какую красоту можно найти в этом, без травинки, пустом поле; местах ранее полноводных рек; в этих полях со склонами; из стороны в сторону идущих пыльных дорогах; в полях, с чертополохом вместо деревьев?.. ... Пусть говорят и думают, что хотят. Но красивее и дороже родины нет ничего. Поднимись на вершину холма, оглянись вокруг: далеко в синеве, как огромные спины, выстроились в ряд холмы, которые на себе несут еще зеленые зерна, раскинувшиеся виноградники и сады; сквозь в ряд посаженные тополя или орешники, как длинные ремни, тянутся асфальтированные дороги, где сёла зовут каждого прохожего...*

В рассказе “Bucak kırları” («Буджакская степь») Д. Танасоглу описывает местность с давно высохшей рекой Лунга, которая протекала с правой стороны от города Чадыр-Лунга: *...Çadır-Lunga kasabası Lunga deresinin sol tarafında kurulu. Lunga deresi kimi erlerdä taa genişçä, kimi erlerdä taa dararak. Sol tarafındaki yamaçlar taa dik, durada çok oymaklık var. Bu çayırmın içindä küülür taa çok sol tarafında kurulu. Demir yol da hep bu tarafta yapılı. Bu sırt dik yukarı çikêr da onun üstü birtaa düz gider irmi kilometrayadan. Bu düzlää gagauzlar po-diş deerlär. Bu düzlük çok ii ekin bereketini verer...*²³⁹ / *...Город Чадыр-Лунга был образован с левой стороны реки Лунга. Река Лунга в некоторых местах шире, в некоторых — уже. Она протекает между двумя холмами. Склоны с левой стороны более крутые. На этой территории сёла чаще всего расположены с левой стороны, и железная дорога тоже находится с левой стороны. Этот холм круто поднимается вверх, а его ровная вершина тянется на расстоянии двадцати километров. Эту равнину гагаузы еще называют плоскогорьем. Она (равнина) дает щедрые урожаи...*

Ночная прохлада сменяется знойным днем. Порой жара невыносима и мучительна. Г. Недов в небольшом эссе «Буджакская степь» описывает жаркое

²³⁸ Gagauz dili hem literatura okumakları VI-cı klaslar için. Kişinöv, 2002. С. 216.

²³⁹ Там же. С. 178.

летнее утро: Огромное солнце в пять утра над огромным селом. Кругом — ни росинки: верный признак начала знойного июльского дня. Над улицами клубились облака пыли, это коровы сходятся в стадо. Камышовые крыши, частые скирды прошлогодней виноградной лозы, ея гагаузы топят печи для выпечки хлеба. Редкие деревья акации с полуиссохшей листвой пылали в лучах молодого солнца. <...> Сама степь была ... жестока своим зноем²⁴⁰.

Пейзаж совсем не радостный, статичный, неподвижный, как горячий степной воздух в безветренную погоду. В просторечии существует выражение «стоячая жара», которое автору удалось передать очень точно. Эту статичность нарушают медленно идущие на луг животные и облака пыли, которую они поднимают. В эту пору в Буджакской степи дышится трудно, поскольку знойный воздух обжигает не только лицо, но и ноздри.

Несмотря на эти суровые условия, Буджакская степь для Г. Недова — любимый, родной край: *Этот пейзаж степного села впитан гагаузами с молоком матери и стал настолько родным, насколько может каждый из них сопоставить его с любовью к матери*²⁴¹. В этом отрывке проявляется субъективное отношение к родному ландшафту.

Родина, родители, родительский дом

Очень часто в поэтических произведениях гагаузских писателей понятие родины, родной земли ассоциируются с родным домом, родителями — матерью и отцом. Выстраивается четкий ассоциативный ряд: родной край (Буджак) – родной дом – мать и отец – душевное тепло, понимание, любовь. При этом чаще родной дом, очаг ассоциируются именно с матерью или отцом:

Ана

Bir da ana taraf var —
Ömürü düzän.
.....
Aydınım, sevdam!
Benim güllü başçeciim
Nem ömürüsün sän²⁴².

Мать

А есть еще родной мой край —
Моей жизни уклад.
.....
Свет мой и любовь!
Мой цветник
И жизнь моя.

Или с родительским домом:

Çeşmelidä-Çimişlidä

Tarafım sän güneşli
Açık başçam çiçekli,

В Чимишлии

Солнечный мой край —
Открытый цветник,

²⁴⁰ Недов Г. Белые голуби над степью. Стихи. Рассказы о гагаузах и их соседях. Эссе. Кишинев: Muzeum, 1999. С. 74.

²⁴¹ Там же. С. 74.

²⁴² Baboğlu N. Uzak yollarım... Seçmä yaratmalar. Chişinău: Pontos, 2009. С. 104.

Çimen feslen kokusu
Ana-boba kapusu...²⁴³

Запах травы и цветов бусуйка,
Родительский дом.

В стихотворении Н. Бабоглу «Буджак» представлена защитная функция родного дома. Эту защиту обеспечивает поддержка родного человека — отца:

Bucak

.....

Benim Bucaam — kauş sesi,
Aydınnık ömür tarlası,
Bu mu diil sana ana köşesi?
Bu mu diil sana boba arkası?²⁴⁴

Буджак

.....

Буджак мой — кауша звучание,
Светлое жизненное поле.
Не это ли угол родной (домашний очаг)?
Не это ли отцовская поддержка?

Для Н. Бабоглу Буджак бесконечно дорог, потому что там проходило его детство, там остались воспоминания о самых дорогих людях — родителях. Пронзительная любовь и привязанность к родному дому звучит в стихотворении “Papum elimdä”/«Хлебушек в руке». В нем поэт использует известный прием — сравнение родины с порогом, который символизирует границу между миром своим — родительским домом — и миром чужим. В родительском доме, в родном селе, в частности и в Буджаке, человек находится вне опасности, под покровительством родных и близких. В этом мире царят доброта, тепло и понимание. Этот мир — мир детства, в котором родители еще живы, здоровы, молоды и полны сил. Воспоминания об этом являются самыми чистыми и светлыми:

Papum elimdä

Bir aklımda anam-bobam,
Birindä da saçak altı
Yurtluum, o nända sundurmam
Nända o küçüklüüm kaldı...²⁴⁵

Хлебушек в руке

Я мыслями с родителями и домом родным.
Родина там, где родной порог,
Где детство моё осталось.

Образ родного порога, тоска по родному дому и родителям отражается в “Dayma düşlerimä geler”/«Часто снится мне».

Dayma düşlerimä geler

Ama geniş dünneyin sade bir köşesindä
Bana adınca deerlär taa tatlı...
Orada bizim eşik hem zemprelän kapumuz²⁴⁶.

Часто снится мне

Только в одном уголке мира
Так сладко меня называют,
Где наш порог и дверь.

²⁴³ **Baboglu N.** Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinäu: Pontos, 2003. С. 10.

²⁴⁴ **Baboglu N.** Uzak yollarım ... Chişinäu: Pontos, 2009. С. 13.

²⁴⁵ **Baboglu N.** Güz çiçekleri ... Chişinäu: Pontos, 2003. С. 36.

²⁴⁶ **Там же.** С. 36.

Аналогичное чувство ностальгии по родному дому, родителям и ушедшей юности испытывает и лирический герой С. Куроглу.

Canali (Tütkü)

Unutmaa yok nasıl küçüklük evini

Hem mayıl gençliindä ilkinke sevgini.

Canali, Canali, Canali neresi?

Canali — Komratın evelki deresi.

Canali — Komratın can sesi çağırır,

Yok nasıl yaşamaa bu erdän ayırır.

Canali, Canali, ne yalpak var elin,

Kış-yazın zamanı çaar beni, çaar beni!

Nereyi da gitsäm, geeri gelecäm, —

Göreym evimi, Gagauz Yerimi, —

Gelenä-geçenä selemi vereyim,

Anayı-bobayı sarmaşıp-öpeyim²⁴⁷.

Жанали (Песня)

Невозможно забыть дом,

где ты родился.

И нежную первую любовь.

Жанали, жанали, жанали! Где это?

Жанали — это в Комрате раньше
была река.

Жанали — это в Комрате колокольный
звон с долины.

Невозможно жить, отрываясь от
родного дома.

Жанали, какая нежная у тебя рука.

И зимой, и летом зови меня, Жанали.

Куда бы я ни шел, я вернусь обратно,

Чтобы видеть свой дом, чтобы видеть
гагаузскую землю,

Чтобы с прохожими здороваться,

И отца с матерью обнять и расцеловать.

Нам предстоит еще впоследствии уточнить, что означает название Жанали. Текст данного стихотворения свидетельствует о том, что Жанали — это название высохшей реки в Комрате. Автор не случайно дал своему произведению название «Высохшая река». Высохшая река символизирует ушедшую молодость, которая прочно и навсегда запечатлелась в памяти поэта. Архитектоника гидронима «Жанали» несет в себе ощущение неизбывной печали и тихой грусти и, конечно, ностальгии по молодости. В самом слове «жанали» слышатся жалобные напевы кауша — народного струнного музыкального инструмента, который стал одним из этнических маркеров. К нему творческая элита относится особенно трепетно, встраивая его в исторический контекст и формируя из этого элемента народной культуры образ прошлого. Неслучайно каушу посвящен ряд стихотворений, а его изображения встречаются на полотнах гагаузских художников.

Мысль о том, что Буджак неотделим от родителей — матери и отца — транслирует и П. Чеботарь:

²⁴⁷ Kuroglu S. Canıma başılarım. Kişinöv: Grafic Design, 2011. С. 115.

Далеко-далеко,
Где осел туман,
В полынном Буджаке,
В одном доме есть два человека...
(«Ветер, ветер...»)²⁴⁸

Наряду с образом порога, как границы между «своим» и «чужим» Н. Бабоглу использует и образ двери, которая выполняет ту же функцию — функцию защиты. Об этом стихотворение “Tanımak kapusu” («Узнаваемая дверь»):

Tanımak kapusu

Küçük vatanım —
Anam hem kanım.

.....

Kapu önündä
Naşlama dutlar.

.....

Yamaçta pelin
Tepelär üüsek.

.....

Vatanım benim —
En büyük dünnäädä!
Onunnan canım
Baalı burada...²⁴⁹

Узнаваемая дверь

Маленькая родина —
Это кровь и мать моя.

.....

Во дворе
шелковица посажена.

.....

И полынь
на холмах высоких.

.....

Родина моя —
Самая большая в мире!
И только к ней
Душою я привязан.

К обозначенному ранее ассоциативному ряду: родной край (Буджак) – родной дом – мать и отец – душевное тепло, понимание, любовь Н. Бабоглу добавляет еще два элемента, сравнивая родную сторону с мозолистыми руками своего отца и с возлюбленной:

Topraam sän benzärdin...

Topraam sän benzärdin
Bobamın çatlak auçlarına.

.....

Hem benim yavklum gibi
Sevärdin salt uzaktan²⁵⁰.

Земля моя, ты была похожа...

Земля моя, ты была похожа
На треснувшие ладони отца моего

.....

Ты, словно возлюбленная моя,
Радовалась издалека.

Сравнение с мозолистыми руками отца свидетельствует о том, что тема родины, родного края неразрывно связана с темой труда, отношения к труду,

²⁴⁸ **Чеботарь-Гагауз П. А.** Жана йакын. Стихи (на гагаузском языке). Кишинев: Литература артистикэ, 1989. С. 32.

²⁴⁹ **Baboglu N.** Uzak yollarım... Chişinău: Pontos, 2009. С. 11.

²⁵⁰ **Baboglu N.** Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 37.

воспевания трудолюбия, которое является одной из основополагающих нравственных ценностей гагаузов. Кроме того, сравнение с возлюбленной, на наш взгляд, является первым шагом на пути к сакрализации родины.

Отношение К. Василиогло к Буджаку отличается особой трепетностью и очень напоминает отношение к возлюбленной:

Bucak

Karagöz Bucak,
Al beni kucak.
Sân benim tarlam,
Bân — ongun başak.

Sesleycâm seni,
Sevecâm seni,
Hoşlaycam seni,
Taraflım benim!

.....
Sendân gözal — yok!²⁵¹

Буджак

Черноглазый Буджак,
Обними меня.
Ты мое поле,
Я — твой созревший колос.

Я буду слушать тебя,
Буду любить тебя,
Буду ласкать тебя,
Моя родная сторона.

.....
Красивее тебя нет!

Вторит К. Василиогло и поэт И. Кыльчик:

В краю родном бываю редко,
Но до сих пор его люблю я всей душой,
Зимой студеной, осенью и летом
Стремлюсь домой и раннею весной.
Холмы, овраги, перелески,
Зеленый луг, вишневый сад —
Тебя люблю я, как невесту,
И встрече я с тобою рад²⁵².

Чувство ностальгии испытывает лирический герой поэтессы Гюлю Каранфил:

Bucaam

Sarı saçlı, nazlı Bucaam,
Gül kokulu eşil Bucaam!
Özlemnan yanêrım!

.....
Damaamda dadın kalêr,
Ballı kirez, kara üzüm...²⁵³

Мой Буджак

Желтоволосый, нежный мой Буджак,
С запахом роз, зеленый мой Буджак!
Скучая, я сгораю...

.....
В воздухе остается твой вкус —
Вкус медовой черешни, черного винограда...

²⁵¹ **Vasilioglu K.** Vatanım – Bucak. Chişinău: Pontos, 2003. С. 23.

²⁵² **Кыльчик И.** Я — колосок земли Буджакской. Комрат: Б. и., 2001. С. 8

²⁵³ **Karanfil G.** Selâm getirdim (şîrlâr, mektuplar). Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2012. С. 9.

Отношение к малой и большой родине

Отношение к большой Родине — Республике Молдова отражено в хрестоматийном стихотворении Н. Бабоглу “Нау, Moldova!” («Хей, Молдова!»), которое стало песней и воспринимается как народная:

Нау, Moldova!

Нау, Moldova, Vatanım,
Gün duusuna bakalım,
Dan Eri ordan aarêr,
Gün da oradan duuêr.

Gün orda harman gibi,
Maavi gökün yok dibi.
Çalsın çirtma oynaylım
Tatlı dilâ doymaylım!

Ne gözâl bendâ taraf,
Kirez çiçeendân koraf,
Turna gözündân şarap,
Sütlü paşoydan alaf.

Gelin, dostlar kol-kola
Oynaylım bir Düz ava
Gün duusuna bakalım
Bir „kadınca” oynaylım

Çal sän çirtma Bucakta
İşidilsin uzaktan,
Çal sän çirtma oynaylım
Tatlı dilâ doymaylım...!²⁵⁴

Хей, Молдова!

Хей, Молдова, Родина,
Давай встречать рассвет,
Там вдали горит заря,
Там восходит солнце.

Солнце там, как целый сад,
И бездонна небес синева.
Пусть флейта поет — будем танцевать,
Радоваться сладкоголосому языку!

Как прекрасен мой край,
Ковры из вишневых цветов,
А вино, как глаз журавля,
И корм из спелой кукурузы.

Приходите, друзья, возьмемся за руки,
Станцует Дюз Аву,
Встретим рассвет,
Станцует кадынжу.

Пой, флейта, в Буджаке,
Чтоб было слышно далеко,
Пой, флейта, будем танцевать,
Радоваться сладкоголосому языку!

Автор высказывает свое искреннее уважение и любовь к Молдове, неотъемлемой частью которой является его малая родина — Буджак. В этом стихотворении звучит призыв к дружбе между молдаванами и гагаузами. Автор убежден, что эти два народа связывает умение веселиться, а знание культуры друг друга (песен, танцев) является залогом сохранения дружбы между ними.

Любовь к родине отражена в стихотворении Д. Танасоглу, вошедшее в сборник «Чал, Тюркюм» и изданного в советский период²⁵⁵:

²⁵⁴ Baboglu N. *Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär*. Chişinău: Pontos, 2003. С. 6.

²⁵⁵ Танасоглу Д. Чал, тюркүм (Звени, моя песня): Стихи. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1966. С. 36.

Родимый край,
Любимая земля!
Родина Буджак —
Гагаузистан!
(«Гагаузистан»)

Чувство большой Родины прослеживается и в поэзии Д. Н. Кара-Чобана. В одном из своих стихотворений, искренне восхищаясь Молдовой (в советское время Молдавиёй), он сравнивает Днестр с красивым ожерельем на шее Молдовы²⁵⁶.

Однако Родина для гагаузских поэтов — это не только Буджак, но и родное село. Каждый гагаузский писатель является выходцем из села, из крестьянской среды. Именно там представители творческой интеллигенции — писатели, художники, музыканты — провели свое детство, именно в селе они впитывали обычаи и традиции своего народа, воспитывались и росли на тех нравственных ценностях и установках, которые сохраняли на протяжении многих веков их предки. В свою очередь через свои произведения гагаузские писатели старались транслировать эти ценности своим землякам-соплеменникам и передавать следующим поколениям. В этом заключается этномобилизующая функция художественной литературы гагаузов и особенно произведений, посвященных родине, родному краю.

Привязанность к родному селу на высоком духовном уровне звучит в строках Т. Мариноглу, уроженца с. Авдарма Комратского района:

Авдарма, Авдарма...
Ты — мое состояние души.

Н. Бабоглу воспевает родной Копчак:

Ne gözäl bu küüyümüz
Ne gözäl bu küüyümüz
Hem ne mutlu insannar!
Kırçak var, eer varsak biz
Biz hem bizim uşaklar...²⁵⁷

Как красиво наше село
Как красиво наше село,
И надёжны в нём люди!
Кыпчак будет жить,
Пока есть мы и наши дети...

Его односельчане — простые люди, труженики, которым присущи природная мудрость и нравственная чистота, надежность и отзывчивость. Поэт осознает, что пока в его селе будут такие люди, оно будет жить и процветать. Автора тревожит массовый отток гагаузов в поисках заработка, но его вера в лучшее будущее не угасает.

²⁵⁶ Танасоглу Д. Чал, түркүм ... С. 36.

²⁵⁷ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 18.

Т. Арнаут, поэтесса из Украины, стремится в родное село, чтобы ощутить дух своих предков, побороть грусть и уныние²⁵⁸:

Димитровка,
Моя деревенька,
Родной дом!
Здесь мои корни сильны.
Преклоняюсь перед тобой.
Я приехала к тебе,
Мой черноглазый нареченный
Из этих мест.
Все красоты — из этих узоров.
Дух моих предков —
В земле моего села.
В тебе мои силы.
Преклоняюсь перед тобой.
Если я буду далеко,
Все равно мое сердце с тобой.
Бесконечно люблю.
Если в голосе моем грусть, тоска,
Димитровчанка я, деревенька ты моя,
Родной мой дом.
Здесь мои корни крепки.

Т. Арнаут остро чувствует охранительную (защитную) функцию этничности. Эту защиту она находит в своем родном селе, в котором всё родное и близкое ее сердцу.

Для каждого поэта его родное село — самое красивое. Так, например, у В. Кёр из с. Кубея читаем:

Здесь раскинулась
Красивая моя деревенька.

Красивое село:
Улицы широкие и прямые,
Большие и аккуратные дома,
А вокруг прекрасные места.²⁵⁹

Для А. Ергогло, принадлежащей к молодому поколению гагаузских писателей, родное село Баурчи ассоциируется с ее односельчанками — девушками, которые обладают особой статью²⁶⁰:

²⁵⁸ Булгар С., Димчогло Д. История гагаузов Украины. Одесса: Астропринт, 2017. С. 334.

²⁵⁹ Там же. С. 349.

²⁶⁰ Ergoglio A. Okuyacam seni gözlerindän. Chişinău: Tipografia Centrală, 2013. С. 14.

Baurçunun kızları

Baurçunun kızların
Pek kıvracık boyları,
Üzleri nazlı, incä,
Pek benzeerlär çiçecää

Onnarda ölä gülüş
Sansın bir auç gümüş
Cıngırdêêr-öter seslär,
Kuş çalmasına benzär.

Pelikleri örülü,
Bakışları fit büülü.
Onnar körpä fidancık,
Lafçaazları yalpacık.

Hem onnar nicä yalın
Düşlernä çocukların
Danışêrlar her gecä,
Duruklanıp zeedecä.

Девушки из Баурчи

Баурчинские девушки
Очень статные.
Их норов — в тонких чертах лица.
Они похожи на цветы.

Их смех,
Словно звон монет.
Их голоса звенят,
Как пение птиц.

Волосы их заплетены в косы.
Их взгляд чарующий.
Они похожи на молодые деревца.
И разговаривают они вежливо.

Они, как огонь,
Врываются в сны юношей.
Каждый вечер встречаются
И общаются допоздна.

Поэтесса подчеркивает их физическую красоту — тонкие черты лица, длинные косы, чарующий взгляд — всё, что волнует юношей. Главной чертой характера молодых девушек является природная скромность и вежливость.

В творчестве А. Ергогло есть еще ряд стихотворений о родном селе, посвященных отражению исторического прошлого гагаузов и отношению к труду. Их мы рассмотрим в следующих главах нашего исследования.

Почтительное отношение В. Кёр высказывает к своим односельчанам:

В Кубее я родился, вырос я,
Товарищей и друзей здесь обрел.
От моего села я не отрекся —
Оно в моем сердце!
Добрый день тебе, кубеец!
Твой открытый взгляд ясен.
Селу своему ты каждый день радуйся,
И счастлив будет твой дом²⁶¹.

Это стихотворение содержит некоторые биографические сведения. Например, В. Кёр всю свою жизнь проработал в родном селе учителем: сначала

²⁶¹ Булгар С., Димчогло Д. История гагаузов Украины. Одесса: Астропринт, 2017. С. 348.

русского, затем гагаузского языка. До настоящего времени (2022 г.) он живет в своем родном селе и преподает ряд дисциплин на гагаузском языке.

Е. Ганева — молодая поэтесса (г. р. 1991) воспевает с. Конгаз, в котором она родилась и провела свою юность. Так же, как и другие авторы, она с большим уважением относится к своим односельчанам. Кроме того, как представитель молодого поколения Е. Ганева верит в то, что молодежь Конгаза сильна и умна и способна построить счастливое будущее села:

Kongazlıym

Kısmetliyim, ki küüdä duumam.
Nem adım gider da “kongazlıym”.
Büük-büük kasabalarda durmam,
Таа yakın küüyüm, bak, diil nazlıym.

.....
Yok üünmää aranızda neetim,
Ama akına küü yetişkindir.
Diil kırlarında bu kısmeti,
İi insannan ilk sıra zengindir.

Gençleri kaavi hem akıllı.
Kongazı ep-enindän düzerlär...²⁶²

Я из Конгаза

Я счастлива, что родилась в селе
И меня называют конгазлыжкой.
Я не могу жить в больших городах.
Я не капризна. Мне ближе мое село.

.....
Нет, я не хваюсь,
Это действительно так.
Но оно знаменито не своими полями,
А хорошими людьми.

Молодежь сильна и умна,
Она обновляет свой Конгаз.

В. Бошков, уроженец с. Кубей (ныне с. Червоноармейское, Одесская обл., Украина), создал гимн во славу своего родного села. Характерной чертой всех поэтов, пишущих о родном селе является их стремление показать лучшие черты своих односельчан. В. Бошков не является исключением. Кубейцы у него — веселые, счастливые, горделивые, добрые, гостеприимные, живут в достатке, а кубейские девушки очень красивы:

Кубей²⁶³

В Кубее есть и поля, и долины.
Здесь нет горя.
Приветствую тебя, Кубей!
В Кубее родились писатели.
Весело играет музыкант,
Здесь очень много красивых девушек.
Приветствую тебя, Кубей!
Кубейцы — гордецы,
Но это не плохо.
Кто хороший и добрый,

²⁶² **Ganeva E.** Turnalar. Şiitlar. Kişinev: Grafic Design, 2006. С. 22.

²⁶³ **Бошков В.** Верилмиш атеш. Одесса: Маяк, 2004. С. 7.

Сразу видно!
Счастья тебе, Кубей!
Приветствую тебя, Кубей!
Цель Буджака — излучать свет.
Ты даришь радость каждую минуту
Всем, кто приходит к тебе.
Приветствую тебя, Кубей!
Все удивляются:
Хей, хей! Здесь что, постоянно праздники?
В Кубее люди — одни беи,
И они счастливы!
Приветствую тебя, Кубей!

Преданность родному селу звучит в стихотворении В. Кёр — земляка В. Бошкова:

Пусть живет Кубей много лет!
Я влюблен в это село!
.....
Радуйся ты каждый день своему селу!
И счастлив будет твой дом²⁶⁴.

Как было отмечено во второй главе, В. Кириогло родился в Донецкой области, куда его родители переехали еще в начале 50-х годов прошлого века. Затем он вернулся к себе на родину, в Буджак, и поселился в Комрате. Закончив Комратский государственный университет по специальности «Журналистика», В. Кириогло работал корреспондентом в газете «Единая Гагаузия», где публиковал свои стихи. Одно из своих стихотворений под названием «Мой Комрат» он посвятил столице АТО Гагаузия. Автор назвал свое сочинение песней, так как оно по своему ритму и рифме напоминает знаменитое стихотворение Осипа Мандельштама «Ленинград»:

Я люблю этот город, и как не любить,
Когда он погружается в радугу весь,
Когда душу мою красотой веселит
Храм Ионанна Предтечи под синью небес.

Мой Комрат, мой Комрат.
Я к друзьям, улыбаясь, иду.
Гагаузии солнечный град,
Утопающий в ярком саду.

²⁶⁴ Булгар С., Димчогло Д. История гагаузов Украины ... С. 349.

.....
Я люблю этот город в одежде из роз,
Хоть порой и уехать подальше так рад.
Только там мне становится грустно до слез,
И я с радостью вновь возвращаюсь в Комрат.

Мой Комрат, мой Комрат.
Ветерок носит пух тополей.
Пусть Париж красивей во сто крат
Мой Комрат во сто крат мне милей²⁶⁵.

Сакрализация родной земли

В ходе исследования поэтических текстов нами было установлено, что сакрализация родной земли проявляется у гагаузских поэтов следующим образом:

1. В сравнении родной земли (Буджака) с волшебной сказкой, т. е. с чем-то загадочным и непостижимым.
2. В придании родному краю судьбоносной роли, т. е. Буджак — моя судьба.
3. В восхвалении родины и поклонении ей.
4. В чувстве долга перед родиной.
5. В готовности жертвовать собой во имя родины.

Сравнение родной земли (Буджака) с волшебной сказкой часто встречается у Н. Бабоглу:

Masallı toprak

Sevdim, severim, sevecäm
Bu masallı topraa.
Nändan kalktım da çekettim
Seftä adımnaaa.

Topraamin üzü, rengi
Raatımnan barabar,
Sıklet olup cana geldi,
Oldu, nicä nazar...²⁶⁶

Сказочная земля

Полюбил, люблю и буду любить
Эту сказочную землю,
Где первые шаги я сделал.

Лицо земли, его узоры
Меня заворожили...
Словно глазом
В душу ворвались...

²⁶⁵ Кириогло В. Эхо души. Комрат: Б. и., 2001. С. 5-6.

²⁶⁶ Baboglu N. Uzak yollarım... Chişinău: Pontos, 2009. С. 14.

Поэт восхваляет землю, на которой он родился и в стихотворении “Toprak” («Земля»):

Toprak

Topraam benim
Sänsin hepsi dünnä
masalları gibi...
.....
Erin, topraa kara,
Ama biyaz ekmek ordan
Elbetki bu masal...²⁶⁷

Земля

Земля моя, ты похожа
на сказки мира...
.....
Земля чёрного цвета,
А хлеб твой белый!
Не похоже ли это на сказку?..

Непостижимое волшебство родной земли Н. Бабоглу видит в том, что из черной земли и брошенного в нее зерна рождается такое удивительное чудо, как хлеб. Разумеется, что для того чтобы передать таинственность и загадочность родной земли, автор не останавливается на процессе приготовления хлеба. Он констатирует факт того, что это является чудом. Н. Бабоглу применяет прием цветового контраста: земля черная, а хлеб — белый.

Сказочны и полны таинственности буджакские ночи в стихотворении С. Куроглу:

Yıldızlı gecelär

Ah, Bucaam, ana tarafım,
Yok sendän taa gözäl erlär,
Yıldızı gecelär korafı
Masala mı, gercää mi benzär!
Göklerin kublesi – kär çadır,
Gerili oyandan buyanı,
Saa ol, anı yartın bir hatır —
Açtırdın şu altın sandımı²⁶⁸.

Звездные ночи

Ах, Буджак, родной край!
Нет красивее тебя.
Звездные ночные узоры
Похожи на сказку или быль.
Небесный свод подобный шатру,
Раскинулся вширь.
Спасибо, что ты сделал такое благо —
Открыл этот золотой сундук.

Восхищение ночами Буджака звучит в стихотворении И. Кильчика:

Люблю тебя я, степь, широкий твой простор!
.....
И ночи, приносящие прохладу...
О, как божественно прекрасна
Картина ночи среди степи —
На небосводе светят ясно
Луна и звезд ночных огни²⁶⁹.

²⁶⁷ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 37.

²⁶⁸ Kuroglu S. Canıma baaşlarım. Kişinöv: Grafic Design, 2011. С. 109.

²⁶⁹ Кильчик И. Я – колосок земли Буджакской. Комрат: Б. и., 2001. С. 8.

Для многих Буджак — это судьба. Почитание и любовь Н. Бабоглу к родному краю безмерны и бесконечны. Поэт буквально растворяется в этом поклонении:

Sän ecelim

Düüler ürääm bolu, bolu
Darsık canım sevda dolu
Senin için cet ecelim
Benim topraam, benim Bucaam,
Benim evim...²⁷⁰.

Ты судьба моя

Бьётся сердце сильно, сильно,
А тоскливое сердце любви полно
К тебе — судьбе моей,
Мой Буджак, ты — мой дом

Аналогичные чувства испытывает С. Куроглу. Сходство переживаний обоих поэтов состоит в том, что они оба воспринимают Буджак, как свою судьбу.

Toprak kokusu

Bucaam eveldeki pelin
Düşmüş o güüsundän...
Ne hoş koker topraan senin,
Eni koku sendän!

Запах земли

Мой родной Буджак!
Даже полынь, которая росла здесь давно,
Сейчас исчезает с твоей груди.
Как приятно пахнет твоя земля,
И уже новый запах исходит от нее.

Yıllar, nicä derä suyu,
Durmaz akêr, dadı — acı.
Ana topraa — hep o duygu,
Salt... taa derin, nasıl sancı²⁷¹.

Годы, как воды реки текут.
Остается горечь.
Родная земля!
Только это чувство любви к тебе
Все сильнее, подобно боли.

Мы привели оригинальный текст на гагаузском языке и его смысловой перевод. Следует отметить, что существует еще и профессиональный перевод этого произведения, сделанный талантливой переводчицей Надеждой Кондаковой. Кроме того, очень удачный смысловой перевод принадлежит М. Н. Губогло:

Перевод Н. Кондаковой²⁷²

Время меняет лицо Буджака,
Новое резче в чертах проступает.
Даже полынь, что стояла века,
Ныне с лица Буджака исчезает.

Перевод М. Н. Губогло

Буджак мой древний!
С груди твоей не стелется полынь,
Но завораживает запах прежний,
Как в прошлом всем приятен он.

²⁷⁰ **Baboglu N.** Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 40.

²⁷¹ **Kuroglu S.** Canıma baaşlarım. Kişinöv: Grafic Design, 2011. С. 124

²⁷² **Куроглу С.** Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 11.

Что изменилось и что отцвело
В милом, до боли знакомом пейзаже?
Сердцу с годами в степи тяжело,
Только любовь к ней все та же, все та же...

Чередой идут, бегут года.
Как времена, как по реке вода.
Их ход порой тревожит и горчит,
Но любовь к земле родной
Не угасает и сильнее горит.

Анализируя это стихотворение, М. Н. Губогло обратил пристальное внимание на то, что при переводе на русский язык «произошли потери». По его мнению, в переводе Н. Кондаковой налицо смещение смысла. Если в оригинале, в первую очередь, речь идет о чувствах и переживаниях человека на фоне меняющейся картины Буджакской степи, с груди которой исчезает даже полынь, то в русском переводе на первый план выступают изменения в облике Буджака, т. е. в пространстве, а настроения и чувства лирического героя отступают на второй план²⁷³.

Восхваление родного края звучит в стихотворении, которое так и называется («Осанна»). Для Н. Бабоглу родная земля щедра, плодородна и славится трудом живущих на ней людей:

Osanna

Odalarım boodaya,
Aar başaklı tarlaya.
Besli topraa tarlada²⁷⁴.

Осанна

Ода моя пшенице,
Тяжело налитым колосьям,
Плодородной земле.

Этот же мотив находим у С. Куроглу:

Ekin şafkı

Ne gözäl ekin şafkı,
Hayırlı ekmek sıcaa,
Çok uşaa daalêr angı,
Metedip engin Bucaa²⁷⁵.

Свет от пшеницы

Как красивы свет пшеницы
И благостная теплота хлеба,
Которая распространяется очень далеко,
Восхваляя богатый Буджак.

Кроме того, земля обладает силой и способна накормить людей:

Vakıttan

Bucaan hamur teknesindän
Doyuralım dünneeyi...²⁷⁶

Издавна

Но Буджаку под силу
Накормить весь свет.

Вероятно, названием данного стихотворения («Издавна») автор хотел показать, что гагаузы являются опытными земледельцами, а их земледель-

²⁷³ Губогло М. Н. Сподохи прошлого — блики будущего (автобиографические затеси). Комрат-Кишинэу: Б. и., 2013. С. 153.

²⁷⁴ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 58-59.

²⁷⁵ Kuroglu S. Canımı başlarım. Kişinöv., 2011. С. 116.

²⁷⁶ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 77-78.

ческие традиции уходят в глубь веков. Известно, что земледелие было основным занятием гагаузов еще до их переселения в Буджак. Буджакская земля давала богатые урожаи пшеницы, кукурузы, подсолнечника. Особенно плодоносили яровые сорта пшеницы, которыми славился весь буджакский край. Именно от земли писатели черпают свои силы:

Гагаузский народ,
Мысленно всегда я с тобой.
.....
Душевные силы черпаю у тебя²⁷⁷.

Родная земля дает как физическую силу, так и духовную: «Через созерцание твоего неба и облаков приходит вдохновение, рождаются стихи»²⁷⁸. Эта цитата — отрывок из эссе Г. Каранфил, доктора филологии, тюрколога. Закончив Бакинский государственный университет, она поступила в докторантуру в Азербайджане, вышла замуж за азербайджанца, и адаптировалась к другой культуре, но постоянно испытывала по своей родине ностальгию. Чувство тоски по родному краю актуализировалось в жанре писем, которые были опубликованы в небольшом сборнике вместе со стихотворениями. Письма Г. Каранфил адресованы родине, т. е. Буджаку, Гагаузии. Как правило, значительное место в них занимают увлекательные воспоминания о детстве и юности, размышления о судьбе Гагаузии и гагаузов. Наиболее ярким является воспоминание о бабушке и дедушке. «Узнала ли ты меня, родина?» — вопрошает поэтесса. Первый Всемирный конгресс гагаузов, который состоялся в 2006 г., произвел на нее неизгладимое впечатление. Гагаузская земля объединила всех гагаузов, независимо от места их проживания. Автора не может не радовать то единение, которое проявили гагаузы на данном форуме. Она называет Гагауз-Ери — большим деревом: «Мы прибыли к большому дереву, и каждый поливает его... Ветви его еще белые, но покрыты зелеными побегами... Это дерево заново зеленеет, возрождаясь... Везде, где бы мы ни были, ты (родина) в наших сердцах. Все мы выражаем тебе любовь, мы любим тебя»²⁷⁹. В другом письме читаем: «У тебя, родина, всё по-особому — более тепло, душевно. Ты — единственная, Ты — колыбель»²⁸⁰.

О целительной силе родной земли стихотворение М. Мержанки:

Если родина Буджак,
Но зовет страна другая,
Ты полынь вложи в рюкзак —
Не забудешь запах края.

²⁷⁷ Baboğlu N. Güz çiçekleri: Seçmə şiirlər. Chişinău: Pontos, 2003. С. 10.

²⁷⁸ Karanfil G. Selâm getirdim (şiirlar, mektuplar). Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2012. С. 16.

²⁷⁹ Там же. С. 21.

²⁸⁰ Там же. С. 23.

Глубже запахи вдыхая,
Не забудешь милый край.
Горький привкус от цветка —
Панацея степняка²⁸¹.

Тот же мотив звучит в стихотворениях Г. Каранфил и Т. Арнаут:

Твоя земля, вода, воздух
Дают мне силы каждое мгновенье²⁸².
В тебе моя сила.
Преклоняюсь пред тобой²⁸³.

Глубокое чувство благодарности к родному краю испытывает поэтесса В. Бужилова в стихотворении «Родной мой край»:

Благодарю тебя, моя земля.
Я черпаю свои силы в тебе,
Подобно маленькому саженцу,
Я ожила с твоей помощью.

В Буджаке Курчу — моя земля,
Я счастлива, потому что ты счастлива.
Я живу твоими надеждами.
Насыщаюсь только твоим хлебом.

Я обняла родную землю,
Преклонилась перед ней.
Заключу-ка я тебя в объятия...²⁸⁴

Ещё одно стихотворение В. Бужиловой — «Родной земле» — буквально каждой строкой пропитано любовью к буджакской земле, ее природе и живущим на ней людям.

Живописен край мой ненаглядный!
Озеро моё — живой этюд,
Буджака бессмертное преданье,
Озеро Ялпуг, ты мой уют.

Позабыла все заботы мира
Посреди блаженнейшей тиши,
И звучит степей святая лира
Нежными аккордами души.

²⁸¹ Mercanka M. Baht nazı. Кишинёв: Б. и., 2008. С. 4.

²⁸² Kfranfil G. Selâm getirdim (şiiirlar, mektuplar). Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2012. С. 9.

²⁸³ Булгар С., Димчогло Д. История гагаузов Украины ... С. 334.

²⁸⁴ Там же. С. 351-352.

Пусть ветра тебя не потревожат,
Стужи пусть тебя не леденят,
Красоты твоей пусть не нарушат
Жгучий зной и беспощадный град.

Лучшая из всех земель на свете!
Тыохранишь детей своих покой.
Тополей тенистою прохладой,
Покоряешь неба синевой.

И, вдыхая аромат акаций,
Я с благоговением ловлю
Первый луч рассвета в отраженьи
Перламутра утренней росы.

Не мыслит своей жизни без родного края М. Кёся:

Родная земля — в сердце моем,
Солнце танцует над моей головой,
С родною землею мы пляшем, поем,
Без нее безголосый я, как неживой.

Родная земля мне — как воздух родной,
Жить и дышать с ней легко и вольготно,
Не знаю, как ей без меня одной,
Мне жить без нее — смерти подобно!

.....

И далее автор, так же, как и его собратья по перу, говорит о своей судьбе — жить на своей родной земле и служить ей:

На материнской земле утверджен,
Я ею рожден, для нее рожден²⁸⁵.

Привязан к родному Буджаку поэт гагаузского происхождения из Украины В. Бошков:

Нам без тебя не жить,
Тебе без нас не жить.
В темном небе есть одна звезда,
И эта звезда — ты, моя Родина.
(«Ватан»)

²⁸⁵ Антология гагаузской поэзии. Комрат: Б.и., 2010. С. 41-42.

Самым ярким индикатором сакрализации родного края является провозглашение готовности принести себя в жертву.

Чувством признательности проникнуты строки Н. Бабоглу, в которых автор говорит о неоплатном долге перед своей родиной:

Borçluyum sana	Я в долгу перед тобой
Borçluyum sana —	Я в долгу перед тобой
Öz topraam ana ²⁸⁶ .	Ты, мать моя, родная земля!

Его чувство к родной земле не угасает. Поэт готов жертвовать собой во имя родного края — Буджак:

Бьётся сердце сильно, сильно.
А тоскливое сердце любви полно
К тебе — судьбе моей,
Мой Буджак, ты мой дом!
.....
Моя земля, мой Буджак, моя судьба!
Стать бы свечой на твоём столе,
Светить бы тебе всегда²⁸⁷.

Н. Бабоглу, так же, как и С. Куроглу, можно назвать певцом Буджака. Не случайно стихотворения обоих поэтов вошли в школьную программу. В процессе работы нам неоднократно приходилось обращаться к хрестоматии по гагаузской литературе. Так, составители хрестоматии для 10–11 классов привели комментарии Николая Бабоглу к этому стихотворению: «Я много писал о своем селе того, что видел и наблюдал сам и что слышал от старших. Сожалею только о том, что писал меньше, чем мог бы. Но одно успокаивает мою душу: все, что я писал, исходило от сердца»²⁸⁸.

Жертвенность звучит и в поэзии С. С. Куроглу:

Если спросят, что в мире подлунном
Я святее всего берегу,
Без сомненья — «Буджак мой полынный», —
Я и другу скажу, и врагу
(Ни на йоту в тот час не солгу).
(«Слово о Буджаке», «Родословное древо»)

²⁸⁶ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 38.

²⁸⁷ Там же. С. 40.

²⁸⁸ Gagauz literaturası. Hrestomatiya X–XI-ci klaslar için. Kişinöv, 2002. С. 237.

Аналогичное чувство поэт раскрывает в другом произведении:

Bucaam

Bucaam, seni seçip-seçip
Sevdik biz eveldän,
Senin için, senin için
Kurban olarım bän²⁸⁹.

Мой Буджак

Мой Буджак, мы полюбили тебя
Очень давно.
Ради тебя я готов
Пожертвовать собой.

С почтительным уважением относится к своей родине поэтесса А. Ергогло. Строки, в которых звучит готовность пожертвовать собой, адресованы родному её селу Баурчи:

Sana küüyüm, paalı Baurçum!

İliltmää isteerim başımı,
Küüyüm, senin büün yaşını
Kutlêêr, yaşêêr kim burda,
Nem kim kayet pek uzakta.

Sana, küüyüm, güllär açêr!
Sana canım benim yanêr!
Nem içimdä ne var borcum
Sana vererim, Baurçum!²⁹⁰

Тебе, мои дорогие Баурчи!

Хочу поклониться твоим годам, мое село.
Поклониться тем,
Кто здесь живет,
И тем, кто находится далеко.

Для тебя, мое село, расцветают розы,
Сердце мое бьется для тебя.
И все, что я должна,
Я отдаю тебе, мои Баурчи.

Священной называет гагаузскую землю В. Кириогло:

Да будет священна земля наших предков,
Когда-то свободу нашедших на ней.
Семьею единой, надежной и крепкой,
Поможем ей стать мы добрей и сильней²⁹¹.

Гагаузия

Название «Гагаузия» впервые встречаем в труде В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда»: «Центром всех гагаузских колоний нужно считать Комрат — большое торговое село с 10 тысячами жителей, которое здешние русские в шутку называют „столицей Гагаузии“, точно так же, как центром болгарских колоний является заштатный город Болград, Измаильского уезда...»²⁹²

Вероятно, В. А. Мошков, хорошо зная фольклор, обычаи и нравы гагаузов и учитывая то обстоятельство, что их основная часть проживала в районе

²⁸⁹ **Kuroglu S.** Canımı başlarım ... С. 100.

²⁹⁰ **Ergoglo A.** Okuyacam seni gözlerindän. Chişinău: Tipografia Centrală, 2013. С. 7-8.

²⁹¹ **Кириогло В.** Эхо души. Комрат, 2001. С. 21.

²⁹² **Мошков В. А.** Гагаузы Бендерского уезда (переиздание трудов В. А. Мошкова), Кишинев: Tipografia Centrală, 2004. С. 11-12.

Комрата, а меньшая часть — в нынешней Одесской области Украины, сделал для себя вывод, что гагаузы и болгары, несмотря на полное сходство в сфере традиционно-бытовой культуры, отличаются друг от друга настолько, что их можно считать разными этническими общностями.

Наряду с топонимом «Буджак», в некоторых стихотворениях встречается политоним «Гагаузия». Большая часть поэтических произведений посвящена именно Автономно-территориальному образованию Гагауз Ери (Гагаузия), основанному 23 декабря 1994 г.

Стихотворение В.-Д. Караганчу «Мой родной край — Гагауз-Ери»²⁹³ фактически состоит из четырёх смысловых частей. Первая часть описывает людей, населяющих автономию. Они веселы, достойны уважения, т. к. делают добрые дела:

Красивые люди, поколения молодые,
Аккуратные обустроенные сёла, города.
Людей добрые дела,
Смех и улыбки. Всё это тебя красит.
Родной мой край — Гагауз-Ери.

В этих строках содержится автостереотипы: гагаузы аккуратные, добрые, веселые.

Во второй части воспеваются их творческие способности, творческий потенциал и труд:

Певца-исполнителя — песни,
Танцора — танцы,
Художника — картины,
Писателя — книги —
Вот всё это красит тебя,
Родной мой край — Гагауз-Ери.

Еще со второй половины XX в., в период этнокультурного подъема, были созданы творческие коллективы (песенные и танцевальные), появились первые гагаузские писатели, художники. В настоящее время культура гагаузов продолжает развиваться.

В третьей части говорится о плодородии родного края и об основном занятии народа — земледелии:

Подсолнечника цветы,
Пшеницы колосья,
Утренней росы бусинки,
Золото кукурузных полей —
Родной мой край — Гагауз-Ери.

²⁹³ Karagançu V.-D. Sizi yazdım kalbimä. Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2010. С. 12-13.

Четвертая, самая большая по объему часть, посвящена природе Гагауз-Ери и насыщена маркерами буджакской степи — особенностями флоры (липа, тополь, виноград, орех) и фауны (пение жаворонка и клекот журавлей и т. п.), указание на религиозную идентичность:

Синее небо и зеленая земля,
Липа и высокий тополь,
Плоды садов,
Виноградника сладкие ягоды —
Родной мой край — Гагауз-Ери.

Соловьиная трель,
Жаворонка пение,
Клекот журавлей,
Щелканье скворцов —
Родной мой край — Гагауз-Ери.

Орех на обочине дороги,
Усталый путник в его тени,
Утренние зори,
Церковный благовест —
Родной мой край — Гагауз-Ери.

Признаваясь в любви к Гагаузии, житель Тирасполя И. Кильчик применяет такие ключевые слова, как: сады, поля, золотые нивы²⁹⁴:

Люблю тебя я, степь, широкий твой простор,
Уснувших вод зеркальные равнины,
Одетый лёгкой дымкою тумана небосклон,
Луга твои, поля и золотые нивы.

(«О, степь Буджакская»)

Неотъемлемой частью буджакского ландшафта являются курганы — свидетели событий прошлого:

Твои высокие курганы
И пыль, летящую столбом,
Твоих ковров живой узор...

Перекликается со стихами В.-Д. Караганчу и описания флоры и фауны:

Вдали табун коней пасется,
И коршун в вышине кружит,
Трель жаворонка раздаётся...

(«О, степь Буджакская»)

²⁹⁴ **Кильчик И. Я** — колосок земли Буджакской (стихи, рассказы и поэмы). Комрат: Б. и., 2001. С. 8.

Или:

Пылится под ногами
Родная степь моя,
Я убегаю в дали,
Где свечи-тополя.

Туда, где виноградник
И яблоневый сад,
Где древние курганы,
Как острова стоят²⁹⁵.

(«Родная степь моя»)

У представителей творческой интеллигенции никогда не иссякала надежда на то, что гагаузы обязательно обретут автономию как форму государственности. С большим энтузиазмом писатели и общественность восприняли социально-политические трансформации, которые в то время назывались перестройкой. Эти благоприятные перемены выражаются в одном из стихотворений Н. Бабоглу словами «свежий ветер подул»:

Üç gün

Taa bir sıra tanıdım
Taa bir sıra annadım,
Ki biz diiliz varlıksız —
Gökümüz dolu yıldız...
.....
Esti eni lüzgär
Açıldı bizim göklär.
.....
Güldü umut enilää —
Halkıma ölümsüzlää²⁹⁶.

Три дня

Ещё раз я узнал и понял,
Что мы не бедны,
И небо звёздами усыпано...
.....
Повеял новый (свежий) ветер,
Небо прояснилось.
.....
Надежда в бессмертие
У народа улыбнулась.

Поэт уверен, что наступившие перемены приведут к лучшей жизни. Эти изменения являются благоприятными для гагаузов, т. к. они теперь смогут заявить о себе:

Dan yeri pembelendi,
Eni vakitlar geldi.
Geldi bizim zamannar,
Uyanın, gagauzlar!

Заря окрасила землю,
Пришли новые времена
Пришло время проснуться,
Пробудитесь, гагаузы!²⁹⁷

²⁹⁵ **Кыльчик И.** Я – колосок земли Буджакской ... С. 14.

²⁹⁶ **Baboglu N.** Uzak yollarım... Seçmä yaratmalar. Chişinău: Pontos, 2009. С. 44.

²⁹⁷ **Baboglu N.** Uzak yollarım ... С. 8.

Нам удалось установить, что большинство стихотворений проникнуты надеждой на светлое будущее, глубоким оптимизмом и энтузиазмом. Поздравляя Гагаузию с юбилеем, Н. Бабоглу не сомневается, что гагаузы будут процветать и обязательно сохранятся как народ:

Gagauziya

Kutlêêriz yaşını
Bizimcä, eskiycä
Yıslêêriz başını...
Mutlu ol, saasem ol.
Önüdü açılısın
Geniş hem açık yol.
Tarla hep eşersin,
Halkımız becersin
Zorları ensemää
Kolayda sevinmää,
İiliktä şennenmää
Gagauzlar bilsin.
Sän geldin dünneya
Binyıllın başında,
Bu gündä Devletim
Oldu 10 yaşında.
.....
Ne mutlu canına,
Kim seni kutlaycäk
Bininci yaşında!!!
Gagauziya, Gagauziya,
Bin yıllar sana!
Hem taa, hem taa
Okadar çok yıllar,
Nekadar göklerde
Güneşin var sıcaa²⁹⁸.

Гагаузия

Мы справляем твой день рожденья,
По-нашему, по-старому...
Будь жива и здорова, будь счастлива,
Пусть впереди открытым будет
Широкий путь.
Поля пусть зеленеют,
Народ наш пусть умеет
Трудности побеждать,
Легким дням радоваться,
В благоденствии веселиться —
Пусть это все гагаузы знают!
Ты пришла в этот мир
В преддверии нового тысячелетия,
В этот день моему государству
Исполнилось 10 лет.
.....
Будет счастлив тот,
Кто поздравит тебя
В твою тысячулетнюю годовщину!!!
Гагаузия, Гагаузия,
Живи тысячи лет!
И еще, и еще
Столько лет,
Сколько в небе
Есть солнечный свет.

В этом небольшом стихотворении автор упоминает о таких составляющих этнической культуры, как религия, народные танцы, а также о символе гагаузской государственности — флаге²⁹⁹:

Dökülsün da dolsun
Şaraplan filcannar,
Yortuya çekilsin

Пусть наполнятся вином бокалы,
Пусть колокола в церквях
Зовут на праздник,

²⁹⁸ **Baboglu N.** Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 7-8.

²⁹⁹ **Там же.** С.7-8.

Kliselerdä çannar.
İşidip bilsinnär
Kim taa bilmedi,
Ki var hem yaşêr
Gagauz Devleti.
Yaşêr, yaşaycek
Çok yıllar, çok asir
Gagauzluun bayraa,
Gagauz milleti...

И пусть те, кто не знал,
Услышат и узнают,
Что есть и живо
Гагаузское государство.
Живет и будет жить
Много лет и много веков
Гагаузский флаг,
Гагаузская национальность...

Автора очень волнует проблема сохранения гагаузами идентичности. В этой связи он говорит о своем жизненном кредо, о трех главных вещах в своей жизни: в юности это невеста гагаузка, гагаузский народ и творчество на гагаузском языке, а в зрелости — жена гагаузка, гагаузский народ и творчество на гагаузском языке. По мнению поэта, это то, что остается навечно даже после смерти человека, это те, кого любили, те, кого воспевали в своем творчестве и само творчество:

Üç iş, üç adım

Nekadar gözüm açık
Yok bana başka raatlık
Üç işsiz, üç adımsız
Yaşamam kof onnarsız:
Gagauzka gelinim,
Gagauz halkım benim,
Gagauzça yaratmam —
Salt onnarlan yaşamam!
Yol bana göstericim,
Karnımı besleyicim,
Ömürümdä ilk eşim —
Gagauzka gelinim...
O ilk peetim şiirimdä
Uykum gecelerimdä.
Saçları kara-bulut
Gözleri-dolu umut —
Su içäsin üzündän,
O ilk erdä canımda...
Sora geler yaratmam,
Sora halkım yaşamam!
Geçtikçe, geçer yıllar
Geçeriz biz-insannar,

Три вещи, три шага

Сколько я живу,
Покоя не найду
Без трёх вещей, без трёх шагов.
Без них пуста моя жизнь:
Гагаузка — моя невеста,
Народ мой — гагаузский,
Творчество — на гагаузском.
Только ими я живу!
Мой путевой указатель,
Кормилица моя!
В судьбе моей первая половинка —
Гагаузка жена...
Она — первая строфа в моем стихе,
Сладкий сон моих ночей.
Ее волосы — черное облако,
А глаза полны надежд,
Смотреть на нее могу бесконечно,
Она на первом месте в душе у меня.
Затем — мое творчество,
Народ — моя жизнь!
Проходя, проходят годы,
Проходим мы — люди,

Sel hepsini alacak,
Sade onnar kalacak,
Ne sevdik, ne yarattık,
Nasıl gözäl yaşadık!³⁰⁰

Всех когда-то унесет с собой поток,
Только это останется:
Что любили, что творили,
Как красиво жили!

Для Г. Недова Гагаузия — родная земля с древней историей предков, гостеприимная и нежная:

Гагаузия древняя, бытийная —
История в улицах застрявшая.
Из глаз течет слеза —
Старина родная — растерялась.

Гагаузия, мало кому известная —
Скатерть хлебосольная — гостеприимная.
Из души струится нежность —
Сыновья заблудшие возвращаются.

Возвращение к своим истокам поэт видит в возрождении веры. Только глубокая вера в Бога может привести к процветанию Гагаузии: «Гагаузия мало кому известна, но ее знает и охраняет Бог». Вероятно, автор говорит о роли христианства, которое является одним из важнейших признаков гагаузской этнической общности:

Гагаузия, Богу хорошо известная —
Молитвы Христовы вспоминаются.
В теле сила разливается —
Будущность Гагаузии укрепляется³⁰¹.

Стихотворение транслирует оптимистический настрой и веру в светлое будущее автономии.

Прославление Гагаузии встречается и в произведениях молодых поэтов. Для Е. Ганевой Гагаузия «стоит величаво»³⁰², а земля гагаузская — плодородна, народ — трудолюбив. Самое главное состоит в том, что народ не утратил свой язык. Именно он, по мнению автора, относится к непреходящими ценностям, которые сохраняются и передаются последующим поколениям:

Gagauziya

Moldovanın üülen tarafında
Kalkık güüdäylän sän durêrsın,

Гагаузия

На юге Молдовы
Стоишь ты величаво,

³⁰⁰ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinău: Pontos, 2003. С. 78-79.

³⁰¹ Недов Г. Белые голуби над степью. Стихи и рассказы о гагаузах и их соседях. Эссе. Кишинев: Muzeum, 1999. С. 4.

³⁰² Ganeva E. Turnalar. Şiirlär, Kişinev: Grafic Design, 2006. С. 17.

Ayoz ana lafrarında
Gözäl Bucaam, sän lafedersin.

Senin, Bucaam, var çok pek kıymetliin
Kabar kendi sedeflerinnän!
Senin topraan, Bucak, pek kısmetli:
Taşer meyya üzümnerinnän.

Красивый мой Буджак.
Ты говоришь на своем языке.

У тебя, Буджак,
Есть много ценностей, подобных жемчугу.
Твоя земля, Буджак, счастливая,
Потому что она плодородна.

В этом стихотворении содержится установка на то, что надо усердно трудиться, чтобы Гагаузия достигла значимых успехов. Именно это принесет известность всему народу Гагаузии.

Gagauziya

Sän, Gagauziya, kalkın,
Kalkın, büü, Gagauz Yeri!
Büüsün senin işçi halkın,

Çetinnensin sinirlerin!

Bizdä umut var, ani bir vakıt
Gün duusundan batisınadan
Büüyär Bucak da bekim çok vakıt
Olar önder başı ölä da.

Гагаузия

Ты, Гагаузия, развивайся,
Процветай, Гагауз-Ери!
Пусть процветает твой
трудолюбивый народ
И не ожесточается.

Мы верим, что когда-нибудь
От востока до запада
Будет известен Буджак,
Даже если пройдет много времени!

В стихотворении «Гагаузские голоса» Е. Ганева призывает гагаузов гордиться своей этнической принадлежностью:

Gagauz sesi

Sän Gagauziyada duuduysän,
Çayırlarda eşil hem düz,
Bucaan kırlarında büüdüysän,
Kabar, ki sän da gagauz.

Гагаузский голос

Если ты родился в Гагаузии
На зеленых и ровных полях,
Если ты вырос на буджакских просторах,
Гордись, что ты гагауз!

Поэтесса считает, что каждый должен работать на благо Гагаузии:

Bucaan daalarına vardıysan,
Var neredä gözäl bir sus,
Insannara iilik yaptıysan,
Sevin, ki sän da gagauz!

Если ты дошел до буджакских лесов,
Помолчи и послушай!
Если ты людям делал добро,
Радуйся, что ты гагауз.

Başka küüdä da bulanarsan,
Oyna hem çal, yarat, sevin!
Gözäl pek cal, da sän çalarsan,
Bütün dünnä ko işitsin³⁰³.

Если ты побывал в другом селе,
Танцуй, пой, радуйся, твори.
Пой так, чтобы тебя
Весь мир услышал.

³⁰³ **Ganeva E.** Turnalar ... С. 45.

Она обращается также к людям творческого труда и призывает отдать все свои силы ради процветания родной земли. Молодая поэтесса осознает, что интеллектуальная, творческая элита выполняет важную функцию в развитии и сохранении этнической идентичности гагаузов, а значит и в успешном развитии гагаузской автономии:

Sedeflerin senin da varsa, Kulturayı sän zeedelet! Gözäl turkü, maani yazarsan, Bucaa sän her zaman metet!	Если у тебя есть талант, Сделай свой вклад в культуру. Если ты пишешь стихи, мани, Восхваляй в них всегда Буджак.
---	--

Gözäl bir resimci olarsan, İşlä sän çok, döküncä ter! Bucak için resim yaparsan, Bucaan renklerini göster!	Если ты художник, Работай много, до седьмого пота. Если ты пишешь картины, Покажи его (Буджака) многоцветье.
---	---

Bu gagauz sesi çaararsa, Yarat hem çal gecä gündüz! Ana Topraan çiçek açarsa, Kabar, ki sän da gagauz!	Если позовет голос гагауза, Твори, пой днем и ночью. Если твоя земля цветком расцветет, Гордись, что ты гагауз.
---	--

Настоящим гимном, посвященным Гагаузии, является стихотворение комратского поэта В. Кириогло, который пишет исключительно на русском языке. Основным рефреном в нем выступает образ свободного края, получившего свою государственность:

Пусть в мирное небо, как птица, все выше
Взметнется родной Гагаузии флаг.
Он соткан из воли, труда, и в нем дышит
Свобода, как ветер в Буджакских степях.

Свободнее стал ты, народ гагаузский,
Оденься во славу, как утро — в зарю.
И коль ты живешь здесь, трудом и искусством
Двигай к прогрессу Отчизну свою.

.....

Пусть нивы зерном наливным колосятся,
Сквозь трудности флаг свой народ пронесет,
Родимых глаза пусть от счастья искрятся,
И край гагаузский, как сад расцветет!¹³⁰⁴

³⁰⁴ Кириогло В. Эхо души. Комрат: Б. и., 2001. С. 21.

В приведенном отрывке автор акцентирует внимание на достижениях гагаузов не только в сфере физического труда, но и в творчестве. Именно это, по мнению В. Кириогло, приведет народ к процветанию. Таким образом поэт указывает на несомненную роль культуры в процессе цивилизационного развития.

**Отражение региональной идентичности
в произведениях писателей Республики Молдова
болгарского и украинского происхождения**

Буджак в творчестве поэтов болгарского происхождения

Как показало наше исследование, болгарские поэты Молдовы и Украины, как и поэты гагаузского происхождения, с большим уважением и любовью относятся к своей малой Родине — Буджаку.

Искреннее восхищение природой родного края звучит почти в каждом стихотворении. Поэты часто упоминают ландшафтные особенности Буджака: нивы, овраги, виноградники и долины:

Край ти мой небесносин,
Ниви и дъбрави,
На любов неукротим,
На тъга и вяра!
Тиха нощ, е лятна —
Спи буджашката земя,
Спят нивата, спят лозята,
Спят баири, долини,
Спи рекичката далече...

(Д. Пейчев, «Нощем в Буджака»)³⁰⁵

Край ты мой небесно-синий,
Нивы и дубравы,
Ты в любви неукротим,
В вере и в печали.
В тихую летнюю ночь
Спит буджакская земля,
Спят нивы и виноградники,
Спят овраги и долины,
Спит речка вдалеке...

Буджак всегда ассоциируется с родным домом, родителями, близкими и родными людьми:

Там, вечно чакащи, и майка, и баща —
Във вечна работа потънали селяне.

Там вечно ждущие тебя и мама, и отец,
занятые постоянным трудом
крестьяне.

(М. Бъчваров, «Омързал ми
е този градски шум»)³⁰⁶

Однако в восприятии Буджака болгарскими и гагаузскими писателями Молдовы и Украины есть одна отличительная черта, которая заключается

³⁰⁵ Бесарабски изгрев. Поезия. Одеса: Маяк, 2004. С. 60.

³⁰⁶ Там же. С. 29.

в том, что поэты болгарского происхождения всегда обращаются к своей исторической родине — Болгарии. Для Г. Барбарова Болгария «великая» и одновременно «маленькая» и очень далекая, но горячо любимая сторона, куда постоянно стремится его сердце:

Велика и малка, моя и недостъпна
Държава на толкова скитници,
БЪЛГАРИЙО,
Не в твоите небеса искам да летя,
не в твоите треви искам да газя,
а сън спокоен да заслужи в земята ти.

И върху камък,
Оплакан от прядядовците,
Името да си оставя.
И да ти се присъня!

(Г. Барбаров, «Молба»)³⁰⁷

Судя по содержанию ряда произведений, можно констатировать, что «устойчивым мотивом, проходящим красной нитью через всё творчество болгарских поэтов является тема двух родин — большой (Болгарии) и малой (Буджака). Мысли и чаяния поэтов буквально раздваиваются между двумя странами, двумя домами»³⁰⁸.

Наиболее рельефно это отражено у поэтессы из Украины А. Костовой-Терзивец в стихотворении «Две люлки, две родины ми люлеят» («Две колыбели, две родины меня качают»)³⁰⁹:

Две люлки, две родины ме люлеят...

.....

Украйна! България!

На кръстопътя те са две пътеки,
две думи, две родини, две утехи —
една е съдба, другата — мечта,
а любовта към двете е една!

Две колыбели, две родины меня качают...

.....

Украина! Болгария!

На перекрестке они — две дорожки,
два слова, две родины, два утешения —
одна судьба, другая мечта,
а любовь к обеим одна.

Аналогичные мотивы содержит поэзия Н. Стоянова.

³⁰⁷ Бесарабски изгрев. Поезия. Одеса: Маяк, 2004. С. 40.

³⁰⁸ **Никогло Д. Е.** Восприятие Буджака в творчестве болгарских и гагаузских поэтов // Курсом развивающейся Молдовы. Т.10. Москва: Старый сад, 2010.

³⁰⁹ Бесарабски изгрев ... С. 68.

Тот же мотив находим в одном из произведений Н. Стоянова «Нечакан път» («Нежданная дорога»):

Влаковете бързат все нататък —
Ехото на моите деди
Носят от Балкана към Буджака.
А над мен — високите звезди...³¹⁰

Поезда спешат издалека —
и доносят эхо моих дедов —
От Балкан до Буджака,
А надо мной — высокие звезды...

Мотив двух родин звучит также в стихотворении «Нашият химн», посвященном болгарскому Апостолу свободы В. Левски³¹¹:

И тачим ние неговото име —
То идва от бунтовни времена
И с него от Буджака пак вървиме
Към вечно млада Стара Планина.

И произносим его имя —
Оно идет от бунтарских времен
И с ним от Буджака снова движемся
К вечно молодой Старой Планине.

Сложная историческая судьба не стала препятствием для сохранения болгарской идентичности на новом месте:

Напуснал свидните Балкани
Не за да търси лек живот,
А българин да си остане,
И да опази своя род.

Покинул родные Балканы
Не для поиска легкой жизни,
А чтобы остаться болгаринoм
И сохранить свой род.

(Н. Стоянов, «Моят род»)

Т. Танасова-Тодорова связывает Балканы и Буджак, вводя в содержание своих стихотворений предводителя протоболгар хана Аспаруха:

Оттук е тръгнал Аспарух,
От Онгъла и към Балкана.
Оттук. Свидетел е Ялпуг ...

Отсюда шел Аспарух,
От Онгъла(Буджака) и до Балкан.
Отсюда. Свидетель тому — Ялпуг...

.....

.....

Оттук е тръгнал Аспарух,
Пак стъпките му дъжд измива.
Но жив е неговия дух —
Той в нашите сърца попива.

Отсюда пошел Аспарух,
Его следы дожди смывали.
Но жив его дух —
Он проникает в наши сердца.

(Т. Танасова-Тодорова,
«От Онгъла»)³¹²

³¹⁰ Съвременна българска поезия от Бесарабия и Таврия. Антология. Критически прочити. Одеса: Друк, 2006. С. 25.

³¹¹ Бесарабски изгрев. Поезия. Одеса: Маяк, 2004. С. 20.

³¹² Там же. С. 42.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что у представителей болгарской интеллигенции Республики Молдова, в частности писателей болгарского происхождения, наблюдается наличие диаспорального сознания.

У гагаузов такое сознание отсутствует. Доказательством тому служит тот факт, что в творчестве гагаузских писателей практически отсутствует обращение к Болгарии, которая является их исторической родиной, т. к. именно там произошло формирование гагаузской этнической общности. Существуют всего два стихотворения С. Куроглу, посвященные Балканам. Однако в них нет никаких мотивов, свидетельствующих о восприятии их как родины, как материнского государства. Единственной горячо любимой и дорогой землей, ради которой стоит идти на жертвы, является Буджак.

Восприятие большой и малой родины украинскими поэтами Молдовы

Поэты украинского происхождения посвящают свои стихи Молдове, которую считают своей родиной и прониклись к ней самыми искренними и глубокими чувствами. Но все они считают своей исторической родиной Украину, которая в их творчестве выступает как большая Родина. Подобно поэтам болгарского происхождения, украинские поэты Молдовы с особым трепетом относятся к Украине:

Я іду додому, в мій край зозулиний,
Где небо-волюшка, стежина в поля.
О землі подільська, затишку родиний,
Ти надійна і вірна навіки земля.

(С. Лозінська, «Додому»)

Душа автора словно раздваивается. Ему одинаково дороги обе родины — и Украина, и Молдова:

Я іду до дому, а хто його знає,
Где нині той дім, где мій зоряний сад,
Услід мені довго Молдова зтіхає,
Питає, коли повернуся назад.

Я — гостя Подділья. День-два і... прощання,
В Молдову я їду, давно тут живу.
А вслід мені сум, України вітання,
Серце жалем стискає у сні й наяву.

(С. Лозінська, «Додому»)³¹³

³¹³ Попович К. Нариси українського фольклору та художньої літератури Молдови. Кишинів: Business-Elita, 2007. С. 371.

Такое же чувство описывает и Оксана Медведенко:

Приїду в Україну додому,
І чую я спів солов'їв,
А думка летит в Молдову
До серцю милих країв.

(О. Медведенко, «Приїду в Україну додому»)³¹⁴

Украина и Молдова для Ю. Дьячука — две сестры, связанные кровными узами. И эту связь обеспечивает Днестр:

Україна та Молдова —
Дві сестри одноі річки.
Крізь віки прнесли слово,
Не задули дружбы свічки³¹⁵.

Готовность пожертвовать собой ради большой Родины нередко встречается в поэзии украинцев Молдовы:

Чарівна ти моя Україно!
Я віддам свою нижність життя,
Ти для мене на світі єдина
Поверни ти дітей з забуття.

(О. Медведенко, «Дорога»)³¹⁶

Наиболее часто в поэзии украинских писателей встречается тема ностальгии по большой родине:

Ненька Україна чекає и благає:
«Повертайтеся, діти, до рідних святинь».
Мов птахів на весну до гнізда скликає.
Бо ж немає в світі інших Україн.

(И. Кравчук, «Додому»)³¹⁷

Таким образом, в поэзии болгар и украинцев Республики Молдова, посвященной родине, родной земле, очень четко проявляется диаспоральное сознание, в то время как у гагаузов оно отсутствует. Единственной родиной для них выступает Буджак, а значит и Республика Молдова, неотъемлемой частью которой является АТО Гагаузия.

³¹⁴ Попович К. Нариси українського фольклору ... С. 414.

³¹⁵ Там же. С. 451.

³¹⁶ Там же. С. 414-415.

³¹⁷ Там же. С. 398.

§ 2. Восприятие родного языка в художественной литературе

Общеизвестно, что согласно данным ЮНЕСКО, гагаузский язык входит в число тех языков, над которыми нависла угроза исчезновения. Однако ситуация не настолько безнадежна.

Существенные изменения к лучшему налицо. За последние 15 лет гагаузский язык постепенно расширяет сферу своего функционирования. Возможно, этот процесс протекает не так динамично, но, тем не менее, результаты довольно весомые. В Комратском государственном университете кафедра гагаузского языка и литературы готовит специалистов по родному языку, которые преподают его в школах и лицеях. На гагаузском языке читается дисциплина «История, традиции и культура гагаузов». В последнее время на различных форумах — научных, научно-практических конференциях и особенно на Всемирных конгрессах гагаузов — большинство докладов звучит на родном языке. Например, на научно-практической конференции, посвященной 15-летней годовщине АТО Гагаузия, из 15-ти зачитанных докладов 11 было представлено на гагаузском языке. С 2010 г. в ряде детских садов Гагаузии (д/с №1 с. Конгаз, д/с №9 г. Комрат) создано несколько экспериментальных групп, в которых занятия и общение проходят на родном языке. Кроме того, в этих группах в обязательном порядке дети изучают и государственный язык. Довольно успешно по всей Гагаузии работают теле- и радиоканалы на гагаузском языке, в эфир выходят мультфильмы с озвучиванием на гагаузском языке (например, «Каникулы в Простоквашино»). С прессой дело обстоит несколько иначе, но и в этой сфере наблюдаются позитивные изменения: продолжают выходить в свет газета Т. Занета “Ana Sözü”, научно-популярный журнал “Sabaá yıldızı”. Куррикулумы и программы по гагаузскому языку, литературе и ряду других дисциплин в лицеях и гимназиях также издаются на гагаузском языке. В последнее время Научно-исследовательский центр Гагаузии издает различные отраслевые словари по физическому, музыкальному воспитанию, по изобразительному искусству и т. п.

Обозначенные выше позитивные перемены, связанные с развитием и функционированием гагаузского языка, свидетельствуют о том, что процесс его исчезновения удалось притормозить, но отнюдь не остановить. Ситуация не критическая, но со временем может стать таковой. На это указывает ряд объективных и субъективных причин. К числу объективных факторов следует отнести младописьменный характер гагаузского языка, который на протяжении столетий был бытовым. Письменность гагаузы обрели сравнительно недавно (в 1957 г.), но язык не получил должного развития в дальнейшем. Другим объективным фактором являются глобализационные процессы, носящие закономерный характер. Глобализация приводит к объединению государств в крупные сообщества, к унификации нравственных норм, к выработке общих

законов и т. п. Создание целостного экономического, информационного и культурного пространства и его успешное функционирование неизбежно требует наличия единого языка или нескольких языков для эффективного осуществления коммуникации между субъектами этого пространства. Как правило, этими языками становятся языки с высоким статусом, получившие название мировых, или международных. К таковым принадлежат английский, немецкий, французский, испанский, русский, китайский и арабский языки, то есть те, на которых говорит большинство населения Земли. Гагаузский язык, впрочем, как и подавляющее большинство других языков земного шара, к данной категории не относится. Глобализация приводит к исчезновению множества языков с этнической карты мира или к сужению сферы их функционирования. Гагаузская интеллигенция осознает сложившуюся ситуацию с родным языком и активно добивается расширения сферы его функционирования.

Если тема родины доминирует в творчестве всех поэтов гагаузского происхождения, то теме родного языка посвящено гораздо меньше стихотворений. Однако все они очень искренни, эмоционально насыщены и весьма значимы по своему содержанию.

Н. Бабоглу можно назвать одним из самых активных подвижников родного языка. На протяжении многих лет он создавал учебники гагаузского языка. Являясь носителем гагаузской культуры, он великолепно знал родной язык и владел художественным словом. Об этом свидетельствует его литературное наследие, которому он посвятил всю свою жизнь.

Н. Бабоглу верит, что гагаузский язык переживет века. Для него понятия Родина и родной язык — неотделимы друг от друга.

Vatanım! Ana Dilim!
İkiniz də siz benim,
Sizə annımdan terim,
Sizə candan peetlerim!³¹⁸

Родина! Родной язык!
Вы для меня родное,
Вам я посветил всё.
Вам от души восхваление!

Поэт справедливо говорит о том, что в родном языке заключено все богатство народа, его древние традиции, история и культура, наследие предков. Носители языка — простые труженики. Его естество исходит от пшеничных полей, от запаха свежего хлеба. Об этом стихотворение «Родной язык»:

Ne zamandır — bellisiz,
Gelmiş bizä dilimiz...
Da yapmış bizi o biz.
Gelmiş derin eveldän,

Как давно — никто не знает
К нам пришел родной язык...
Сделал нас он самими собой.
К нам пришел он с древних лет,

³¹⁸ Baboglu N. Uzak yollarım... Seçmä yaratmalar. Chişinău: Pontos, 2009. С. 100.

Pütürceкли ellerdän,
Puluktan, tutaklardan,
Arpadan, boodaylardan,
Sanki ne taa erlerdän?
Bekim, telli gelindän,
Bekim, kaval sesindän,
Kolaydan hem zorlardan?
Geler o oynunnardan,
Becerikli aazlardan,
Dünür bekleyän kızlardan
Hem kaba somunnardan...
Oglanın sürüsündän,
Masaldan hem türküdän,
Toprakta çizimizdän,
Allahın izinindän...³¹⁹

От мозолистых ладоней,
От плуга и от полей,
От овса и от пшеницы,
Может, от украшенной невесты,
От песни колокольчиков,
От трудностей и от радостей?
Приходит он из танцев,
Мудрых людей,
От девушек, ждущих сватов,
От мягких, душистых горбушек...
От стада Оглана,
Из сказки и песни,
Из борозды,
По Божьей воле...

В коротком стихотворном тексте представлен широкий спектр идентификационных характеристик (элементов этнической идентификации) по следующим категориям: по хозяйственно-культурному типу (идентичность земледельца, скотоводческие и пастушеские традиции), элементы традиционно-бытовой культуры (свадебный наряд невесты, народные танцы, сказки).

Самыми главными носителями и хранителями традиций являются люди почтенного возраста, которые передают свои народные знания последующим поколениям.

Н. Бабоглу считает, что, невзирая на тяжелую судьбу и исторические обстоятельства, которые часто складывались не совсем благоприятно для гагаузской этнической общности, родной язык удалось сохранить и даже развить и обогатить:

Neçin korku bizi aldı,
Sanki kayıpmıydık,
Neçin sayılmadık kaldı,
Sanki hiç yokmuyduk?
Biz vardık, vardık zamandan,
Sildiysälär da sayıdan,
Biz vardık dillän, ruhlan, kannan,
İmdatlan vardık Allahtan,
Ana taraf, gagauzluk
Çıktı üzä o dooruluk,

Нас страх взял в плен,
Неужели мы обречены,
Почему нас не учли,
Как будто нас и не было?
Мы были, были издревле,
Пусть даже нас стерли со счетов,
У нас был язык, дух и душа
По божьей милости.
Родной мой край,
Правда стала очевидной,

³¹⁹ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiiirlär ... С. 5.

Aaradımız yolu bulduk,
Te biz дә saygılı olduk.
Bucaa taa pek sevdik candan,
Açan bizä geldi inan,
Ama biz hep Bucak oolu,
Olsa da olmasa inan,
Biz vardık, varız zamandan
Sildiysälär da sayıdan,
Biz varız dillän, ruhlan, kannan,
Neçin ki varız Allaktan...

(“Ana dilimiz”)³²⁰

Тот путь, что мы искали, найден,
И нас стали уважать.
Еще больше стали любить наш Буджак,
Когда к нам пришла вера,
Но мы все те же сыны Буджака,
Даже если веры в себя у нас не было,
Мы были, мы есть с древних времен,
Даже если нас стерли со счетов.
Мы существуем — языком, духом, душой,
Потому что мы от Бога...

Основной смысл стихотворения заключается в том, что у народа можно отобразить веру, историю, память о прошлом, но нельзя сломить дух народа, который выражается в его языке.

Сакрализация родного языка

Кроме восхищения красотой и мелодичностью родного языка, в творчестве гагаузских поэтов наблюдается и невероятно трепетное, благоговейное отношение к нему. Это не случайно: язык для гагаузов является мощным этнодифференцирующим признаком. Отношение к языку как к народному богатству звучит в стихотворении Т. Занета «Родной язык»³²¹:

Көклерим — Ана дилим,
Йашамак бана вердин.
Кахырда жана йардым,
Ана дилимдä емин.

Халкымы ердä тутәрсын.
Йаратма ихлам верерсин.
Сән севдамсын, сән ажым
Дедедән калан дилим.

Жанабин — темиз чөшмә.
Сән дирексин өмүрә.
Сән санжым, Ана дилим
Топрак үзүндә ерин.

Мои корни — родной язык.
Жизнь мне его дала.
В трудную минуту — поддержка.
Родному языку — верны.

Для народа ты опора.
Ты даешь вдохновение творить.
Ты моя любовь, моя боль,
Ты наследие моих предков.

Ты — чистый родник,
Ты — опора для жизни,
Ты моя боль, Родной язык
Ты занимаешь достойное
место в мире.

³²⁰ Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinäu.: Pontos, 2003. С. 139-140.

³²¹ Занет Т. Заманайэрсын, евим! (Здравствуй, мой дом!). Стихи. Кишинев: Фирма «Дельта», 1989. С. 62.

В гагаузской поэзии родной язык — самое большое богатство и достояние и в то же время — неизбывная боль. Это чувство боли исходит от переживаний автора по поводу того, что над родным языком и культурой нависла угроза забвения и исчезновения. Данное стихотворение звучит как набат, как призыв сохранить преемственность, не предать забвению то, что сохранялось веками и передавалось из уст в уста.

Петр Ялынжи в стихотворении «Ана дилимиз» («Наш родной язык») признается в любви родному языку и призывает читателей относиться к нему бережно:

Paalı ana dilimiz	Дорогой родной язык
Girdi canıma sessiz.	Вошел в сердце безгласно.
Ürää verdi ilinnik	Душе дал легкость,
Sevinçlää bitkisizlik.	Радости — бесконечность.
Ana dilsiz diil insanız	Без языка родного мы не люди,
Onu läözım korumaa.	Его надо беречь.
Ana dillän biz tamanız	С родным языком мы едины.
Bunu olur annamaa.	Это надо бы понимать.

(“Ана дилимиз”)³²²

Поэт транслирует мысль о том, что язык является мощным консолидирующим фактором, который объединяет всех гагаузов в единую общность — гагаузский народ.

В стихотворении “Ана дилимэ” («Родному языку») Гаврил Гайдаржи с искренней любовью и благодарностью обращается к народу, сумевшему пронести сквозь века родное слово, сохранить его и передать грядущим поколениям через устное народное творчество (сказки, баллады, пословицы и поговорки)³²³:

Saa ol, halkım, saa ol! Çalıřmıřın sän!	Спасибо, народ, спасибо! Постарался ты!
Raz büünkü günnerdä var türkü boldan.	Потому что сегодня есть достаточно песен.
Üzlän yıl durmuřun kullukta řafksız,	Сотни лет был ты в темноте,
Çok dastan kurmuřun hiç bir kiyatsız...	Много дастанов создал без письма...

Мержанка (М. Капаклы) в стихотворении “Ана дилим” («Родной язык»)³²⁴ воспевает и признается в любви к родному гагаузскому языку, который достался от предков, и также призывает его беречь и развивать:

³²² Gagauz literaturası. Hrestomatiya X–XI-cu klaslar için. Kiřinöv, 2002. С. 65.

³²³ Там же. С. 45.

³²⁴ Mercanka M. Baht nazı. Кишинёв: Б. и., 2008, с. 5.

Ana dilim! Oguz dilim!
Seçkin seninnän milletim.

.....

Nasaat kalmış dededän...
Olmaz atılmaa dilindän...

.....

.....

Yazılan hem yazısız, —
Şükür, kalmadık dilsiz.

Родной язык! Огузский язык!
Тесно связан с тобой народ мой.

.....

Наставление осталось от предка...
Не надо отречься от языка...

.....

.....

С письменностью и без письма, —
Слава Богу, не остались без языка.

Поэтесса подчеркивает принадлежность гагаузского языка огузской группе тюркской ветви алтайской языковой семьи. При этом Мержанка выражает мнение значительной части творческой интеллигенции, которая ставит знак равенства между огузами и самими гагаузами, между огузским и гагаузским языками, не отделяя предков от современных гагаузов. Такое восприятие сформировалось в среде интеллектуалов на основе представлений о том, что гагаузскому языку, в отличие от турецкого, азербайджанского и туркменского, которые подверглись значительному влиянию со стороны арабского и персидского языков, удалось в большей степени сохранить архаичные черты. Ученые не без основания полагают, что та часть огузов, которая в XI в. мигрировала с территории нынешнего Казахстана на запад, через Северное Причерноморье и осела на Балканах, оставалась язычниками и не подверглась языковому влиянию со стороны арабов и персов. Общеизвестно, что гагаузы (в отличие от турок, азербайджанцев и туркмен) никогда не имели контактов с арабами и персами. Арабские и персидские лексические заимствования вошли в гагаузский язык посредством турецкого уже на Балканах после покорения этой территории османами. Поэтому язык гагаузов содержит значительно меньше «арабизмов» и «персизмов», чем другие тюркские языки. Именно эта черта языка квалифицируется гагаузоведами как специфическая, а представители творческой интеллигенции, в частности и интеллектуальной элиты в целом, постоянно акцентируют на ней внимание, когда говорят о самобытности культуры гагаузов.

Т. Арнаут через обращение к предкам стремится указать на генетическую близость гагаузов и других тюркских народов. Индикатором этой близости выступает язык, языковое родство:

Bir meyvâlî aacın dalları gibi
Dallanmış turkmen, türk, azrebaısan
Bu boylar – kardaş kuvedi
Gagauzluumuza verdi can!
Düünääda yerimiz belli!

Подобно ветвям фруктового дерева,
Ветки разветвляются:
Туркмены, турки, азербайджанцы.
Эти поколения — братская сила —
Дают вдохновение гагаузскому духу.

‘Türkçä’ ana dilimiz bizim!³²⁵

В мире наше место известно!
Наш родной язык — тюркский!³²⁶

У С. Куроглу родной язык ассоциируется с самым близким и родным человеком — матерью. Ничего на свете нет лучше и слаще, чем материнская песня, исполненная на родном языке, которая может сотворить чудо — воскресить человека, вдохнуть в него жизнь:

Yorulduydum, uyuyardım dün,
Uyuyardım, bir ölü gibi,
Ama ansız uyandım ürkütüm —
Bir türkü bak kaldırdı beni...
Her şeydän tatlıdır diil uyku,
Nică masalda annadılêr,
Taa tatlı geldi sansın türkü,
Ani gagauzça çalınêr.
Nezamansa bän dä ölecäm
(Bu laflar eskidir dünnedä),
Salt sanêrım, dim-dirilecäm
Seslemää türkü ana dildä.

Я очень устал,
Вчера заснул и спал, как убитый.
Внезапно проснулся —
Одна песня меня разбудила...
Сон — не такой сладкий,
Как сказка мамина,
Еще слаще песня,
Которая поется на гагаузском.
Когда-нибудь и я уйду
(Это вполне естественно).
Но единственное, о чем я думаю,
Что воскресну, если услышу песню
на родном языке.

(“Seslemaa türkü”)³²⁷

(«Слушать песню»)

Горечь от утраты родного языка испытывает Г. Каранфил. В своих «Письмах», адресованных родине, поэтесса постоянно обращается к родному языку. Так, во втором письме она рассказывает о том, что в родном селе услышала, как два гагауза говорят между собой по-русски. Это ранило ее в самое сердце³²⁸. «25-30 лет назад гагаузская молодежь хорошо знала гагаузский язык, на нем говорили, а нынче в городах редкий гагаузский ребенок говорит по-гагаузски», — пишет Г. Каранфил. Причину она видит в равнодушии людей, особенно чиновников, в отсутствии среди гагаузов согласия и сплоченности: «Милая родина, никому нет дела до этого. Тех, кто беспокоится о судьбе гагаузов, очень мало... Нет у нас хозяина... Мы сироты... Хозяева кресел такие мелкие дела не берут»³²⁹.

Огорчение поэтессы вызвал также тот факт, что прибывшие из Греции молодые гагаузы совсем утратили родной язык³³⁰ и говорят исключительно на греческом. Известно, что проживающие в Греции гагаузы в основном иден-

³²⁵ Булгар С., Димчогло Ю. История гагаузов Украины. Одесса: Астропринт, 2017. С. 335.

³²⁶ Там же. С. 335.

³²⁷ Kuroglo S. Canımı baaşlarım ... С. 30.

³²⁸ Karanfil G. Selâm getirdim (şürlâr, mektuplar). Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2012. С. 14.

³²⁹ Там же. С. 28-29.

³³⁰ Там же. С. 21.

тифицируют себя с греками. Исключение составляют представители старшего поколения, продолжающие говорить на родном языке. В целом, у гагаузов Греции наблюдается тенденция к ассимиляции титульной нацией.

Искреннюю радость испытала этот автор, когда увидела, что в Комрате газеты выходят на гагаузском языке, что свидетельствует о его поступательном развитии. «Это очень значимое явление», — подчеркивает Г. Каранфи³³¹.

Мина Кёся призывает беречь гагаузский язык, ибо он является наследием предков: *Nicä herbir kuşcaazın var kendi türküsü, öla dä herbir halkın var kendi dili. Halkın için onun dili en gözal, en meraklı, en paalı... Bizim dilimiz — gagauzçamız. O bizä pek paalı, çünkü o dildä däduciim, maliciim, bobacım: tamuciim lafederlär, çünkü o kalmış bizä dedelerimizdän. Bän dä lafederim gözal ana dilimdä!*³³² / Как у каждой птички есть своя песня, так и у каждого народа есть свой язык. Для народа его язык — самый красивый, самый интересный, самый драгоценный. Наш родной язык — гагаузский. Он нам очень дорог, так как на этом языке говорили дедушка с бабушкой, родители, потому что он сохранился до нас от наших предков. Я тоже говорю на прекрасном родном языке.

М. Кёся наделяет родной язык самыми яркими эпитетами, подчеркивая его красоту, силу и богатство. Весьма показательным для М. Кёся и других поэтов является сравнение языка с сочным виноградом:

Gözäl ana dilimiz,	Красивый родной наш язык,
Hererdä geçer.	Он повсюду.
Onu islää biliniz,	Его нужно хорошо знать,
O pek gözal öter!	Он так красиво звучит!
Onun gözäl cümleleri,	Его красивые предложения,
Onun gözäl lafları,	Его прекрасные слова,
Bir bal gibi akêr,	Словно мед течет,
Sucaaz gibi sızêr.	Словно вода искрится.
Akêr, gezer, sızêr,	Течет, идет, бурлит.
Her okadar gözäl kalêr!	Но все равно остается красивым!
Gözäl, kaavi, şıralı,	Красивый, сильный, сочный,
Üzüm gibi üklü dalı,	Словно виноградом нагруженная ветка.
O bir gülüş gibi oldu,	Он, словно улыбка,
Bütün dünneyi kapladı.	Всю землю охватил.
Ana dilim sedef gibi yanêr,	Родной язык, словно жемчужина, сияет,
Ana dilim güneş gibi şılêr.	Родной язык, как солнышко, сверкает.

(“Gözäl ana dilimiz”)³³³

³³¹ **Karanfi I. G.** Seläm getirdim (şiirlär, mektuplar). Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2012. С. 14.

³³² **Bulgar S.S., Kuroglu S.S., A.Stoletneya.** Gagauz halkın istoriyası, kulturası hem adetleri. 1-2 klaslara deyni üürenmāk kiyadı. Chisinău, 2007. С. 17.

³³³ **Kösa M.** Gerçik erim. Komrat: Б. и., 2004. С. 6.

М. Кёся акцентировывает внимание читателей на том, что язык является источником передачи истории и традиций народа, перешедших от предков:

Dedelerdän kim atılêr	Кто отклоняется от предков
Nem saymêêr dilini,	И не считается с языком,
O göz-görä keser	Он, глядя в глаза, уничтожает
Kendi köklerini ³³⁴ .	Свои собственные корни.

Воспеваёт красоту и могущественную силу гагаузского языка также М. Капаклы (Мержанка) в стихотворении “Kendi dilin”/«Свой язык»:

Ko akılın özünü söyleycän	Пусть основы разума скажешь
Dünneenin herbir dilindä,	На языках всего мира.
Ama yabancı dildä söyleyämeycän,	Но на чужом языке того не скажешь,
Ne söyleycän kendi dilindä.	Что скажешь на родном языке.
Yukardan bu vergi kısmetli,	Свысока этот дар счастливый.
Onuştan ana gibi üüsekli.	Поэтому, словно мать, язык возвышен.
Rus dili — rusa,	Русский язык — для русского,
Gagauz dili — gagauza.	Гагаузский язык — для гагауза.
(“Kendi dilin”) ³³⁵	

Кроме того, в этих строках содержится ключевая мысль о том, что ни один народ не может полноценно жить и развиваться без языка.

В. Бошков сравнивает язык с молодой девушкой:

Мой язык подобен девушке на утренней заре.
До сегодняшнего дня он блуждал в темноте без света³³⁶.

Для Д. Танасоглу гагаузский язык — это плоды урожая, зеленые луга, золотистые поля, сладкий сок винограда:

Ana dilim — tatlı bal,	Родной язык — сладкий мед,
Salkım çiçää kokusu;	Запах цветения акации;
Şırasını üklü dal	Соком переполненные ветви.
Vermiş gömeç dolusu.	Дал полные соты
Ana dilim — gözäl ses,	Родной мой язык — красивый голос,
Maanä-türkü havası;	Мелодия маани;
Onu işidän herkez	Каждому, кто его слышит,
Doymaz, geçmüz avası.	Не надоедает его бесконечный напев.
Ana dilim — gevrek söz,	Родной язык — пламенное слово,

³³⁴ Кёся М. Gerçik erim. Komrat: Б. и., 2004.

³³⁵ Мержанка М. Baht nazl. Кишинёв: Б. и., 2008. С. 6

³³⁶ Бошков В. Верилмиш агеш. Одесса: Маяк, 2004. С. 19.

Uygun dizili sedef,
 Ürük fikir ona öz,
 Kefimä verir hep kef.
 Onsuz geçmäs hiç aaçlım,
 Kuru kalır masalım;
 Onsuz olmaz hiç saalum,
 Kısır gezär akılım.
 (“Ana dilim”)³³⁷

Красиво нанизанные бусы,
 Быстрая мысль его основа,
 Настроению дает больше разума.
 Я не могу им насытиться,
 Без него скучной будет моя сказка;
 Без него мне плохо,
 А мой разум без него бесплоден.
 («Мой родной язык»)

М. Кёся признается в любви и возвеличивает родной язык, сравнивая его с Мадонной:

Benim yalpak dilim,
 Severim bän seni:
 Sedef gibi paalı,
 Gagauzun dili.
 Derin-derin köklü:
 Oguz sesi onda,
 Vınnêêr içimizdä!
 Onda türkü öter,
 Çannar gibi öter.
 O kısadan söleer,
 Ama açık pek deer:
 Annaşılın derin
 Duygu hem dä fikir.

 Benim yalpak dilim,
 Severim bän seni,
 Madonnayı gibi,
 Ayozlusun deyni
 (“Ayozlu dilim”)³³⁸

Милый мой язык,
 Я люблю тебя.
 Как жемчужина, мне дорого
 Слово гагауза.
 Язык гагауза
 Имеет очень глубокие корни:
 В нем голос огуза
 Звучит внутри нас!
 В нем песня звенит,
 Как звон колоколов.
 Оно (слово) звучит кратко,
 Но очень открыто,
 Чтобы глубоко понятны
 Были чувства и мысли.

 Мой милый язык,
 Любуюсь я тобой,
 Словно Мадонной,
 Потому что ты — святой.

Ф. Мариноглу в стихотворении “Ana dilim” говорит о смысле и роли языка в жизни человека. Для него родной язык — самая большая ценность и любовь. Поэт призывает беречь его и развивать, как можно больше на нем общаться:

Sän bil: sevärsän pek çok dil,
 Ki ana dili en käämil.

Коль много языков ты любишь, знай,
 Что родной язык — самый прекрасный.

³³⁷ Gagauz literaturası. Hrestomatiya. VIII–IX-cu klaslar için. Kişinöv, 2002. С. 25.

³³⁸ Там же. С. 33.

Onda bizim küçüklümüz —
Onsuz kalarız biz üsüz

.....

(«Ана dilim»)³³⁹

В нем осталось наше детство —
Без него мы осиротеем,

.....

(«Мой родной язык»)

Этническое самосознание гагаузов, не угасавшее в течение многих столетий, позволило им сохранить свою идентичность в самых неблагоприятных для этого условиях в вековой исторической безвестности. Несмотря на то, что гагаузы долгое время не имели своей государственности и своей письменности, народ сохранил свой язык и богатую духовную культуру.

Патриотизм у гагаузского народа — это чувство любви к родине, к своему дому, к своим корням. Это чувство широко отражается в молодой национальной литературе и в фольклоре гагаузов.

Человек всегда черпает свои силы в национальном духе, национальной культуре, и наоборот: нация, как духовный организм, обогащается творчеством отдельных личностей.

Счастье в понимании С. Куроглу это не только изобилие, благополучие и согласие в семье, но и наличие родины и родного языка.

Büük kısmet, büük kısmet —
Bereket hem selemet,
Saa sa evcimannarın,
Saa uşaan hem saa karın.

Her sefer, her sefer
Bizä paalı ana er,
Ana dil, saa-selemnik,
Kan su olmazlık, iilik.

Ana-bobalar, Vatan,
Gözelim uşak hem dan,
Ak dünää, gün aydınını,
Duşmanın da insanını.

(«İnsannık duyğusu»)³⁴⁰

Большое счастье,
Если есть изобилие и согласие,
Если здоровы родные,
Если здоровы твои дети и жена.

Нам всегда дорог
Родной край,
Родной язык, уважение,
Мир и добро.

Родители, родина,
Родной ребенок и рассвет,
Чистый мир, свет дня
И человечность врага.

(«Человеческие чувства»)

Любопытно, что в советский период количество стихотворений, посвященных родному гагаузскому языку, весьма незначительно. Как правило, в этот период воспеваются красота родного языка, его мелодичность. Довольно часто встречаются сравнения гагаузского языка с медом. Это мы показали на примере вышеприведенных отрывков из поэзии Д. Танасоглу и С. Куроглу. Только после обретения Молдовой независимости и создания АТО Гагаузия

³³⁹ Gagauz dili hem literatura okumakları IX-cı klaslar için. Kişinöv, 2002. С. 35.

³⁴⁰ Kuroglo S. Canımı başlarım. Kişinöv: Be. y., 2011. С. 117.

количество таких стихотворений возрастает. Кроме того, меняется их идейное содержание. Основным лейтмотивом творчества гагаузских поэтов и прозаиков, пишущих о своем родном языке, становится мысль о том, что гагаузский язык является наследием предков, что его надо беречь, т. к. над ним нависла угроза исчезновения.

§ 3. Отражение религиозной идентичности в художественной литературе гагаузов

Религиозная идентичность, по мнению Н. Л. Балича, представляет собой «комплекс индивидуальных качеств и приобретенных социокультурных особенностей, сформированных под воздействием социального окружения и выражающихся в совокупности действий и поступков, связанных с отождествлением себя с определенной религией. Характер взаимоотношений с общностью единоверцев детерминируется групповыми нормами, ценностными предпочтениями, ролевыми предписаниями»³⁴¹.

В исследовании феномена религиозной идентичности важно знать, как на нее влияют социальные факторы, объективные и субъективные процессы формирования, так как религиозное сознание существует не абстрактно, а в реальных социальных условиях, которые и формируют религиозную и конфессиональную идентичности человека³⁴².

Православие — традиционная религия гагаузов. Из числа этнических гагаузов ее исповедуют более 90 % населения.

Православие является одним из важнейших элементов этнической культуры гагаузов. До сих пор не выяснен вопрос о том, каким образом предки гагаузов приняли христианство и, в частности, православное его направление. Ряд ученых склоняется к тому, что принятие христианства вероятными предками гагаузов (печенегами, узами, куманами) происходило еще на Балканском полуострове до завоевания его османами. М. Губогло справедливо, на наш взгляд, считает, что в тот период религия выступала в качестве консолидирующего фактора, объединяя различные этнические общности, в частности славяноязычных болгар и тюркоязычных предков гагаузов.

В научных кругах бытует точка зрения, что к приходу османов предки гагаузов уже были христианами. Данное предположение, на наш взгляд, представляется верным, поскольку, если бы предки гагаузов оставались язычниками, то им было бы гораздо легче принять ислам от османов, которые так же, как и они, говорили на тюркском наречии.

³⁴¹ **Балич Н. Л.** Религиозная идентичность в культуре современного общества // <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-kulture-sovremennogo-obschestva/viewer> (дата обращения 10.08.2022).

³⁴² **Там же.** С. 125.

Следует принять во внимание тот факт, что до сих пор в научной среде нет ни одного исследования, посвященного истории гагаузской этнической общности в период ее пребывания на Балканах, и, следовательно, нет никаких данных о принятии христианства.

О приверженности христианской вере пишет в своем очерке «Турецкие племена на Балканском полуострове» российский этнограф В. А. Мошков. По сути, данный очерк представлял собой отчет о поездке в Болгарию, которую В. Мошков предпринял в 1904 г., т. е. после того, как им были изданы очерки «Гагаузы Бендерского уезда». В Болгарии В. А. Мошков посетил сёла с гагаузским населением, где ему удалось пообщаться с гагаузами и составить личное представление об этой народности. В. А. Мошков подчеркивает стойкую преданность гагаузов православной вере: «...гагаузы, как ярые фанатики православия, всегда не нравились их родственникам по крови, османам. Эти последние всякий раз, как они начинали периодически повторяющуюся резню христиан, прежде всего принимались за гагаузов. Кроме того, в конце XVIII века особенно сильно развилось, неразлучное с господством турецкой власти, разбойничество на Балканском полуострове. В то время особенно сильно свирепствовали шайки Пасвана-Оглу и Кара-Феджи, доходившие численностью до нескольких тысяч. И вот эти-то два обстоятельства заставили гагаузов броситься в конце XVIII века и в начале XIX века в Россию, во вновь приобретенную нами Бессарабию. Таким образом, гагаузское население в нынешней Болгарии значительно поредело, так как добрая его половина выселилась»³⁴³.

По словам М. Н. Губогло, приверженность православному христианству и противостояние исламизации послужили немаловажным дополнительным стимулом к сохранению и укреплению гагаузами своего этнического самосознания³⁴⁴.

Вполне естественно, что в османский период консолидирующая функция религиозной идентичности становится еще более значимой. Как правило, в период Средневековья и вплоть до XIX в. ведущей идентичностью была именно религиозная, т. е. человек считался своим, если он исповедовал ту же религию. Если говорить о предках гагаузов, то в период османского господства на Балканах православное христианство выступало признаком культурного размежевания с родственными по языку турками-османами и другими тюркоязычными общностями, населяющими территорию Болгарии, ставшую

³⁴³ **Мошков В. А.** Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г. Известия императорского Русского географического общества, 1904. Т. 40. Вып. 3. С. 399-436.

³⁴⁴ **Губогло М. Н.** К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М.: Наука, 1982. С. 217-218.

Пашальком Оттманской порты и прекратившую свое существование как государство.

Чуть позже на приверженность гагаузов христианству указывали священники династии Чакир (Д. Чакир и М. Чакир)³⁴⁵.

В ряде своих статей А. К. Папцова указывает на сложившуюся парадигму, в которой основным тезисом выступает «страдание за веру»³⁴⁶. В работе «Православие в культуре гагаузов» А. Папцова справедливо отмечает, что «последние десятилетия вполне можно назвать Православным Возрождением: повсеместно восстанавливались и строились новые храмы, открывались воскресные школы»³⁴⁷.

Стержнем гагаузской этничности назвала православие в одной из своих работ Е. Квилинкова³⁴⁸.

По мнению М. Н. Губогло, религиозная идентичность не выступает автономной категорией, а дополняет этническую, являясь своеобразной «подпиткой и подпоркой» для нее³⁴⁹.

В советскую эпоху, вследствие атеистической пропаганды, религиозная идентичность не исчезла, а отошла на второй план, уступив место идентичности этнической и языковой.

В настоящее время, в связи с трансформационными процессами постсоветского периода, религиозная идентичность обрела вновь свою значимость. Немаловажно подчеркнуть, что в отличие от языка религиозная идентичность не подвержена угрозе исчезновения, а по сему является достаточно устойчивым признаком, продолжая определять весь культурный облик гагаузов как этнической общности.

О том, какое значение придается религиозной идентичности гагаузов, свидетельствует проведение ежегодных Чакировских чтений, участниками

³⁴⁵ **Чакир Д.** Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Chişinău: Pontos, 2006. С. 25-56. **Ceachir M.** Gagauzların istoriası. Chişinău, 1934; **Тот же автор:** Obiceiurile religioase ale găgăuzilor // Viaţa Basarabiei. Chişinău, 1934, nr. 6, p. 4-8; **Тот же автор:** Religiozitatea găgăuzilor // Viaţa Basarabiei. Chişinău, 1934, nr. 3, p. 21-28.

³⁴⁶ **Папцова А. К.** К вопросу об эволюции соотношения религиозной, этнической и языковой идентичности гагаузов в XIX–XX вв. // Analele științifice ale Universității de Stat din Moldova (Seria “Științe socioumanistice”). Vol. III. Chişinău: Б. и., 2005. С. 503-510; **Тот же автор:** Православие в культуре гагаузов // Материалы VII Международных Православных Общеобразовательных Чакировских чтений / Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М. В. Маруневич. Вулканешты: Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М. В. Маруневич, 2016. С. 212-256.

³⁴⁷ **Папцова А.** Православие в культуре гагаузов ... С. 212-256.

³⁴⁸ **Квилинкова Е. Н.** Православие — стержень гагаузской этничности. Комрат-София: Tipografia Centrală, 2013.

³⁴⁹ **Губогло М. Н.** О религиозной (ли) идентичности? // Курсом изменяющейся Молдовы. М.: Старый сад, 2006. С. 214.

которых являются как профессиональные исследователи в области гуманитарных наук (историки, лингвисты, фольклористы, этнологи, политологи), так и преподаватели лицеев и высших учебных заведений, работники сферы культуры, общественные и политические деятели, служители культа. На протяжении нескольких лет издаются сборники материалов данного форума. Основным лейтмотивом этих мероприятий был и остается вклад протоиерея М. Чакира, посвятившего всю свою жизнь просвещению гагаузов и пробуждению в них национального самосознания.

Издание Научно-исследовательским центром Гагаузии таких книг, как «Православные храмы Гагаузии» и «Гагаузия православная», представляющих собой красочные фотоальбомы с информацией по истории появления культовых сооружений на территории автономии, свидетельствует о включенности властей АТО в процесс поддержки ряда мер, направленных на сохранение православия как традиционной религии гагаузов. Отметим также, что в советский период по известным причинам обращение к религиозным мотивам в художественной литературе гагаузов отсутствует. Еще одной отличительной чертой является тот факт, что к данной теме обращаются в основном молодые по возрасту писатели. Диапазон их возраста колеблется в пределах 1957–1988 гг. рождения. Все авторы по образованию — гуманитарии: как правило, это филологи, журналисты, историки, экономисты. Среди них наиболее яркими являются, по нашему мнению, Валерий Кириогло, Алена Ергогло, Екатерина Ганева и Григорий Недов.

Еще в советский период С. Булгар опубликовал в одном из сборников рассказ “Кесилмиш дуа” («Прерванная молитва»)³⁵⁰. Героем рассказа является старый гагауз Ставро Яника, который искренне верит в Бога и постоянно читает «Евангелие» на гагаузском языке. Начинается война, вокруг идут бои, слышны выстрелы и грохот канонады в селе, где живет Ставро Яника. Единственное занятие, в котором герой рассказа черпает силы и находит утешение, это чтение Библии на родном языке. Именно в таком двуединстве (христианство и гагаузский язык, слово Божье на родном языке) проявляется религиозная идентичность гагауза.

Причина обращения к религиозным мотивам у каждого автора разная, своя и сугубо личная. Екатерина Ганева и Алена Ергогло апеллируют к теме Бога и веры в связи с переосмыслением своего жизненного пути, своих мыслей и поступков. В этом отношении имеет место общеизвестный образ дороги и связанный с ней мотив поиска себя, своего места в жизни, самосовершенствования, что невозможно без покаяния. Образ дороги как жизненной стези не единожды встречается в стихотворениях Е. Ганевой:

³⁵⁰ Булгар С. Ёжанавар йортулары (Волчы праздники). Рассказы. Кишинев: Литература артистикэ, 1990. С. 29-30.

Но не мудрено, гениальное — просто,
И выход всегда неминуемо тут:
Нет Божьей любви без духовного роста,
Прозренья и вера к нему приведут³⁵¹.

Автор убежден, что Бог помогает в творчестве, а поэтический дар и вдохновение приходит к поэтессе по Божьей воле:

Казалось бы, не одолеть
Мне трудный к Слову путь, к себе,
И Божьей волею прозреть,
И счастье обрести в судьбе.

Решила, Богу помолюсь,
Потом открою свой блокнот,
За слово таинства возьмусь...
Я верю, мне поможет Бог...

И... только взялась за перо, —
Полился на бумагу стих,
И стало на душе светло.
О, как священен этот миг.

(«Дорога») ³⁵²

Та же мысль звучит в стихотворении А. Ергогло:

Святая Троица
И, Боже мой, спаси!
Я на оси, что поведет дорогой вниз.
То — мой каприз!
А ты, веди меня
Дорогой вверх
Через мой грех,
Через мои стихи,
Мои грехи!
Через меня ты проведи свой путь
И не забудь,
Что мало тех,
Кому со мною по пути,
И много тех,
Которые от жизни ждут утех³⁵³.

³⁵¹ **Ganeva E.** Turnalar. Şiirlär, Kişinev, 2006. С. 69.

³⁵² **Там же.**

³⁵³ **Ergoglo A.** Okuyacam seni gözlerindän. Chişinău: Tipografia Centrală, 2013. С. 258-259.

Поэзия А. Ергогло, точнее цикл стихотворений, посвященный религиозной тематике, свидетельствует о приверженности автора православной вере и о знании Ветхого и Нового заветов.

Обращение к религии, к вере, к Богу важно для человека уже потому, что является зачастую единственным нравственным ориентиром. Вера — не просто ориентир, а некий спасательный круг, помогающий избежать расчеловечивания и дегуманизации общества в целом и каждого человека в отдельности.

Для автора, чьи строки мы приводим ниже, обращение к Богу происходит в тот момент, когда обычные мирские средства выйти из сложной жизненной ситуации не помогают, они бессильны. Есть лишь осознание того, что если Бог есть, то он обязательно поможет:

Кресту твоему поклоняемся,
Когда нечего больше терять:
Спаси и помилуй, Господи,
Вся жизнь повернулась вспять!

Любви ли нам надо иль почестей,
Быть может, весь мир обрести?
Молю я у ног твоих, Господи,
Дай душу свою спасти!

Окрыли меня, когда хочешь,
Любовью своей, нежностью,
Лишь ты осчастливить можешь,
Взгляд твой граничит с вечностью.

(«Святая Троица») ³⁵⁴

И еще один постулат, который должен знать обязательно каждый верующий: «Всё в руках Божьих». Если человек является искренне верующим, он должен отдать свою судьбу Богу, довериться ему всецело:

В сердце моем стеною встань,
Чтоб миром моим мог править,
А я помолюсь в крылатую рань,
Чтоб, Боже, тебя прославить.

(«Кресту твоему поклоняемся») ³⁵⁵

³⁵⁴ Ergoglio A. Okuyacam seni gözlerindän, 2013. С. 256.

³⁵⁵ Там же. С. 256.

Главенство Бога-отца довольно рельефно представлено в другом стихотворении:

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых

С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

От того и плачу много,
Оттого —
Что взлюбила больше
Бога милых ангелов его.

(«Бог согнулся от заботы») ³⁵⁶

Автор, человек глубоко верующий, но в то же время подверженный простым человеческим слабостям, испытывает страдания от осознания того, что нарушает одну из главных библейских ветхозаветных заповедей: «Господь, Бог ваш, Господь един есть; и люби Господа твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими»³⁵⁷, а также изречения из Нового Завета в Евангелии от Матфея: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и, кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»³⁵⁸. Бескрылые ангелы — это родные и близкие люди, дети и родители, к которым она испытывает самые нежные чувства. Любовь лирического героя к своим родным настолько велика, что она не может противиться этому чувству.

Трепетное и заботливое отношение к близким, беспокойство за их жизнь звучит в стихах-молитвах, обращенных к Богу.

Ozaman duaylan ölümdän kaçtım,
Çok yıllar geçtiyän, genä yaklaştı
Nică yabarı daadan ooluma bakardı,
Gözümä baka-baka, elimdän kapardı.

Прошло много лет, и смерть снова
приблизилась.
Она, как волк, смотрела на моего
сына.
И, глядя в мои глаза, вырвала из
моих рук.

³⁵⁶ Ergoglo A. Okuyacam seni gözlerindän, 2013. С. 135.

³⁵⁷ Библия. Второзаконие, 6, 4-5.

³⁵⁸ Библия. Новый завет, Мф.; Евангелие от Матфея: 10, 37.

Yalvardım pek Allaha: — Olcaazımı brak,

Bunun gibi olmacek bendä taa uşak.
Sana, Göktä bobacıım, adaycam onu,

Bu uzun yaşamakta doorut yolunu!
Artık geçti çok yıllar, ölüm yaklaştı,
Anacıma, nicä dost, birdän sarmaştı.

– Yalvarêrım, alma, alma anamı,
Yalvarêrım, kırma, kırma canımı!

O bendä salt biricik, başka anam yok,
Diz çöküpta aaladım, yalvardım hem çok.

Allahım bölä dedi: — Yalvarma boşa,

Anaların, bän braktım, yaşasın uşaa.
("Yavlardım bän Allaha")³⁵⁹

Умоляла я тогда бога: Оставь
моего сына.

Это в твоих силах,
У меня никогда больше не будет
детей.

Прошло опять немого времени.
И смерть внезапно отняла мою
мать.

— Прошу тебя, не забирай мою маму,
Не заставляй мою душу страдать!

Я опустилаcь на колени
И очень просила, другой матери у
меня нет.

И Бог сказал мне: не проси меня
напрасно.

Я забираю мать, чтобы дети жили.
 («Я молилась Богу»)

Очевидно, что автор постоянно ведет диалог с Богом, обращаясь к нему и моля не только о здоровье родных, но и просит даровать ей интересную жизнь, наполненную радостью. Бог для молодой поэтессы А. Ергогло — добрый, справедливый и творящий чудо.

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь, как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
«Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал очень много!
Я жажду сразу — всех дорог!

.....
Люблю и крест, и шелк, и краски,
Моя душа — мгновенный след...
Ты дал мне детство лучше сказки,
Так дай мне смерть в семнадцать лет!

³⁵⁹ Ergoglio A. Okuyacam seni gözlerindän, 2013. С. 52.

Спасение от уныния и горечи, как считает автор, следует просить у Бога:

Боже, руки свои протяни
И меня вытяни
Ты из этого дна —
Я сегодня одна.
Горечь пластом расстилается,
Поздно уже каяться.

Уныние — помеха, так как с унынием не приходит вдохновение:

Если под Богом я,
Как дитя малое,
И надо мало мне.
Вновь жду вдохновения
Я с нетерпением.
(«Боже, руки свои протяни») ³⁶⁰

Лирический герой В. Кириогло обращается к богу с просьбой хранить от бед его дочь:

Пусть тебя хранит Бог от бед,
Доченька моя, ясный свет... ³⁶¹.

В других стихах поэт благодарит Бога за жизнь:

Я Тебе благодарен, Господь,
За прекрасное синее небо,
В знойный день орошающий дождь
И за корку горячего хлеба.

.....
Благодарен за жизнь и за смерть,
За молитву, что душу врачует.

Благодарен, Господь, что ты есть
И спасенье принес на кресте.
Благодарен за жизнь и за Библии весть,
Открывающей жизнь на кресте ³⁶².

Сила веры и молитвы представлена в стихотворении «Молящийся». В нем автор стремится показать, что молитва даже одного человека будет услышана Богом. Данное стихотворение о том, что земля Буджака страдает от засухи и

³⁶⁰ Ergoglo A. Okuyacam seni gözlerindän, 2013. С. 160.

³⁶¹ Кириогло В. Високосный год ... С. 47.

³⁶² Там же. С. 45.

ожидает дождя. И только одна единственная душа опустилась на колени и по-настоящему молилась, обращаясь к Богу. Бог услышал эту молитву и послал на землю дождь.

В стихах духовной направленности А. Ергогло показывает силу веры в Бога и пытается донести до читателя, что искренняя вера во Всевышнего творит чудеса. Для этого достаточно, чтобы всего один человек был по-настоящему искренен в своей вере³⁶³. Для молодой поэтессы дорога к храму, к вере — кропотливый духовный труд, требующий силы духа. Автор считает, что у каждого — свой путь к духовному совершенствованию, у каждого — своя дорога. Как бы тяжела она ни была, не следует искать легких путей к вере, к Богу:

У меня своя дорога, свой путь,
Ненароком на чужой бы не свернуть.
На чужом метут метели, снегопад,
На моём — уже привычный камнепад.

Я руками разберу камни все,
Что лежат на жизненной полосе,
Вдоль дороги возведу храм
И за душу помолюсь там.

(«У меня своя дорога»)³⁶⁴

О поиске своего пути к Богу стихотворение Е. Ганевой «Дорога»:

Казалось мне, что не найду
Я в сложной жизни путь к себе...
По божьей воле я иду
Навстречу Счастью и Судьбе.

(«Дорога»)³⁶⁵

Каждое стихотворение свидетельствует о хорошем знании Библии и канон православной веры. Пути к Богу и вере посвящено и другое стихотворение А. Ергогло. В нем отражены впечатления автора о том, как люди идут в храм замаливать грехи:

И утром рано, как обычно,
На службу бабы, старики
Идут дорогою привычной,
Идут, отмаливать грехи.

³⁶³ Ergoglio A. Okuyacam seni gözlerindän, 2013. С. 11.

³⁶⁴ Там же. С. 264.

³⁶⁵ Ganeva E. Turnalar. Şiirlar, Kişinev: Grafic Design, 2006. С. 69

Они идут своей дорогой
До бога, церкви, до креста,
Там грешник на тропе пологой —
Он тоже верует в Христа.
(«Стою одна, ступени церкви») ³⁶⁶

А. Ергогло доносит через свои стихи один из постулатов христианства: если человек искренне верует в Бога и способен искренне раскаяться, то он обязательно будет прощен. Очень тонко подмечено автором смятение грешника, его душевные переживания, смущение от того, что он, может быть, впервые посещает божий храм:

И пальца три, смыкая в узел,
К челу подносит он тайком,
С душевной горечью и грустью
Последним входит в божий дом.

Сама поэтесса как человек глубоко верующий чувствует божью защиту:

А мои мысли, словно птицы,
Взлетают ввысь под купола —
И я под божьею десницей,
Пока звенят колокола.
(«Стою одна, ступени церкви») ³⁶⁷

Ряд стихотворений А. Ергогло посвящен важным православным праздникам — Вербному воскресенью, Пасхе, Покрову Пресвятой Богородицы.

Алена Ергогло является, пожалуй, одним из немногих авторов, наиболее четко выражающих свою православную идентичность. Свидетельством тому является наличие целого цикла под общим названием «Вера моя православная» ³⁶⁸.

Ожиданием светлого праздника Пасхи проникнуто стихотворение о Вербном воскресении, предвещающем великий христианский праздник:

В воздухе благоуханье, миром пахнет —
Воскресенье вербное пришло,
Под окошком божии созданья
Зачирикали, как только расцвело.
Яблонь ветки ветерок качает,
Солнышко пригрело, скоро май,
Скоро Пасха, кто ж его не знает,

³⁶⁶ Ergoglo A. Okuyacam seni gözlerindän, 2013. С. 263.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Там же. С. 256-268.

А пока постятся те, кто в рай
Верят, и в дыхании едином
Повторяют все, кто носит крест,
Те, кто верит в воскресенье Сына —
Хором скажут все: Христос воскрес!³⁶⁹

В пасхальное Воскресение все мысли и молитвы обращены к Богородице. Автор молит о том, чтобы Господь услышал ее и послал свою благодать тем, кто искренне верит, кто искренне молится, не подвержен сребролюбию и не ищет себе спасения. Иными словами, молитва возносится за тех, кто старается соблюдать библейские заповеди и жить по вере — не служить Богу и Мамоне, не стараться спасти свою душу, ибо, как сказано в Библии, «кто будет спасать свою душу, тот ее потеряет»:

Открыты двери в небеса
На Пасху, в Воскресение,
За ними слышу голоса
О милости, спасении.
О, Богородица, узри,
Кто не клонится, горбится

От вечера и до зари
За всякого, кто молится.
Узри и тех, кто не алкал,
Не жаждал кто спасения,
Ведь и за них Христос страдал:
Сегодня — Воскресение.

(«Открыты двери в небеса»)³⁷⁰

Только Бог может помочь понять разных людей, встречаемых на жизненном пути. Строки следующего стихотворения свидетельствуют о том, насколько усердно автор следует христианским заповедям, пытаясь не осуждать человеческие слабости, а понять, почему люди ведут себя так, а не иначе. В этом смысле в стихотворную форму, разумеется со своей интерпретацией, облечена одна из заповедей — «Не судите да не судимы будете»:

Господи, Боже,
Помоги, если можешь,
Понять и осмыслить,
Пронести через свои мысли
Доброту — доброго,
Гордость — гордого,

³⁶⁹ Ergoglio A. Okuyacam seni gözlerindän, 2013. С. 265.

³⁷⁰ Там же. С. 267.

Алчность — алчного,
Жадность жадного,
Злобу — злобного,
Милость — милостивого,
Любовь — любящего,
Боль — болящего,
Скорбь — скорбящего,
Зависть завистника,
Глупость глупца
И мудрость мудреца.
(«Господи, Боже...»)³⁷¹

Вместе с тем, как мы видим, в тексте перечисляются и добродетели — любовь, милость, мудрость, а также пороки — зависть, злоба, глупость. Вероятно, автор таким образом призывает понять и принять как людей добродетельных, искренних и чистых, так и глупцов, и завистников, не осуждая их.

У Валерия Кириогло стихотворений на религиозную тему гораздо больше, чем у других поэтов. Каждое его поэтическое произведение написано на библейские сюжеты, о чем свидетельствуют их названия: «Гефсимания», «Любовь Христа», «Чаша», «Родился в мире Христос», «Ной», «Возвращение блудного сына», «Фарисеи» и др. Целый цикл стихотворений посвящен библейским заповедям. Озаглавливая их по порядку, автор после названий приписывает внизу после названия суть каждой из заповедей: «Вторая заповедь. Не создавай себе кумира», «Пятая заповедь. Почитай отца и мать», «Шестая заповедь. Не убий». Другие стихотворения раскрывают силу христианской веры: «Он придет, лишь позови», «Любовь Христа», «Молитва», «Дай мудрости», «Счастье, что обрел веру», «Бог протянет руку»³⁷².

В стихотворении «Не суди»³⁷³ В. Кириогло, размышляя над одной из заповедей, проецирует ее на свое личное поведение и приходит к выводу о том, что ни один смертный не может избежать одного из грехов — осуждения других. Являясь человеком верующим, автор глубоко переживает казнь Иисуса Христа, но сам признается в том, что и он способен на предательство и на осуждение, но в то же время надеется на то, что его никто за это осуждать не будет:

Осудив его учеников
За их сон во время скорби Божьей,

³⁷¹ Ergoglo A. Okuyacam seni gözlerindän, 2013. С. 268.

³⁷² Кириогло В. Г. Шипы и Розы: Стихи о вере в Бога. Поэтический сб. Комрат: SAYFA-PRINT, 1998. 118 с.

³⁷³ Там же. С. 46.

Понял: за меня Иисус лил кровь,
Так, пожалуй, спать я и не должен.

За предательство, презрев Петра,
размышляя: я бы так не сделал,
Вспомнил, как и сам предал с утра
Ни за что, а просто между делом.

Под какой звездой я рожден?
Кончу жизнь Петром или Иудой?
Может быть, не буду осужден,
Если никого судить не будут.

Нередко В. Кириогло описывает в поэтической форме человеческие пороки («Зависть»)³⁷⁴. Например, такой грех, как как зависть, по мнению автора, порой невозможно отличить от искренности, так как она «меняет краски осторожно»:

То облик примет в миг несчастный,
Иль загнанным зверьком кричит,
Когда из крепкого запястья
Журавлик счастья улетит.

Она плодит одни страданья,
Из мухи делает слона...
Есть у нее одно название —
Зовется завистью она.

Классическим результатом зависти является история о Каине и Авеле:

Да, зависть. Словно гордый Каин,
Сгубивший брата своего,
Она желает бал свой править,
Не видя рядом ничего...

Подражанием В. Высоцкому является стихотворение «Я не люблю»³⁷⁵. Напомним, что у Высоцкого упоминание об Иисусе Христе появляется в финале песни:

Я не люблю насилья и бессилья,
Но только жаль распятого Христа.

³⁷⁴ Кириогло В. Эхо души. Комрат: Б. и., 2004. С. 94.

³⁷⁵ Кириогло В. В ожидании Христа. Комрат: Б. и., 2001. С. 32.

Как и В. Высоцкий, В Кириогло не может принять лицемерие, фальшь, неискренность, злословие:

Я не люблю, когда, в глаза мне глядя,
С улыбкой за спиной готовят нож.
И в божий храм идут не Бога ради,
А распустить о ком-то злую ложь.

Я не люблю за кем-то в разговоре
Побитой собачонкою бежать.
И ненависть читать к себе во взоре,
Когда меня пытаются спасти.

Я не люблю, когда завистник рьяно
Святошею пытается предстать.
А кто-то заставляет, словно спьяну,
Сжав кулаки, любить и уважать.

Я не люблю, когда в молитве просят
У Господа святого духа дать.
И в то же время ближнего поносят,
На все лады склоняя божью Мать.

Я не люблю такой ванильной лести
И в бесхребетных гордость не терплю.
И я скажу вам перед Богом честно:
Я это никогда не полюблю.

Почти все стихи В. Кириогло на тему веры и Бога в большей степени напоминают проповеди, изложенные в стихотворной форме, и свидетельствуют о принадлежности автора к одному из протестантских течений. По признанию самого автора, он долгое время находился в поиске веры и обрел ее в лоне православной церкви. Об этом свидетельствует содержание его стихов. Если в ранних сборниках, написанных и опубликованных до 2003 г., почти все стихотворения, посвященные вере и богу, действительно похожи на лаконичные проповеди в протестантском духе, то в более поздних сборниках наблюдается иная картина. Так, в сборнике «Эхо души» В. Кириогло уже меняет свое отношение к православию. Об этом свидетельствует стихотворение «Хедерлез»³⁷⁶, посвященное одному из самых важных праздников гагаузского народного календаря. Напомним, что Хедерлез является народным названием церковного праздника — Дня святого Георгия, покровителя

³⁷⁶ Кириогло В. Эхо души ... С. 8-9.

не только воинства, но и домашних животных. В. Кириогло, вероятно, при написании этого сочинения уже перешел в православие. Доказательством тому служит положительное восприятие православного святого — святого Георгия, изображенного на иконах (напомним, что протестанты не признают никаких святых и, соответственно, их изображения на иконах):

Этот праздник — надежда на лучшее.
Май ненастье теплом поразил,
Как Георгий Святой или мученик
Копьем знаний дракона сразил.

При этом В. Кириогло считает змея, которого поражает своим копьём святой Георгий, языческим персонажем:

А дракон тот был символ язычества,
Поражающий страхом народ.
Гений тьмы сражен света величеством,
И покрылся зарей небосвод.

Отход от протестантизма выразился в толерантном отношении поэта к представлению о переселении душ, называемому реинкарнацией, свойственной индуистам и буддистам:

Когда явлюсь на суд Господний,
И, если мне Творец даст слово,
Скажу: «Избавь от преисподней,
Дай на земле родиться снова».
(«Желание»)³⁷⁷

Далее В. Кириогло пишет о том, что, с точки зрения протестантизма и христианства в целом, мысли о реинкарнации считаются неприемлемым. Поэт в шуточной форме, но открыто делится с читателем своим искренним желанием родиться снова:

Индусов вера мне на руку,
Переселенье в тело душ.
Вот и родиться бы от внуков,
Сменив лишь шкуру, словно уж.

Вот было б здорово, потеха,
Чтоб, как они, шалить не прочь.
На лето к бабушке приехать,
А ей была бы моя дочь.

³⁷⁷ Кириогло В. Эхо души ... С. 20.

И так же, как она, ребенком
Не есть и с дому убежать,
Чтоб, обзывая поросенком,
Ловила, чтобы искупать³⁷⁸.

В какой-то степени — это стихотворение созвучно со знаменитыми строками В. Высоцкого:

Хорошую религию
Придумали индусы,
Что мы, отдав концы,
Не умираем насовсем.

Последняя строфа стихотворения В. Кириогло — настоящее откровение. Желание человека обрести бессмертие именно путем перерождения слишком велико, и поэт не в силах это скрывать:

Пусть даже жил, совсем не зная,
Что на земле рожден я снова,
Я предпочел бы это раю,
О, если б дал Господь мне слово!³⁷⁹

О роли православия в истории гагаузов размышляет в своих эссе Григорий Недов-Топал, в прошлом работавший в течение нескольких лет в Академии наук Молдовы. Будучи историком, он окончил докторантуру в Институте этнографии и фольклора АНМ. Тема его исследования была посвящена реликтам дохристианских верований в традиционной культуре гагаузов. В написанных им эссе и рассказах содержатся размышления о судьбах гагаузов, их истории. Автор утверждает, что православие для гагаузов явилось благом: «И замечательно, превосходно, что так случилось, что гагаузы — христиане, да еще православные... Гагаузы — один из немногих тюркских народов, принявших православие»³⁸⁰.

Дальнейшие размышления, на наш взгляд, основаны на том исследовательском опыте этнографа, который получил Г. Недов, учась в докторантуре. Автор пишет о языческо-христианском синкретизме, свойственном гагаузской культуре: «Верования сегодняшних гагаузов — это загадочный, но обаятельный букет сюжетов из Библии на греческой основе и обрядов и обычаев, языческих по своей сути, но все это на греческом языке. Необычайность этого явления запечатлена в материальной и духовной культуре гагаузских сел. Например, в доме икона, а во дворе очаг кочевника. Обычай

³⁷⁸ Кириогло В. Эхо души ... С. 20.

³⁷⁹ Там же. С. 20.

³⁸⁰ Недов-Топал Г. Белые голуби над степью. Стихи, рассказы о гагаузах и их соседях. Эссе. Кишинев: Museum, 1999. С.75.

посещать усопших родителей по сути своей языческий, но приуроченный к Великому или Чистому четвергу»³⁸¹.

В своей пьесе о голоде («Жертвы голода») Т. Занет представляет яркий образ пожилой женщины — матери семейства по имени Иванна. Бабушка Иванна — человек глубоко верующий, воспитала в этом духе своего сына. Когда в ее дом заходит группа людей для того, чтобы изъять продукты, она заводит с ними беседу и возмущается их действиями и всем происходящим. Когда пришедшие сели за стол, чтобы выпить вина и закусить, бабушка Иванна собралась прочитать перед трапезой молитву, но ее сразу одернули и сказали, что бога нет. Возмущению пожилой женщины не было предела: «Как это, Бога нет?» В первом акте пьесы затевается спор. Когда бабушка говорит, что им всем срочно надо идти в церковь и замаливать свои грехи, односельчанин по имени Ради грубо ее обрывает, сообщая о том, что те, кто ходит в церковь, ставит препоны власти. Затем также безапелляционно заявляет о сносе сельской церкви³⁸². Далее представитель власти говорит прямо: «Бога нет!» Бабушку Иванну это не только удивляет, но и приводит в ужас. Она не может спокойно реагировать на такое богохульство и старается вразумить незваного гостя: «Ты в грех не входи, так как земля тебя не примет...» Эти люди настолько циничны, что глумятся над теми, кто умер от голода. Пожилая женщина не может прийти в себя после услышанного и только повторяет: «О, Боже, Боже, прости их!»³⁸³

Ответ атеисту находим в стихотворении В. Кириогло, своей верой утверждая существование Бога³⁸⁴:

Отец всемогущий, пускай Твоё имя
От края до края прославит народ
За точность планет, проплывающих мимо,
Небес синеву в отражении вод.
.....
За сына, который был послан на крест,
Любовь, одолевшую ада врата,
За всё, что Ты сделал, за то, что Ты есть,
И Ты — не душевнобольного мечта.
(«Отец всемогущий, пускай твое имя...»)

* * *

Итак, в восприятии родины наблюдается единство среди писателей гагаузского происхождения, принадлежащих разным поколениям.

³⁸¹ Недов-Топал Г. Белые голуби над степью. Стихи, рассказы о гагаузах и их соседях. Эссе. Кишинев: Museum, 1999. С. 75-76.

³⁸² Zanet T. Aaçlık kurbannarı. Ankara: Be. y., 2009. С. 36.

³⁸³ Там же. С. 36.

³⁸⁴ Кириогло В. В ожидании Христа ... С. 10.

Это единство выражается в выявленных нами единых ключевых конструкциях и словах. Например, почти все писатели воспевают Буджак и буджакскую степь. Ключевые тематические конструкции, используемые всеми авторами: природа, пейзажи Буджака, Родина — родной дом, большая и малая Родина. Общность в творчестве гагаузских писателей наблюдается в сакрализации родного края. Писатели достигают эффекта сакрализации посредством ряда приемов: путем сравнения родины с волшебной сказкой, в представлении о том, что Родина — это судьба, в восхвалении Родины и поклонении ей, в признании и чувстве долга перед родиной, в готовности жертвовать собой во имя родины.

Ключевыми словами (маркерами буджакской степи), наиболее часто встречаемые при описании родины, являются следующие: пшеница, золотая пшеница, колосья пшеницы, подсолнух, сады, виноградники, виноград, тополь, акация, полынь, синее небо, жара, зной,.. Эпитеты, которыми авторы наделяют Буджак, — красивый, прекрасный, теплый, гостеприимный.

Как показало исследование, стихотворений, посвященных родному языку, гораздо меньше, чем произведений о родном крае.

Ключевыми смысловыми конструкциями являются восхищение красотой (звучанием) гагаузского языка, его мелодичностью. Авторы выражают тревогу в связи с тем, что гагаузский язык очень медленно расширяет сферу своего функционирования, что на нем перестают говорить даже в селах. Сакрализация родного языка проявляется в сравнении его с Мадонной, с возлюбленной.

Религиозная идентичность проявляется в обращении к Богу с просьбой защитить родных и близких, в стихотворениях на библейские сюжеты, в стихах о церковных праздниках, в произведениях (стихах), где демонстрируется знание библейских канонов.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что в перечне идентификационных характеристик и компонентов этнического самосознания региональная идентичность стоит на первом месте.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ГАГАУЗОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Основной целью данной главы является рассмотрение представлений гагаузов о далеких и близких предках, об этнической территории, об общности происхождения. Кроме того, обзорно будет представлено восприятие отдельных исторических событий, сыгравших значимую роль в истории гагаузской этнической общности. В связи с этим мы решили включить в главу три параграфа в соответствии с основными этапами этнической истории гагаузов — «добалканский», «балканский» и «бессарабский». Данная периодизация, принятая в гагаузоведении, в известной мере условна, но вполне приемлема.

§ 1. «Добалканский» период в истории гагаузов

Впервые история гагаузов и их предков отражена в историческом романе Диониса Танасоглу «Узун керван» («Долгий караван»), опубликованном в 1985 г. Разумеется, как любой роман, данное произведение сугубо художественное, с авторским вымыслом, видением, фантазией. В этом романе отражены исторические события, в нем соблюдена определенная историческая хронология. Д. Танасоглу попытался выстроить историю древних тюрков в соответствии с теми событиями, на фоне которых протекала жизнь многочисленных племен и народов на обширных просторах евразийских степей.

Мы, в свою очередь, попытались выявить, какими источниками мог пользоваться Д. Танасоглу. Некоторые главы романа, главным образом те, в которых излагается история далеких предков гагаузов — древних тюрков, свидетельствуют о том, что автор находился под влиянием сочинения Льва Гумилева «Древние тюрки», изданного в 1967 г. на основе кандидатской диссертации, защищенной им в 1961 г.

Учитывая тот факт, что роман Д. Танасоглу был опубликован в 1985 г., можно с определенной долей уверенности предположить, что писатель был хорошо знаком с работой Л. Гумилева. Отношение к Л. Гумилеву в среде историков было и остается неоднозначным. Ряд специалистов квалифицируют его труды как альтернативную историю. Это касается, прежде всего, книги Льва Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», в которой он выдвигает очень спорную «пассионарную» теорию этногенеза. Одним из положений данной теории является связь этносов и их развития с природными ландшафтами.

В тюркоязычных республиках бывшего СССР работы Л. Гумилева, напротив, стали настольными книгами для историков, а к личности самого Л. Гумилева там относятся с большим почтением и пиететом. Доказательством тому служит открытие в 1996 г. в Казахстане Евразийского государственного университета, носящего его имя. Это учебное заведение основано на базе слияния двух вузов — Целиноградского инженерно-строительного института (ЦИСИ) и Целиноградского педагогического института. При университете действует музей Л. Гумилева. В 2005 г. в Казани Гумилеву был установлен памятник, на котором высечены слова: «Русскому человеку, всю жизнь защищавшему татар от клеветы»³⁸⁵.

Не исключено, что идеями Льва Гумилева Д. Танасоглу особо заинтересовался при общении со своими азербайджанскими коллегами, во время подготовки к защите кандидатской диссертации, которая состоялась в Баку.

Очевидно, что, помимо сочинений Л. Гумилева, Д. Танасоглу (как историк по образованию) был знаком с летописью «Алексиада», составленной Анной Комниной, с русскими летописями («Повесть временных лет») и другими источниками, а также с трудами П. Голубовского, в частности — «Печенеги, торки, половцы до нашествия татар» (1884 г.), в которых содержатся сведения о контактах торков (узов) в том числе и с Русью.

Из других тюркских эпических сказаний, которыми мог пользоваться Д. Танасоглу, можно назвать тюркский героический эпос «Книга моего деда Коркута». Письменный вариант этого эпоса появился в XVI в. Но в устной литературной традиции он известен еще в XI–XII вв. В нем изложены картины военной и хозяйственной жизни огузов, их нравы и обычаи в эпоху феодальных отношений. Однако следует учитывать, что это произведение не историческое, а поэтическое, которое принято называть былинно-сказочным эпическим памятником.

Приведем некоторые аргументы, подтверждающие в той или иной степени наши предположения.

Во-первых, в первой части романа автор упоминает о нормах обычного права огузов, описывает положение женщины в семье, повествует о родовых связях, о том, что, несмотря на наличие полигамии, свойственной родоплеменному строю огузов, их женщины наделялись большими правами и имели значительное влияние на мужчин. Всё это свидетельствует о том, что Д. Танасоглу действительно был хорошо знаком с тюркским героическим эпосом.

Во-вторых, одним из персонажей данного эпоса является певец-сказитель — озан. Именно это и побудило Д. Танасоглу ввести в повествование образ своего, гагаузского, сказителя, которого автор назвал каушчу-пиет-

³⁸⁵ Официальный сайт Евразийского государственного университета: <http://www.enu.kz/ru/o-enu/gumilyov/> (дата обращения: 13.08.2022).

чи — поэт (сказитель), играющий на кауше (гагаузский струнный музыкальный инструмент, наподобие скрипки).

В-третьих, Д. Танасоглу излагает историю далеких предков (древних тюрок) в соответствии с той хронологией, которую представляет Л. Гумилев: миграция пятисот семейств рода Ашина (Ашуна) из Северного Китая на Алтай, создание и распад Тюркского каганата на Западный и Восточный.

В-четвертых, возможное влияние идей Л. Н. Гумилева (пассионарная теория этногенеза) обнаруживается и в стремлении Д. Танасоглу показать, что жизнь и формирование тюркских этносов, в том числе и гагаузов, происходит в условиях степи. Д. Танасоглу четко показывает, что для предков гагаузов родными были евразийские степи, добруджанские (на территории современной Болгарии) и буджакские степи. В этом случае налицо при-верженность писателя теории Л. Н. Гумилева, одним из положений которой является тесная связь этносов с ландшафтом.

Текст романа свидетельствует о том, что Д. Танасоглу познакомился и с работами таких известных историков, как В. В. Бартольд, С. П. Толстов, М. И. Артамонов, С. Г. Агаджанов и др.

По сути, сам роман можно назвать хронотопом, т. к. главным художественным образом в нем выступает Время. В этом времени и происходило формирование мощного этнического массива тюркоязычных племен, которые впоследствии вошли в этногенез гагаузов и других тюркских народов. Не случайно главным персонажем романа является «старец аксакал, древний „каушчу-пиегчи“, воплощенный в образе сказителя, знающего о древних корнях народа». В его уста Д. Танасоглу вкладывает слова, отражающие основную мысль романа: «Нет народа без истории, нет истории без народа».

Сказитель повествует историю предков, осуществляя связь поколений: *«Правду эту знает прославленный мастер Время, бесконечная Жизнь. Они настраивают мой старый кауш, наполняют его эхом старины — памятью поколений, которая не теряется, а лишь забывается»*³⁸⁶. На наш взгляд, кауш, не только в произведении Д. Танасоглу, но и в сочинениях других гагаузских писателей, главным образом поэтов, предстает как отдельный персонаж и олицетворяет собой образ времени, образ прошлого. В качестве доказательства приведем строки из стихотворения С. Куроглу (1989), где в емкой и лаконичной форме представлены этапы этнической истории гагаузов, которая берет свое начало на прародине тюркских народов — Алтае:

Пел кауш, пространство обнимая,
Пел о том, как при большой Луне,
Предки шли из горного Алтая,
Песнь-судьба летела на коне.

³⁸⁶ **Танасоглу Д.** Узун керван (Долгий караван). Роман. Кишинев: Литература артистикэ, 1985. С. 14.

Струны музыкант перебирает,
А кауш поет, звенит, вещает:
Прадед — житель солнечных Балкан,
Дед родился здесь, средь молдаван.

Аксакал-кауш, старик, прохожий,
я люблю старинный твой мотив.
Ты красиво и достойно прожил,
Для потомков голос сохранив³⁸⁷.

(С. Куроглу, «Струны». перевод Б. Примерова)

В оригинале данное стихотворение выглядит следующим образом:

Кауш авалары

Гежә алчаклара конмуш,
Уйукламаа бир ер аарээр.
Йакыннарда чалэр кауш,
Долайлара сеси даалэр.
Ихтияр елиннайн чалгыдҗы
Унук аркушлар кауштан
Сөкер ава өлә аҗы,
Санырсын ки копэр бир жан.
Кауш сеси — дедә сеси.
Гөрерим сансын, заманда
Гагаузун сенселеси
Керван айдарды Куманда³⁸⁸.

Напевы струн (1977 г.)

Ночь опустилась на землю
И ищет место для сна.
Где-то вблизи играет кауш,
И его звук раздается по всей округе.
Музыкант морщинистыми пальцами
Перебирает струны кауша
И так грустно и жалобно играет,
Что сердце разрывается.
Голос кауша — это голос предков.
Я словно вижу, как в былые времена
Предок гагаузов
Вел караван своего рода.

Так же, как и в романе Д. Танасоглу, в стихотворении С. Куроглу присутствуют два основных образа: образ кауша, символизирующего голос предков, доносящийся издалека, и образ каравана, представляющего тот пространственно-временной континуум, в котором происходил длительный процесс формирования гагаузской этнической общности.

Стихотворение С. Куроглу было написано на восемь лет раньше, чем роман Д. Танасоглу. В нем образ кауша абсолютно совпадает с тем образом, который представлен в романе. Обоих поэтов связывало не только писательское ремесло, но и многолетняя дружба. Тот энтузиазм и творческий порыв, возникший в период этнокультурного подъема после принятия гагаузской письменности, способствовал консолидации представителей творческой

³⁸⁷ Куроглу С. Родословное древо. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 15.

³⁸⁸ Куроглу С. Кауш авалары (Напевы струн). Стихи. Кишинев: Литература артистикэ, 1977. С. 6-7. Стихотворение «Мелодии кауша», переведенное с оригинала и вошедшее в сборник «Напевы струн», было переведено на русский язык и опубликовано в сборнике «Родословное древо» под названием «Струны» (см. выше).

интеллигенции из числа гагаузов. Гагаузские писатели состояли членами Союза писателей МССР, а некоторые входили в Союз писателей СССР. Постоянное участие в различных форумах, обсуждение насущных тем, касающихся истории и культуры гагаузов, встречи с земляками — всё это объединяло гагаузских писателей, повышало уровень их этнического самосознания. Не удивительно, что мыслили они в унисон, и у них формировались единые сюжеты и образы, отражающие самобытный характер традиционной культуры народа, которому они принадлежали. Поэтому сложно сказать, находился ли Д. Танасоглу под влиянием образа кауша как символа прошлого, автором которого был С. Куроглу, или данный образ уже вызрел и оформился к тому времени в сознании Д. Танасоглу.

Не вызывает сомнений, что именно С. Куроглу, историк и этнографу, который хорошо был знаком с научными работами известных специалистов в области тюркологии и востоковедения, а также досконально изучил тюркский героический эпос, принадлежит первенство в создании как образа сказителя-каушчу, так и образа каравана, символизирующего время и историю тюркских предков гагаузов.

История предков воплощалась и в произведениях изобразительного искусства. Примером тому служит творчество гагаузского художника Дмитрия Савастина. На одной из его картин (графика) на фоне степи изображена девушка-гагаузка, играющая на кауше, силуэт волка вдалеке. По мнению М. Н. Губогло, «на картине „Сказание о сером волке“ гагаузского художника Дмитрия Савастина молодая гагаузка исполняет на трехструнной национальной скрипке ностальгические мелодии, вызывающие ассоциации с исходом кочевых предков гагаузов со своей исторической прародины. Путь им указывает прародитель — легендарный серый волк, изображенный устремленным вдаль, в верхней части картины»³⁸⁹. Кауш, равно как и волк (впоследствии изображенный на флаге гагаузов до создания АТО Гагаузия), выступают как символы памяти о прошлом и медиаторы между прошлым и настоящим. Писатели и художники пробуждают своими творениями память о прошлом, призывая не терять межпоколенную связь.

Само название романа «Узун керван», что в переводе означает «Долгий караван», — тот пространственно-временной континуум, в котором происходило, как полагает автор, зарождение тюркского этноса в целом и этнического ядра гагаузов — озузских племен в частности. Фактически Д. Танасоглу считает обширную территорию евразийских степей — родиной предков гагаузов.

Д. Танасоглу начинает свое повествование с глубокой древности, определяя исход «долгого каравана» из монгольских степей, затем переносится на Алтай — очаг формирования тюркской общности. Двигаясь вперед, караван

³⁸⁹ Губогло М. Н. Именем языка. М.: Наука, 2006. С. 84.

никогда не покидал степь. Она (степь) сопровождала его на всем протяжении долгого пути: Алтайские степи, Приаралье, степи Северного Причерноморья (Южнорусские степи), степная зона Балканского полуострова (Добруджа, причерноморские степи нынешней Болгарии) и, наконец, Буджакская степь. На протяжении всего времени происходит взаимодействие многочисленных племен и народов.

Отвечая на вопрос молодого гагауза о том, оставили ли эти народы что-то после себя и являются ли они предками гагаузов, сказитель-каушчу говорит: «Оставили, конечно, оставили: на каменных плитах, надгробьях, стоянках; до наших дней дошли предания, песни, сказки, обычаи, обряды и праздники, как говорят аксакалы, все они — как глубокое зеркало, отражающее просторы Великой степи, откуда как бы живыми смотрят из глубин веков Скифы, Сарматы, Гунны и Тюрки-Огузы, Хазары и Древние Булгары, Аланы и Авары, Уйгуры и Кыргызы, Печенеги и Кипчаки, древние Монголы, Татары-кидане... Многие из них являются предками разных современных народов. Понятно, что среди них находятся и предки гагаузов»³⁹⁰.

Именно на обширной территории евразийских степей проходила жизнь не одного поколения предков тюркоязычных народов. Д. Танасоглу считает Евразийскую степь колыбелью тюркской цивилизации: «От дальних рек Онона, Керулена и Орхона до Дуная! Это — та волшебная степь, что с древнейших времен в своих бескрайних объятиях растила и дала Свету много разных племен и наречий, скитавшихся от места к месту со своими отарами овец и коз, стадами коров, быков, табунами лошадей, пася их на протяжении долгих времен... И многие из них с пользой великой вошли в человеческую историю, дорогие мои, такие, как наши предки тюрки-огузы, древние булгары, уйгуры, кипчаки»³⁹¹.

Как видим, в приведенном отрывке писатель очень емко представил этническое разнообразие тюркоязычных племен, их основные занятия, благодаря которым они выживали в суровых условиях, и обозначил те этнические компоненты, которые участвовали в формировании предков гагаузов — огузы, кипчаки.

Д. Танасоглу на протяжении всего романа демонстрирует свою приверженность одной из гипотез происхождения гагаузов, которая заключается в том, что основой для формирования гагаузской этнической общности

³⁹⁰ **Танасоглу Д.** Узун керван ... С. 15; В данной главе цитаты из романа даются в переводе на русский язык самим Д. Танасоглу. Перевод некоторых глав был опубликован в журнале «Кодры» в 1992 г.: **Танасоглу Д.** Долгий Караван. Главы из романа. Перевод с гагаузского // Кодры. Молдова литературная, 1992, № 6. С. 137-152; **Тот же автор:** Долгий Караван. Главы из романа. Перевод с гагаузского // Кодры. Молдова литературная, 1992, № 7. С. 131-151; **Тот же автор:** Долгий Караван. Главы из романа. Перевод с гагаузского // Кодры. Молдова литературная, 1992, № 8. С. 107-143.

³⁹¹ **Танасоглу Д.** Узун керван ... С. 14.

послужили огузы, или узы, называемые в древнерусских летописях торками. Несмотря на то, что писатель не отрицает в этногенезе гагаузов участия других тюркоязычных племен (печенегов и куманов), на протяжении всего романа он транслирует мысль о главенствующей роли огузского компонента, который, по его мнению, отразился в этнониме и обозначает хаг-огуз, т. е. настоящий, истинный огуз»³⁹².

Очевидно, что Д. Танасоглу поддерживает гипотезу о происхождении этнонима «гагауз», выдвинутую известным тюркологом-лингвистом Н. Баскаковым, на которого автор романа дает ссылку в своем произведении³⁹³. Отметим, что данную гипотезу не поддерживают другие ученые. Дело в том, что элемент «хак» — арабского происхождения (означает «настоящий, истинный»), и он никак не мог стать частью самоназвания «гагауз», поскольку гагаузы не имели прямых контактов ни с арабами, ни с персами. Впервые в своем романе Д. Танасоглу представляет собственный вариант написания этнонима «гагауз» в виде «гагоуз»³⁹⁴ или даже «гогоуз», заменяя букву «а» на букву «о» с целью подчеркнуть происхождение гагаузов от огузов (узов). Отметим, что в гагаузоведении данную точку зрения ученые не разделяют.

Сказитель, повествуя о предках гагаузов, призывает себе в помощь двух спутников и свидетелей прошлого — Время и Жизнь и говорит: *« Попрошу-ка их на наши посиделки-дернек, чтобы вместе вспоминать и одухотворять образы и деяния сородичей, их борьбу, и узреть, как мы от них пошли и стали теперешним племенем »*³⁹⁵.

Д. Танасоглу, как уже было сказано выше, старается соблюсти хронологию, и это в какой-то степени ему удастся. Историю предков гагаузов он начинает с истории о жизни древних тюрок — потомков рода Ашина. В данной главе автор представляет два хронологических периода в истории предков гагаузов. Первый период — раннее средневековье (история далеких предков — древних тюрок) связывается с такими основными событиями, как образование Тюркского каганата, распад его на Западный и Восточный каганаты, распад Западного каганата. Второй период — история близких предков — огузов, которые основали свое государство в Средней Азии и после его распада, разделившись на три ветви, предприняли миграцию на юг и запад. Описание этих событий содержится в первой книге романа. Вторая книга посвящена балканскому периоду этнической истории гагаузов и связана с историей Османской империи. Третья книга повествует о переселении гагаузов в Южную Бессарабию, их жизни в статусе задунайских колонистов и Комратскому восстанию 1906 г.

³⁹² Танасоглу Д. Узун керван ... С. 15.

³⁹³ Там же. С. 15.

³⁹⁴ Там же. С. 15.

³⁹⁵ Там же. С. 15.

Представленная Д. Танасоглу хронология основных событий не противоречит ключевым историческим фактам. Однако воспринимать роман как историческое повествование, нет никаких оснований, поскольку вымысла и фантазий в нем вполне достаточно, как и в любом другом произведении художественной литературы.

Позволим предположить, что писатель, изучив соответствующую литературу, поставил перед собой задачу из внушительного количества тюркских племен, история которых была связана с постоянной борьбой за существование и сопровождалась процессами этнического размежевания и слияния, вычленил тот этнический компонент (тех огузов), которые впоследствии примут участие в формировании гагаузов. В этой связи Д. Танасоглу строит логическую цепочку и конструирует собственную версию генеалогии. В этой генетической линии представлена реально существовавшая династия Ашина, положившая начало «тюркскому миру».

Тюрки рода Ашина говорили на сянбийском диалекте монгольского языка. Они влились в среду огузов, ассимилировались по языку и дали всему этническому массиву свое название — тюрки, а свой древний сянбийский язык они забыли навсегда.

Предводителем нового этнического образования стала династия Ашуна³⁹⁶. В результате брачного союза тюрка Ашуна и огузки рождается будущий правитель Тюрк-Огуз — вымышленный персонаж³⁹⁷. У Тюрка-Огуза два сына — Истеми и Бумын, которые возглавляют Тюркский каганат, а потом управляют вместе в 604 г. н. э. отколовшейся его западной частью — Западно-тюркским каганатом, простиравшемся от Большого Хингана на Востоке до Арала на западе³⁹⁸.

В действительности такой исторической личности, как Тюрк-огуз, не существовало. В генеалогии Ашина обнаруживается значительный пробел. Именно поэтому Д. Танасоглу умышленно придумывает Тюрк-Огуза и вводит его в канву повествования. Цель писателя — восполнить отсутствующую ветвь в генеалогии и показать непрерывность поколений той части тюркского рода, от которой генеалогические ветви потянутся к другим поколениям — огузам и их правителю Огуз-хану (эпическому герою, основавшему в VIII в. н. э. Огузское государство в Средней Азии), а затем — к отколовшейся части огузов, хак-огузов (истинных огузов), совершивших миграцию на запад в южнорусские степи, перешедших Дунай в 1064 г. и осевших в северо-восточной Болгарии. Именно эти огузы, как считает писатель и ряд исследователей в области истории и лингвистики, явились тем этническим ядром, которое стало основой для будущих гагаузов. Кочевая жизнь предков проходила в постоянном движении на запад.

³⁹⁶ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 18-19.

³⁹⁷ Там же. С. 20.

³⁹⁸ Там же. С. 69.

Следует подробнее остановиться на том, как Д. Танасоглу представляет этнические контакты на территории Великой Степи. Первая межэтническая миксация, на которую указывает автор, — не что иное, как объединение родственных, но разрозненных племен в единый народ, который получил название «огузы». Представители этих родоплеменных единиц, согласно Д. Танасоглу, консолидируются на основе языковой общности: *И речи наши сходятся, понятны всем, — продолжал досказывать худощавый длинный аксакал. Вот вы, канглыицы, говорите „су“ – вода? И мы, телеуты и тубанцы, и толисы, и другие говорим „су“.., а „ат“ – лошадь, „куш“ – птицы, „ог“ – род, „огул“ – сын, „сыыр“ – скотина, „кюн“ – солнце, день, „ай“ – луна, месяц, „гёк“ – небо... и числа одинаковые – „бир“, „ики“, „уч“, „тюрт“³⁹⁹... «Хорошо бы свести наши „оги“ в единый союз. Союз огов станет „ог-узом“⁴⁰⁰... «Да будет так! Объединимся в „ог-узы“!»! Отныне мы все Огузы⁴⁰¹.*

Поясним, что эти племена, родственные по языку, говорили на языках, которые в настоящее время называются тюркскими, но в те времена такого наименования не существовало.

Затем в повествовании возникает на развалинах Западного каганата в VIII в. н. э. Огузская держава, именуемая Д. Танасоглу Огузистаном. Название это вымышленное т. к. оно не зафиксировано в исторических документах. Историк С. А. Агаджанов называет это государственное образование «страной огузов»⁴⁰².

Объективности ради следует указать, что на самом деле это было не государство, а союз племен, который в академической науке принято называть конфедерацией. Д. Танасоглу описывает социальную структуру этого союза племен. На арену выходит новый правитель — эпический герой Огуз-хан.

Огузы контактируют со славянами (урусами), с Камским болгарским царством. Со славянами они торгуют, обмениваются товарами, иногда вступают в конфликты, но чаще — выручают их, сражаясь с общими врагами⁴⁰³. Автор пишет и о том, что огузы называют славян словом «урус», а славяне огузов — «узы», или «торки». Общеизвестно, что название «торки» встречается в русских летописях.

Д. Танасоглу на протяжении всей первой части романа как бы пытается «реабилитировать» кочевников и показать, что они, вопреки устоявшимся стереотипам, вовсе не были грабителями и захватчиками, а мирно обменивались продуктами с земледельцами: «Эти степные кочевники в основном использовали овец, коров, коз, коней, волов, немного обрабатывали землю,

³⁹⁹ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 18.

⁴⁰⁰ Там же. С. 18.

⁴⁰¹ Там же. С. 18.

⁴⁰² Агаджанов С. А. Очерки истории огузов и туркмен IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. С. 50-53.

⁴⁰³ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 46.

но редко и мало. Разные базарные вещи они обменивали у соседних рабочих (чифтчи) людей на предметы животноводства⁴⁰⁴. Таким образом, эти люди не стремились воевать с другими людьми, они были согласны жить в мире, переносить семейные тяготы»⁴⁰⁵... Огузы — люди трудолюбивые, послушные. Среди всех кочевников только они не нападали на сородичей, на другие народы, а добрососедствовали с другими⁴⁰⁶.

Миролюбие предков гагаузов проявляется через их отношения с русичами: *Хак-огузы жили мирно, добрососедствовали с урусами*⁴⁰⁷.

Контакты с печенегами и куманами представлены в виде военных столкновений и конфликтов, что не противоречит историческим реалиям того времени. В этом отношении Д. Танасоглу соблюдает историческую достоверность, указывая на то, что огузы, двигаясь на запад, теснят печенегов и защищаются от куман, которые в свою очередь вытесняют самих огузов.

Межэтнические контакты со славянами отражены в романе и в любовной линии. Так, огуз влюбляется в славянку. Представляя таким образом межэтнические контакты, Д. Танасоглу пытается продемонстрировать самые положительные качества предков — их открытость, доброту, уважение к другим племенам и народам, встреченным на их историческом пути.

Позитивную характеристику предков дополняют достойные качества правителей. Все они — Ашуна, Тюрк-Огуз, Истеми-хан, Бумын, Огуз-хан, Чури-хан — отважные и смелые воины, мудрые и талантливые военачальники, искренние патриоты. Они умеют противостоять невзгодам и неприятностям и с достоинством встречают свою смерть.

Обычные люди у Д. Танасоглу тоже смелые и отважные, готовые пожертвовать собой во имя своей семьи и своего рода. Таковы простые огузы Куруог и его жена Кюлен, которая отличается невероятной смелостью, пытаясь противостоять врагам-куманам. Похищенная и обесчещенная кипчаком, она скрывает свой позор от мужа, т. к. не желает вносить раздор в семью. Она готова простить своему супругу увлечение другими женщинами: «Ты мужчина, я тебя понимаю!»⁴⁰⁸

Описывая распад Огузской державы, автор придерживается установившегося в науке мнения о причинах, приведших к этому финалу. Среди них — постоянные набеги кыпчаков, нападения со стороны Хорезма, отсутствие единства. По мнению Д. Танасоглу, главная причина кроется в раздорах на религиозной почве. Суть распрей состоит в том, что часть огузов начала принимать ислам и составила впоследствии сельджукскую ветвь, давшую начало азербайджанцам и туркам. Другая же часть оставалась

⁴⁰⁴ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 22.

⁴⁰⁵ Там же. С. 23.

⁴⁰⁶ Там же. С. 51.

⁴⁰⁷ Там же. С. 74.

⁴⁰⁸ Там же. С. 42.

язычниками. Именно это и привело к размежеванию и формированию двух противоборствующих сторон⁴⁰⁹. В данном случае размышления Д. Танасоглу строились на основании работ советского историка С. Г. Агаджанова, который являлся одним из ведущих специалистов по истории огузов и туркмен. В ряде своих работ С. Агаджанов подчеркивает, что исламизация огузов началась еще в VIII в. н. э. Именно этот факт и обусловил размежевание в их среде⁴¹⁰.

Огузы, сохранившие преданность старым верованиям и традициям, по мнению Д. Танасоглу, стали называться хак-огузами, т. е. истинными огузами⁴¹¹. Именно они положили начало гагаузскому этносу.

Первая часть романа насыщена описаниями быта, обычаев и обрядов кочевых тюркоязычных племен. Вне всякого сомнения, автор познакомился с разнообразной литературой, в том числе и научной, в которой содержится информация о традиционно-бытовой культуре тюркских народов. Приведем несколько примеров.

Довольно часто Д. Танасоглу описывает особенности кочевого скотоводства, которое предоставляло им все необходимое для жизни — от жилища до еды: *Благодаря животным и катык был, и одежда*⁴¹². Д. Танасоглу в этом предложении применяет лексику *катык* — слово, широко распространенное в тюркских языках. Так, в азербайджанском языке *гатыг* — обозначает простоквашу. У казахов, каракалпаков и др. данный термин в варианте *катык* или *гатыг* имеет аналогичное значение, т. е. *кислое молоко, простокваша*⁴¹³. В гагаузском языке слово *катык* употребляется в значении *вся еда, кроме хлеба*.

Упомянуты в романе и такие известные гагаузам виды продуктов питания, как брынза, *дары боодай* (просяная мука), блюда *буламач*, *булгур*, *хамур чорек* (мучная болтушка, каша, лепешка)...⁴¹⁴

⁴⁰⁹ Там же. С. 70-73.

⁴¹⁰ Агаджанов С. Г. Огузские племена Средней Азии IX – XIII вв. (историко-этнографический очерк) // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Вып. X. М.: Наука, 1971. С. 180.

⁴¹¹ Там же. С. 73-92.

⁴¹² Там же. С. 18.

⁴¹³ Агамалиева С. М. О пище таузского и казахского районов Азербайджанской ССР // Долгожителство в Азербайджане. М.: Наука, 1989. С. 45-120; Гавилов Г. А. Скотоводческое хозяйство Азербайджана в XIX в. (Историко-этнографическое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1988. С. 24-25; Оразов А. Материальная культура прибалханских туркмен в конце XIX – начале XX вв. Ашхабад: Ылым, 1965. С. 50; Трофимчук Н. А. Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана // Казаки. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1930. С. 191; Шаниязов К. Ш. О традиционной пище узбеков // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1972. С. 68; Шарифуллина Ф. Л. Традиционная пища и утварь у касимовских татар // Историческая этнография татарского народа. Казань: Б. и., 1990. С. 68-79. Этнография каракалпаков XIX – начала XX в. (материалы и исследования). Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1980. С. 128.

⁴¹⁴ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 24.

Убранство юрты — жилища кочевника — в какой-то степени напоминает гагаузский дом с открытым очагом: *В юрте снова возводили атешлик*⁴¹⁵, *посередине крыши, чтобы дым выходил. И на улице возводили атешлик*⁴¹⁶. Атешлик в переводе с гагаузского обозначает *огонь, очаг*. Очаг, возводимый внутри жилища, был характерен для гагаузов, а печь, которую кочевники возводили снаружи — не что иное, как гагаузский очаг котлон, который устраивали во дворе дома⁴¹⁷.

Использует Д. Танасоглу и гагаузское слово *дернек* (посиделки): «Огузы сохранили много обычаев, обрядов, игр, песен, шуток, сказок, пословиц, считалок, загадок со своих степей из Селенги и Орхона и другие сочинили. На дернек молодые встречались, играли в игры, шутки говорили, песни пели, играли... Девушки на дернек пряли шерсть, вязали рукавицы, тьюбажик (головной убор), пояс... сидели на шкурах...»⁴¹⁸

В романе встречаются и описания экзотических обычаев древних и более близких предков. Например, сожжение на погребальном костре одной из наложниц; отношения мужчины и женщины; религиозные обряды и т. п. Но чаще всего писатель представляет знакомые для носителей гагаузской культуры и языка, узнаваемые элементы. Разумеется, мы имеем дело с художественным вымыслом. В данном случае силой воображения конструируется близость традиций предков гагаузов с традициями современных гагаузов и их паразитическая живучесть во времени. Безусловно, в традиционно-бытовой культуре гагаузов сохранились некоторые, весьма немногочисленные реликты, восходящие к эпохе их предков — огузов (например, в традициях питания, в терминологии элементов материальной культуры), однако абсолютных аналогий с культурой огузов ученые до сих пор не обнаружили. В упомянутой работе С. А. Агаджанова, посвященной исследованию материальной и духовной культуры огузов, нет упоминания ни о посиделках (дернек), ни о человеческих жертвоприношениях, ни о других традициях⁴¹⁹.

Исходя из приведенных примеров, можно утверждать, что показанные параллели в культуре гагаузов и их предков огузов в большей степени являются вымыслом автора, конструктом. Таким образом, Д. Танасоглу конструирует и преемственность поколений с древнейших времен до наших дней (от предков-огузов до гагаузов).

Впоследствии, в 2004 г. Д. Танасоглу издает Курсе лекций по истории гагаузов, в который также встраивает гагаузов в огузо-тюрский мир и тран-

⁴¹⁵ Атешлик – гаг. огонь, очаг.

⁴¹⁶ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 24.

⁴¹⁷ Никогло Д. Система питания гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев, 2004. С. 69.

⁴¹⁸ Там же. С. 52.

⁴¹⁹ Агаджанов С. Г. Огузские племена Средней Азии IX–XIII вв. (историко-этнографический очерк) // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Вып. X. М.: Наука, 1971. С. 179-193.

слирует свою приверженность к гипотезе тюркского происхождения гагаузов, этническим ядром которых они стали⁴²⁰.

Тема предков звучит и в одном из стихотворений С. Куроглу (1988). Предками гагаузов в нем выступают печенеги:

Голубая юрта печенега —
Небосвод, повисший надо мной...
С детства я люблю смотреть на небо,
Зачарован вечной синевой.
(«Небо в наследство»)⁴²¹

Указание на печенегов вовсе не означает, что С. Куроглу считал их единственными предками. Дело в том, что в стихотворной форме гораздо сложнее отразить какие-то исторические реалии, нежели в прозаических жанрах. Поэтому С. Куроглу упоминает лишь одного из вероятных предков гагаузов — печенегов, родственных огузам по языку и культуре.

В стихотворении «Напевы струн» (1977), строки из которого мы приво-
дили выше, в роли одного из предков выступают куманы:

Кауш сеси — дедә сеси	Голос кауша — голос предка.
Гөрерим сансын заманда	Я словно вижу, как в былые времена
Гагаузун сенселери	Предок гагаузов
Керван айдарды Куманда.	Вел караван своего рода.

Он деведә атлы дедям	На первом верблюде
Каушуну аалагтырэр,	Сидит мой предок куман
Инсаннара долай ердә	И заставляет плакать свой кауш,
Кефлерини аанаттырэр ⁴²² .	Подбадривает людей, едущих с ним.

Как свидетельствуют произведения художественной литературы, гагаузские писатели обнаруживают удивительное единодушие в вопросе происхождения гагаузов. Как и Д. Танасоглу, они считают, что таковыми являются огузы.

Так, в своем стихотворении “Malim hem oguzluk” (Моя бабушка и огузский дух, “огузскость”) (1989), опубликованном в сборнике под названием “Akar yıldız”, поэт Т. Занет в своем воображении рисует далекое прошлое народа, уходящее в глубь веков. При этом он вспоминает похороны своей бабушки⁴²³:

Gömarkän, sandını	Ama gecä konêr
Eşil kapladılar...	Bu zavalı topıraa.
Aarama ardını —	Aklım konak olêr
Artık uçtu yıllar	Gecmiş zamannara.

⁴²⁰ **Tanasoglu D.** Gaguzların istoriyası. Universite kursu. Kişinau: Б. и., 2004.

⁴²¹ **Куроглу С.** Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 28.

⁴²² **Куроглу С.** Кауш авалары (Напевы струн). Стихи. Кишинев: Литература артистикэ, 1977.

⁴²³ **Zanet T.** Akar yıldız. Chişinau: Pontos, 1998. С. 115-116.

И далее — последняя строфа:

Ama gecä, kalkıp,
Çikêrım dıřarı
Da önümdä durêr
Oguz bayrakların
Esil düülmeleri,
Hem Kurt kafasını.

Поэт говорит, что когда он смотрит на гроб бабушки, обитый зеленой тканью, он представляет отважных огузских воинов, которые скачут по степи с зелеными флагами и изображенной на них головой волка.

Когда данное произведение вышло в свет, оно вызвало бурю негодования у гагаузов. В нем многие усмотрели стремление автора причислить гагаузов к мусульманскому миру. Неудивительно, что оно было понято именно так: огузские воины, зеленые флаги, зеленый — символический цвет ислама. Однако мы не склонны усматривать в нем некие «реверансы» в сторону ислама. Скорее всего, Т. Занет находился в тот момент (в 1989) в процессе познания происхождения своего народа, в поиске идентичности. Поэтому и возникла апелляция к огузам (предкам турок, азербайджанцев, туркменов и гагаузов).

Все это выражается им посредством обращения к бабушке, как носителю гагаузской культуры, как к хранителю этой культуры и исторической памяти, как к представителю народа, который ближе всех (по возрасту) находится к тем далеким предкам.

Т. Занету вторит поэтесса из Украины Т. Арнаут, упоминая наряду с огузами печенегов и куман («Эй, младое племя, не забывай об этом!»):

Biz Oguz soyundanız,	Мы из рода огузов,
Türk boyundanız	Тюркского происхождения
Kurêrız kendimizi dedelerimizlän!	Ведем свой счет от наших предков!
Peçenek, poloveţ, kuman	Печенеги, половцы, куманы
Tuna boyunda durgunmuş...	Остановились на берегу Дуная...

Образ каравана, созданный С. Куроглу и Д. Танасоглу, прочно закрепился в сознании творческой элиты как тот дальний путь, по которому предки и последующие поколения шли сквозь века к заветной цели — к обретению себя, к формированию народа, получившего имя «гагаузы». Об этом стихотворение Соны Адиевой «Последний караван»⁴²⁴:

⁴²⁴ Келарь С. Філософія буття. Вірші. Київ: ГСРЛМНМУ, 1998. С. 112. К сожалению, нам не удалось обнаружить оригинального текста данного стихотворения С. Адиевой на гагаузском языке. Поэтому мы приводим его в переводе на украинский.

И ніхто тепер не відшукає
Тих могил огузів, пехливан
І шляху, яким прийшов до краю
Пращурів останній караван.
(Перевод на украинский
С. Келарь)

Не увидеть, не найти заветных
Тех могил огузов, пехливан,
И какой стезёю шел к рассвету
Пращуров последний караван.
(Перевод на русский
Д. Никогло)

На происхождение гагаузов от печенегов, огузов и половцев указывает в своих стихах и прозаических миниатюрах Г. Недов-Топал (1999): *Буджакская степь впитала в себя столько материнских слез, сколько не выпадало на ней утренней росы. Ибо не знали другие степи столько народов, сколько прошло через эту степь, особенно в последнее тысячелетие. Вот и теперь она приютила немногочисленное племя гагаузов — потомков некогда могучего тюркского рода — огузов. (История этого народа интересна — любопытный найдет литературу)*⁴²⁵.

В небольшом эссе, посвященном размышлениям о человеческом бытии и истории, Г. Недов-Топал указывает на то, что *предки гагаузов „огузы“ оставили в южнорусских, южносибирских и приалтайских степях каменных баб и мегалитические постройки... Орхонские надписи, найденные на Енисее, также принадлежат предкам гагаузов*⁴²⁶.

Обратим внимание на то, что автор, как и Д. Танасоглу, не отделяет гагаузов от их вероятных предков — огузов. Не исключено, что Г. Недов-Топал находился под влиянием трудов выдающегося этнографа В. А. Мошкова, который в своих очерках «Гагаузы Бендерского уезда» предположил, что гагаузы — являются потомками огузов⁴²⁷. При этом он не отделял одних от других, фактически указывая на их тождественность друг другу⁴²⁸. По мнению В. Мошкова, эти надписи «оказались принадлежащими тюркскому народу, который сам себя называл Тюрк-Огуз»⁴²⁹. Выстраивая такую цепочку предположений, В. Мошков приходит к гипотетическому выводу о том, что «народ, которому принадлежали орхонские надписи, торки или узы русских летописей и гагаузы — все это один и тот же народ»⁴³⁰. Т. Занет вторит

⁴²⁵ **Недов-Топал Г.** Белые голуби над степью. Стихи. Рассказы о гагаузах и их соседях. Эссе. Кишинев: Museum, 1999. С. 74.

⁴²⁶ **Там же.** С. 90.

⁴²⁷ К высказыванию В. А. Мошкова следует относиться критично, т. к. он не являлся исследователем этногенеза гагаузов, а всего лишь высказал свою точку зрения по данному вопросу. В основном его труд посвящен описанию традиционно-бытовой культуры гагаузов.

⁴²⁸ **Мошков В. А.** Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев: Tipografia Centrală, 2004. С. 15.

⁴²⁹ **Там же.** С. 15.

⁴³⁰ **Мошков В. А.** Указ. соч.. С. 18; На данный момент нам не удалось выяснить, откуда В. Мошков почерпнул информацию о том, что народ, которому принадлежали орхонские надписи, называл себя Тюрк-Огуз.

В. Мошкову и заявляет, что создатели Орхонских надписей — прямые потомки гагаузов:

Etti yalan yazdınız, Ki Balkandan çekileriz biz... Altaydan, Altaydan... Altay kırandan Çeketmiş yola DEDEmiz.	Хватит писать ложь о том, Что мы пришли с Балкан... С Алтая, с Алтая... Алтайских степей Наши предки шли.
---	--

ORHONda yazı yaratıp — Onu dünneyä baaşlayıp, Sadä son-sonuda Burayı erleşip ⁴³¹ .	Наши предки, подарив миру Орхонское письмо — Только в последнее время Здесь устроились.
--	--

В другом стихотворении — “Yaşa, Halkım!” («Да здравствует мой народ!») Т. Занет заявляет, что предками гагаузов он считает гёк-огузов:

Gök-oguz şu dedemiz, Balkannarı kaplamış, Duşmannarı ensemiş, Burada devlet kurmuş ⁴³² .	Гёкогузы — наши предки, Заняли Балканы, Победили врагов И создали здесь государство.
--	---

Поэт Иван Дудогло, публикующийся под псевдонимом Самсон, также считает огузов предками гагаузов. Об этом он говорит в своем стихотворении «Я вижу», в котором, как и в других его стихах, звучит голос «в защиту гуманизма и справедливости»⁴³³. Данное стихотворение погружает читателя в современную эпоху со всеми ее пороками, социальными и нравственными проблемами. Первая строфа повествует о таком явлении, как гастарбайтерство, ставшем неотъемлемой частью жизни нашего общества. Особенно пагубно оно сказывается на малочисленных народах, для которых поступательный отток носителей языка и культуры в другие государства приводит к их демографической несостоятельности, а значит, и к вполне вероятной утрате идентичности. Именно это огорчает поэта до глубины души:

Я вижу толпы гагаузов,
Бегущих в дальние края.
Сыны воинственных огузов
В Босфор кидают якоря.

Общий тон стихотворения — обличительный. Автор клеймит безнравственность общества, особенно чиновников, которые довели народ до нищеты.

⁴³¹ **Zanet T.** Koorlaşmış ateş. Peetlär hem çevirmelär. Chişinău: Pontos, 2013. С. 12.

⁴³² **Там же.** С. 9.

⁴³³ **Топал И.** Против течения (Предисловие к сборнику) // Дудогло И. (Самсон) Откровения. Комрат: Б. и., 2010. С. 4.

В этом контексте обращение к предкам отнюдь не случайно. Поэт убежден, что потомки такого отважного народа, как огузы, не должны позволять чиновникам узурпировать власть. И. Дудогло верит, что терпение народа не безгранично. Могучий дух воинственных предков напомнит гагаузам о себе и побудит их достойно бороться за правду:

Я вижу кучу властелинов, Что воцарилась на престол. Заботой алчущих кретинов Народ до крайности дошел.	Я вижу ярость гагаузов, Бои, громады баррикад, В пыли чиновничьи картузы И победителей — парад ⁴³⁴ .
---	--

Та же тема звучит в стихотворении «Буджак»:

Край многострадальный, Милый мой Буджак! Что стоишь, потупив Очи-солончак?	Кто ж тебе мешает Ворот отогнуть И широкой грудью Нечисть отпихнуть?
В селлах процветают Грязь и нищета. Сторона родная, Ты уже не та.	Аль в твоих-то жилах Не огузов кровь? Или ты не в силах Возродиться вновь? ⁴³⁵

О далеких предках повествует М. А. Дурбайло в своем сочинении (2012), состоящем из двух книг⁴³⁶.

Автор называет свое произведение историко-фантастическим романом, объясняя, это тем, что описанные ею события происходили в далеком прошлом, свидетелей которого уже давно нет. Мария Дурбайло подчеркивает, что до нас дошли только археологические артефакты и «только благодаря фантастике мы можем заглянуть в основу быта и семьи... в гунно-тюркской племенной среде той эпохи»⁴³⁷. Автор ограничивается исключительно историей рода Ашина, его деяниями. В книге два главных персонажа из далекого прошлого: историческое лицо — Ашин и вымышленное — Гюн-Вэй. М. Дурбайло не случайно вводит в повествование Гюн-Вэя. Дело в том, что она стремится показать связь Ашина, положившего начало тюркскому роду, с гуннами, представителем которого, вероятно, является Гюн-Вэй. Впрочем, нам сложно об этом судить, т. к. конкретно о происхождении Гюн-Вэя в романе не сказано.

⁴³⁴ Дудогло И. (Самсон) Откровения. Комрат: Б. и., 2010. С. 50-52.

⁴³⁵ Там же. С. 80-81.

⁴³⁶ Дурбайло М. А. Лебеди несут письмо. Огуз-Картал и его люди. Книга первая. Кишинев: Asomed Plus, 2010; **Тот же автор:** Лебеди несут письмо. Гюн-Вэй и Ашин. Книга вторая. Кишинев: Asomed Plus, 2012.

⁴³⁷ Дурбайло М. А. Лебеди несут письмо. Гюн-Вэй и Ашин. Книга вторая. Кишинев: Asomed Plus, 2012. С. 6.

Первая книга рассказывает о главном герое — юноше-гагаузе по имени Айран, который интересуется своими предками, ищет свои корни. Вторая посвящена истории предков Айрана. Единственный способ добраться до истины в поиске предков — довериться научному знанию, научным методам. Поэтому М. А. Дурбайло говорит о том, что этой проблемой должен заняться Институт древних цивилизаций — учреждение, оснащенное новейшей техникой. Так, на табло появляются сцены из древней истории рода Ашина. Пришедший в Институт за информацией о предках должен сдать ряд анализов и тестов, на основании которых определяются предки и родословная. При этом сопоставляются все антропологические и даже ментальные параметры.

В финале электроника обнаруживает внешнее сходство Айрана с Гюн-Взем и устанавливает, что его род, обосновавшийся в низовьях Арала и Гагана, назывался гаганкиши⁴³⁸... В данном случае автор присоединяется к точке зрения, которую выдвинула лингвист-тюрколог Л. А. Покровская. По ее мнению, этноним «гагауз» — измененное название племени «канга-гуз», проживавшего в Средней Азии в районе озера Горгуз (ныне оз. Балхаш в Казахстане). Затем данное название преобразовалось в гагауз. Таким образом, Л. А. Покровской был выстроен исторический эволюционный ряд: канга-гуз > гагауз > гагауз⁴³⁹.

Стремление автора ввести в канву сюжета Гюн-Взя, который родился и жил на северо-восточной окраине Китая, продиктовано тем, что М. Дурбайло, занимаясь на протяжении нескольких лет изучением фольклора гагаузов, а именно такого жанра, как баллада; находила параллели (мифологемы) с мифологией Китая. Об этом автор пишет в предисловии к сборнику гагаузских баллад, составителем которого она является: «Образ горы, змеи, дерева и тесно связанные с ним мифологемы — небо, звезды, луна, солнце — отражают систему мифологических взглядов предков гагаузов. По этим мифологемам можно судить о преемственности культурных традиций с древнейших времен. Например, сюжет о горе, на которой под деревом лежит змея, был известен в мифологии Китая уже в VII – начале VIII в.»⁴⁴⁰.

Иными словами, в своей научной деятельности М. Дурбайло стремилась к поиску истоков культуры гагаузов, к выявлению наиболее архаичных

⁴³⁸ Там же. С. 174-193.

⁴³⁹ Покровская Л. А. Гагаузский эпоним Ган-киши, восходящий к этнониму «ганга-киши» // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1996–1997 гг. Краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 25-26; **Тот же автор:** Два средневековых этнонима «гагауз» // *Studia linguistica et balcanica*. Памяти А. А. Десницкой. СПб.: Наука, 2001. С. 250-256; **Тот же автор:** К вопросу об этимологии этнонима «гагауз» // *Известия РАН Серия литературы и языка*. Т. 54. № 2. М.: Наука, 1995. С. 79-80; **Тот же автор:** О происхождении этнонима «гагауз» // *Педагогический журнал*, № 2, Кишинев, 1994. С. 59-63.

⁴⁴⁰ Дурбайло М. А. Предисловие // Баллада тюркүлери. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 5-26.

элементов, свидетельствующих о наличии параллелей с далекими предками — древними тюркоязычными племенами. Ту же идею она транслирует в своем сочинении — показывает принадлежность главного героя к тюркскому роду и связь с древними тюрками, которая определяется при помощи новейших научных достижений в лабораториях Института древних цивилизаций⁴⁴¹.

При этом, в отличие от Д. Танасоглу, который конструирует прошлое, но квалифицирует свое произведение как исторический роман, М. А. Дурбайло называет свое сочинение историко-фантастическим романом.

§ 2. «Балканский» период в истории гагаузов

«Балканский» период в истории гагаузов наименее исследован с точки зрения истории. Значимость данной эпохи состоит в том, что в этот период предки гагаузов принимают христианство и переходят на оседлый образ жизни. До сих пор не установлено, когда произошло это важное событие, предопределившее судьбу гагаузов. Многие ученые склоняются к тому, что, если будет найден ответ на данный вопрос, то проблема происхождения гагаузов будет решена гораздо проще. Однако до сих пор никаких изысканий в этой области нет. Существуют только предположения, не оснащенные убедительной аргументацией. Сомнения не вызывает только положение о том, что предки гагаузов приняли христианство еще до покорения Балканского полуострова турками-османами. Иначе, оставаясь язычниками, огузы и другие тюркские племена, вошедшие в состав будущих гагаузов, после прихода османов, могли бы принять ислам под влиянием завоевателей, говоривших на родственном наречии.

В художественной литературе гагаузов этот исторический период также получает свою интерпретацию, основанную на художественном вымысле.

В романе Д. Танасоглу «Узун керван» описывается жизнь огузов, прибывших на Балканы. Они воюют с византийцами, затем принимают христианство, устанавливая добрососедские отношения с болгарями. Балканы становятся для огузов новой родиной. Неслучайно писатель называет данную главу «Балканда йуртлук», что в переводе с гагаузского означает «Родина Балканы».

Вторая часть романа еще в большей степени, чем первая, изобилует фантазией автора. Это касается утверждений о существовании в XI–XII вв. церковных книг на огузском языке, о наличии у гагаузов государства на Балканах, о существовании этнонима *хакогуз*, об отправлении огузами на Балканах обряда жертвоприношения человека, а также о существовании в

⁴⁴¹ Следует еще раз подчеркнуть, что созданная М. Дурбайло историческая линия – не что иное, как миф о происхождении гагаузов, элементы которого встречаются и у других авторов, в частности у Д. Танасоглу.

период средневековья Огузского государства в Северо-Восточной Болгарии и др.

На самом деле не существовало никакого Огузского или Гагаузского государства. Это было Добруджанское деспотство (княжество), отделившееся от Второго Болгарского царства⁴⁴². В одном из последних исследований болгарский ученый Г. Атанасов, опираясь на археологические материалы, доказал, что основным населением Добруджанского княжества были тюркоязычные куманы, а правители этой своего рода автономии также были выходцами из этого племени. Однако нет никаких документов и источников, свидетельствующих о наличии на территории Болгарии именно «огузской/гагаузской державы». Г. Атанасов считает, что именно из этого населения впоследствии сформировались гагаузы⁴⁴³.

Напомним, что часть огузов, которая мигрировала на запад северным путем через степи Причерноморья, вследствие церковного раскола, произошедшего еще в степях Приаралья, оставалась язычниками. В летописях их называли *узми*, в русских летописях — *торками*. Д. Танасоглу, пытаясь показать отличие, нарекает их именем *хакогузы*, демонстрируя свою приверженность одной из точек зрения на происхождение этнонима «гагауз», согласно которому слово «гагауз» восходит к *хакогуз* и означает «настоящий, истинный огуз»⁴⁴⁴. Вероятно, к хакогузам, по мнению писателя, относились именно огузы-язычники, не принявшие ислам.

Д. Танасоглу демонстрирует преемственность, непрерывность рода огузов и пишет о том, что хакогузы (узы/торки) основали на Балканах свое государство — княжество (бейлик) под названием Узи (в реальности Добруджанское деспотство). Писатель подчеркивает, что константинопольский патриарх уговаривал хакогузов принять христианство. Однако они продолжали молиться своим богам. Новая вера насаждалась насильно.

Одного из героев романа — хакогуза Сундубая с супругой силой привели в церковь и совершили обряды, обратив их в христианство. В конце их насильно заставили вкусить «ай-комкайы»⁴⁴⁵, перекрестили, поднесли для целования кресты и иконы, надели на них белые рубашки, окропили святой водой⁴⁴⁶.

Хакогузы смиряются со своей судьбой: *А с другой стороны, некоторые сдавались, как будто обычаи и службы новой веры начали им подходить. Вскоре Сундубай забыл о страхах, смирился и начал с супругой ходить в церковь, когда детей своих еще не обратил в новую веру, только дома показывал и объяснял некоторые вещи. Священники дали им несколько книжек с картинками*

⁴⁴² Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Велико Търново: Фабер, 2009. С. 440-442.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ См. Глава IV, § 1.

⁴⁴⁵ Название обряда причащения у гагаузов.

⁴⁴⁶ Танасоглу Д. Узун керван (Долгий караван). Роман. Кишинев: Литература артистикэ, 1985. С. 97.

на огузском языке, крестик, иконку, и они смотрели на них. Тех, кто ходил в церковь, попы учили читать и писать греческие буквы. Но приходили и болгарские священники. Они в своих селах проводили служение на болгарском языке, учили болгарским буквам⁴⁴⁷.

Вымысел автора состоит в том, что он говорит о существовании письменности (церковной литературы) на огузском языке, имея в виду караманлийскую религиозную литературу, написанную на тюркском языке греческими буквами.

События второй книги романа охватывают период с XI по XVII в. Очевидно, что Д. Танасоглу в приведенном выше отрывке описывает принятие христианства огузами в XI–XIII вв., когда тюркские кочевые племена только адаптировались к новым условиям жизни. Известно, что караманлийская литература появилась гораздо позже. Исследователи отмечают, что «с 1711 по 1935 гг. вышли в свет около тысячи наименований книг на языке „караманли“». Некоторые произведения караманлийской литературы в течение XIX в. стали частью духовной культуры гагаузов⁴⁴⁸. Сведений о том, что данная литература существовала в XI или XII в. в настоящее время нет.

Д. Танасоглу показывает, что новая вера принимается не спонтанно, а осмысленно, с осознанием социально-политической целесообразности.

Огузы обладали собственной военной организацией. У них был свой предводитель — Арслан, который, посоветовавшись с сановниками, решает крестить прежде всего своих воинов: *Арслан бей думал, что с принятием этой веры будет легче налаживать связи с другими государствами, и, может быть, византийцы станут на них смотреть по-иному. С другой стороны, это необходимо сделать огузам, чтобы они вели себя лучше и начали осваивать книги и познавать другие культуры. Решил сначала крестить воинов⁴⁴⁹. Произойдет великий исторический акт: хакогузы примут христианство!*⁴⁵⁰

Смена парадигмы отразилась не только в переходе на оседлость и принятии новой веры, но и в изменении имен. Хакогузам начали давать болгарские имена, а те, кто этого не желал, оставляли прежние, огузские имена⁴⁵¹.

Жизнь предков на новой родине проходит как в борьбе, так и в относительно спокойном ритме. По словам П. Чеботаря, «Д. Танасоглу четко уловил и передал в романе аксиому исторического развития: жизнь есть борьба — за выживание, с враждебными силами, с природной стихией. И на Балканах борьба не прекращалась. Непродолжительные отрезки сравнительного спокойствия сменялись противоречиями и антагонизмами. Лилась

⁴⁴⁷ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 98.

⁴⁴⁸ Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Chişinău: Pontos. С. 3-4.

⁴⁴⁹ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 119.

⁴⁵⁰ Там же. С. 120.

⁴⁵¹ Там же. С. 120.

кровь. Но народ в самые критические моменты своей истории находил в себе дополнительные силы, консолидировался, и снова караван отправлялся в путь»⁴⁵².

П. Чеботарь очень точно поясняет метафору долгого каравана: караван движется не только сквозь пространство, но и преодолевает трудности на своем пути, закаляясь и становясь сильнее. В данном случае караван — не только долгий путь, но и поиск себя, т. е. поиск своей идентичности.

Историческая канва в данной главе представлена слабо. Но это вполне объяснимо, т. к. «в распоряжении автора романа была весьма скудная литература. Творческое воображение дорисовало недостающие звенья...»⁴⁵³

Исходя из содержания романа, можно сказать, что сам Д. Танасоглу не отрицает участия в формировании гагаузов сельджукского компонента, т. е. поддерживает в том числе и гипотезу о сельджукском происхождении гагаузов. Суть ее состоит в том, что флот сельджуков во главе с султаном Иезеттдтном Кейкавусом в середине XIII в. бросил якорь на берегу Черного моря между Балчиком и Варной. Именно там была основана так называемая Огузская держава (Узи), которая помогала Византии в борьбе против болгар. К этой гипотезе присоединялись многие ученые: востоковеды П. Виттек и М. Губоглу, Ат. Манов, И. Х. Узунчарышлы⁴⁵⁴.

Замысел Д. Танасоглу вполне соответствовал его приверженности к той точке зрения, что в этногенезе гагаузов доминировал огузский компонент. Ему непременно надо было свести в своем повествовании две ветви огузов — западную, хакогузскую, которая перешла Дунай, и сельджукскую огузскую, направившуюся в малую Азию. Цель автора — усилить на Балканах огузский компонент, чтобы впоследствии иметь право говорить о том, что он сыграл решающую роль в этногенезе гагаузов. Поэтому Д. Танасоглу сводит вместе хакогузов и сельджуков, показывая их тесное взаимодействие и сотрудничество. Он пишет, что сельджуки Иезетдина Кейкавуса принимали христианство, укрепляли Огузское государство: *Разместившись в белюках, сельджукские воины понемногу стали втягиваться в веру, поскольку понимали язык, помогали в работе и женились даже на местных девушках. Это был план Кайкауза, для того чтобы держать народ в послушании и постепенно обратить их в ислам, чтобы смешались с сельджуками. Но вышло наоборот: некоторые сельджуки становились христианами, по желанию девушки, языки и обычаи тоже не очень смешивались, потому что сельджуков было меньшинство*⁴⁵⁵.

⁴⁵² Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература /50-80-е гг. 20 в./ Очерки. Кишинев: Штиинца, 1993. Сс. 29.

⁴⁵³ Там же. С. 29.

⁴⁵⁴ Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов // Советская этнография, № 3 май-июнь. 1967. С. 159-167.

⁴⁵⁵ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 139-140.

В данном случае автор признает и вероятность того, что турки-сельджуки могли принять христианство, хотя для такого предположения нет никаких оснований. Несостоятельность этого предположения была доказана исследователями⁴⁵⁶.

В галерее персонажей второй части — исторические личности: правители Добруджанского деспотства — Балик, Добротица, Иуанжу (Иванко Добричоглу). Добруджанское деспотство располагалось на земле, именуемой Карбонум Терра. Писатель называет эту территорию «Добруджанской родиной». Не обходит автор вниманием и результаты правления Добротицы, при котором были установлены дипломатические связи с Генуей и Венецией⁴⁵⁷. Описывая деяния Иуанжу, Д. Танасоглу приписывает ему дружеские отношения с османами и даже то, что он принял ислам. Следствием этих добрых отношений явилась благосклонность османов к Иуванжу, которая выразилась в их покровительстве и решении предоставить Добротической земле автономии⁴⁵⁸.

Неприятие гагаузами власти османов Д. Танасоглу объясняет так: *Народ, увидев, что языки схожи, что они тюркского происхождения, послушно принимает приход нового хозяина и их традиции, но понял, что из-за другой веры, и особенно султанов, визирей, жадности пашей, их заставят забыть о родстве, и это положит начало насилию. Гагаузы же не хотят оставаться под гнетом султана, все время восстают и вместе с другими народами борются против угнетателей. Однако их сильно подавляют воины⁴⁵⁹. Храбрые поднимаются в леса на битву и становятся хайдутами⁴⁶⁰.*

В романе обозначено, что Добруджанское деспотство, т. е. Карбонум терра — явилась административной единицей Османской империи под вымышленным названием Узиэялет, что не соответствует исторической действительности. Писатель утверждает, что эта земля была названа так потому, что ее основное население составляли огузы. При этом Д. Танасоглу дает понять читателям, что это была именно гагаузская автономия⁴⁶¹.

При чтении романа невольно возникает ощущение, что писатель неоднозначно относится к тем изменениям, которые происходят с «караваном» в период его пребывания на Балканах. Кажется, что в душе автора, с одной стороны, возникает сожаление о том, что в новых условиях утрачивается связь с предками (огузами), с другой — он не может не понимать, что происходящие изменения (принятие христианства и т. п.) были неизбежны, необходимы и носили вполне закономерный характер.

⁴⁵⁶ Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Велико Търново: Фабер, 2009.

⁴⁵⁷ Танасоглу Д. Узун керван ... С.161.

⁴⁵⁸ Там же. С. 160; с. 162-163.

⁴⁵⁹ Там же. С. 163.

⁴⁶⁰ Там же. С. 164.

⁴⁶¹ Там же.

Во второй части прослеживается частое указание на родство с тюркскими народами. В этом отношении интерес представляет один из разделов под названием «Встреча родственников». Родственниками Д. Танасоглу называют огузов, прибывших в 1064 г., куман, осевших несколько позже, татар и османов.

Но в то же время в романе вторая глава пронизана темой борьбы гагаузов с османами, которых они считали своими врагами.

В канву повествования Д. Танасоглу вводит любовную линию. Девушка Лянка и молодой парень по имени Оглан любят друг друга чистой и искренней любовью. Но отец Лянки предпочитает выдать ее замуж за богатого турка-османа, восплававшего страстью к красавице-гагаузке. Девушка подчиняется воле отца, чем заставляет страдать своего возлюбленного Оглана. Находясь на корабле своего мужа-османа, она принимает фатальное решение покончить собой и бросается в Дунай. Д. Танасоглу для оживления повествования вкрапляет сюжет известной гагаузской баллады о девушке Лянке, которая бросилась в воды Дуная, чтобы только не стать наложницей турка. Существует также легенда о сорока девушках, бросившихся в Черное море, не желая стать наложницами османов⁴⁶². В Каварне (Болгария) на берегу моря по сюжету этой легенды был установлен памятник.

Писатель последовательно представляет традиционно-бытовую сторону жизни гагаузов. Примечательно, что Д. Танасоглу в начале второй части повествует о том, как предки гагаузов не желали расставаться со старой верой, как они продолжали отправлять языческие обряды: *Начали хак-огузы сильнее молиться Тенгри-гёкю⁴⁶³, Солнцу, месяцу, земле, старые обряды чаще стали проводить, чтобы избавиться от бед!*⁴⁶⁴

Впечатляет вымышленный сюжет о человеческом жертвоприношении, которое совершали огузы в первые годы после переселения на Балканы. Чтобы избежать неприятностей и потерь, следовало принести в жертву человека: *По поверью шаманов, бей должен был принести в жертву своего сына⁴⁶⁵. Сын бея на рассвете простился с землей, с гаснущими звездами, любимым конем, со своей жизнью. Его одели в белую рубашку, дали ему выпить крепкое зелье, и он совсем расслабился, не помнил себя. Люди под руки⁴⁶⁶ отвели его в специальное далекое место на вершине горы, зажгли большой костер из ореховых веток и положили в него красивого и послушного как дитя Еймуре (сын бея). Он сгорел. Люди верили, что душа этой жертвы поднялась вверх к Тянгри-гёкю, и он решит, принимать или нет эту жертву⁴⁶⁷.*

⁴⁶² Алексиев А. Легенды за Калиакра // Чиракман. Карвуна. Каварна. София: Издательство на отечествения фронт, 1982. С. 110-112.

⁴⁶³ Гёк Тенгри – одно из главных божеств в тюркском пантеоне богов.

⁴⁶⁴ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 98.

⁴⁶⁵ Там же. С. 111.

⁴⁶⁶ Там же. С. 111.

⁴⁶⁷ Там же. С. 112.

Д. Танасоглу стремится показать плавный переход к новой вере и новому образу жизни, обрисовывая при помощи воображения, каким образом происходило этнокультурное взаимодействие двух этнокультурных традиций, носителями которых, с одной стороны, являлись огузы (хакогузы) — язычники, с другой — христианское население Балканского полуострова.

Примером этнокультурной интерференции являются свадебные обряды, которые, по мнению писателя, *проводились, как раньше, но смешивались с христианскими обрядами, например венчанием в церкви... Многие танцы хакогузы перенимали у византийцев, болгар, сельджуков и других соседей <...> Столы накрыты, гости сидят на земле вокруг стола на шкурах животных, подогнув ноги под себя. Едят баранину, а кости выкидывают собакам через плечо*⁴⁶⁸.

Важно, что при описании балканского периода в истории гагаузов Д. Танасоглу упоминает такой праздник народного календаря как Хедерлез, совпадающий в христианском православном календаре с праздником святого Георгия (23 апреля/6 мая). Информация об этом празднике довольно скудна, подробности отсутствуют. Автор описывает эмоции, которые вызывают действия, совершаемые в этот день: *Вот и настал день Хедерлез! Большой праздник! Праздник совершеннолетия! Праздник тех, кто защищал родину! С раннего утра гудит Девлет Кыры: все собрались, <...>, пришли молодые парни, готовые пройти самые сложные испытания. С разрешения бей, специальные слуги с горящими факелами в руках по обычаю зажигают большой огонь, громко кричат, и праздник начинается! Соревнования проходили одно за другим, молодые старались победить, пройти все испытания и получить звание бей, военное оружие. Разнообразные сложные состязания проходили на суше, море, в горах, лесах. Люди смотрят с удивлением, кричат, ждут, смеются, радуются... праздник очень хороший и красиво проходит...*⁴⁶⁹

Д. Танасоглу придает этому празднику огромное значение, подчеркивая, что в прошлом во время его отправления совершалась инициация юношей — посвящение их в воины, которые должны были защищать свою родину.

Балканскому периоду в истории гагаузов посвящены сочинения и других писателей гагаузского происхождения. В основном это поэтические произведения.

С. С. Куроглу стал первым, кто посвятил несколько стихотворений исторической родине гагаузов — Балканам («Балкан» («Балканы»)⁴⁷⁰ и «Аннат, Балкан» («Расскажите, Балканы»)⁴⁷¹.

⁴⁶⁸ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 146.

⁴⁶⁹ Там же. С. 102.

⁴⁷⁰ Куроглу С. Кызгын чийләр (Горячая роса). Стихлар. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1974. С. 41-42.

⁴⁷¹ Там же. С. 39-40.

Балканы, Балканы!
пристанище мое,
временами — родной дом,
иногда — каменная крепость.

Балканы, Балканы,
приветствую вас!
Балканы, Балканы!
Болгарская земля!

Я был одним
из твоих сыновей.
Пришел в Буджак,
как гость.

Буджак — мой новый дом.
Жизнь прошла,
Обратно не вернется.
Дом другой — родная земля.

(С. Куроглу, «Балкан»)

Панорама далекого прошлого Балкан освещается в стихотворении «Аннат, Балкан!» («Расскажите, Балканы!»). Поэт повествует о драматических событиях османского времени, об отважных гайдуках, сражавшихся против османов. Примечательно, что С. С. Куроглу подчеркивает роль Балкан как места, где нашли себе пристанище многие племена и народы (надо полагать, что в том числе и тюркоязычные предки гагаузов):

Расскажите, Балканы,
через что вы прошли
в сложные времена,
кому протянули руку?

— Не одна сирота
от ненависти османов
днем и ночью
скрывалась у меня.

Не один народ
нашел счастье
под моим
дружеским кровом.

Только гайдуки,
которые спустились с гор,
истребили здесь
много врагов.

Говорит народ
в один голос:
«Спасибо, Балканы,
спасшие нас!»

В стихотворении “Кауш авалары” («Напевы струн»)⁴⁷² С. Куроглу представляет своего предка-гагауза, жившего на Балканах:

Гөрерим сансын, Балканда,
Тарафында огузларын,
Ихтияр дедәм каушунда
Булэр ески авалары.

Как будто я вижу на Балканах
В гагаузской стороне,
Как старый предок
Наигрывает старые мелодии.

⁴⁷² Куроглу С. Кауш авалары (Напевы струн). Стихлар. Кишинев: Литература артистикэ, 1977. С. 6-7.

Каушлара ени гүннәр
Гөзәл авалары дүзер.
Чаләр кауш. Ени сесләр
Сыжак лүзгержикли есер.

В настоящее время
Для кауша пишутся новые песни.
Играет кауш новые мелодии,
Веет теплый ветер.

Еще одно упоминание о Балканах находим в стихотворении Т. Занета “Yaşa, Halkım!” («Да здравствует мой народ!»). Поэт заявляет, что огузы, пришедшие с евразийских степей, создали на Балканах государство:

Gök-oguz şü dedemiz,
Balkannarı kaplamış,
Duşmannarı ensemiş,
Burada devlet kurmuş⁴⁷³.

Гёкогузы — наши предки,
Заняли Балканы,
Победили врагов
И создали здесь государство.

Как видим Т. Занет также вслед за Д. Танасоглу утверждает, что на Балканах существовало Огузское государство.

Если в стихотворениях болгарских поэтов имеет место обращение к предкам болгар в лице исторических личностей — ханов Аспаруха и Кубрата, имеющих статус символов-культурных героев, то в гагаузской поэзии (в том числе и в данном стихотворении) содержится апелляция только к предполагаемым далеким тюркоязычным предкам гагузов — гёкогузам без упоминания исторических личностей. В рассматриваемом стихотворении в ярко выраженной поэтической форме автор представляет собственный взгляд на происхождение гагаузов и героизирует их предков, которым удалось, по его мнению, создать гагаузское государство.

Наше исследование показало, что кроме обозначенных нами произведений упоминание о Балканах не встречается больше ни в одном стихотворении.

Память о пребывании на Балканах сохранилась у гагаузов в их балладах. Так же, как и Д. Танасоглу, С. Куроглу в одном из своих стихотворений вспоминает о хайдутах — народных воинах, боровшихся с несправедливостью. Об этом стихотворение «На свадьбе»⁴⁷⁴. Общеизвестно, что ни одна традиционная гагаузская свадьба не обходилась без распевания народных песен. Среди них, кроме песенных миниатюр комического содержания, исполнялись и песни с драматическими сюжетами, повествующими о тяжелой судьбе женщин и мужчин, о борьбе народа против поработителей и угнетателей.

Люди сидели на свадьбе
И затянули старую песню.
И прошлое словно возникло передо мной.
Я вспомнил своего деда.
Высоко на холмах

⁴⁷³ Zaneț T. Koorlaşmış ateş. Peetlär hem çevirmelär. Chişinău: Pontos, 2013. С. 19.

⁴⁷⁴ Куроглу С. Кызгын чийләр (Горячая роса). Стихлар. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1974. С. 46-47.

Раскинулись прохладные леса.
В этих лесах живут хайдуты.
Под одной сосной горит костер,
Вокруг него лежат хайдуты.
Хайдут со шрамом на лице
Поет песню громовым голосом:
— Плывающее в небе облако — моя крыша.
На лугах молодая трава — мое ложе.
Прохладная вода из ручья — мое вино.
Бездыханное тело врага — мой хлеб.
Моя мечта — спасти людей.

Упоминание Балкан как очага формирования гагаузской этнической общности содержится в стихотворении Виталия Бошкова — уроженца села Кубей Одесской области (Украина). Для поэта Балканы, Дунай — это колыбель гагаузов, начало жизни народа:

Дунай, Дунай

Дунай, Дунай! Как небесная жила
Ты течешь по высоким Балканам.
И народ мой, подобно золотой нити,
Украшает холмы Балкан.
Дунай, Дунай, ты, как колыбель,
Качаешь любимых детей.
.....
.....
Дунай, Дунай, твои воды стремительны,
Как будто Дунай — начало жизни.
Уважает тебя каждый гагауз,
Как ребенок собственную мать⁴⁷⁵.

Общеизвестно, что племена печенегов, узов, половцев не оставили заметных следов в ареале Дунайско-Днестровского междуречья, а использовали его как транзитный коридор на пути к дунайским берегам⁴⁷⁶.

В стихотворении «Спаситель» И. Дудогло представляет период пребывания огузов в Буджаке перед их переходом через Дунай. Там, по ту сторону Дуная их ждала новая жизнь, новая вера. И. Дудогло пытается отразить приближение этого эпохального для предков гагаузов события и показать его закономерность и неизбежность. Герои его стихотворения — язычники-огузы,

⁴⁷⁵ **Бошков В.** Верилмиш атеш. Одесса: Маяк, 2004. С. 8.

⁴⁷⁶ **И. Ф. Грек.** Буджак: история земли и населения (VII в. до н. э. – XXI в.). Кишинев, Stratum Plus, 2016. С. 44.

уставшие и измотанные бесконечными передвижениями и столкновениями с теснившими их куманами. Они еще не знают, что Спаситель уже близко⁴⁷⁷:

По диким и знойным степям Буджака,
Где нет ни пути, ни дороги.
Блуждают огузы. На них свысока
Взирает Спаситель в тревоге.
Блуждают они, проклиная судьбу,
А выхода вовсе не видно.
Без пищи и крова шагают во тьму,
Их доля весьма незавидна.
Напрасно их вождь временами не спит,
Напрасно не хочет признаться,
Где путь избавленья народа лежит,
Не может и он догадаться.
И горько вздыхают, зашедши в тупик,
Огузы и их предводитель.
Не чувт они, что пред ними возник
И машет рукой их Спаситель.

Поэт достаточно ясно говорит о сути новой веры — христианства, которая положит конец родоплеменным отношениям («научит их жить без вождей на земле»), по законам которых кочевые племена, в том числе и огузы, жили до этого времени:

Он машет рукою, зовет их к себе,
Тот путь к избавленью укажет,
Научит их жить без вождей на земле,
И клятвою дружбы обяжет.

Балканский период в истории гагаузов воспринимается поэтессой из Украины Тудорой Арнаут как очень важный отрезок времени, который ознаменовал начало формирования гагаузской этнической общности. Т. Арнаут следует уже заданной Д. Танасоглу мифологеме о наличии прагосударства гагаузов на территории Болгарии под названием Узи-эялет⁴⁷⁸:

Печенеги, половцы, куманы
Остановливались на берегу Дуная,
Жили в дружбе,
Государство Узи создали.

⁴⁷⁷ Дудогло И. (Самсон) Откровения. Стихи. Комрат: Б. и., 2010. С. 21-22.

⁴⁷⁸ Булгар С., Димчогло Ю. История гагаузов Украины. Одесса: Астропринт, 2017. С. 335.

§ 3. «Бессарабский» период в истории гагаузов

Данный хронологический период, как и предыдущие, отражен в романе Д. Танасоглу «Узун керван». Писатель, следуя исторической логике, среди причин, заставивших гагаузов переселиться в Южную Бессарабию, называет русско-турецкие войны, которые нарушали привычный уклад жизни, наносили ущерб хозяйству и приводили в ярость османов, терпевших в этих войнах поражение. У гагаузов был один выход — переселиться в Российскую империю. Так, большой караван продолжил путь и, покинув Добруджанские степи, направился к степям Буджака.

Д. Танасоглу, передавая драматичность этого события, подчеркивает, что гагаузы не хотели покидать Балканы: *После того, как перешли на другую сторону, все поцеловали новую землю и, повернувшись к Буджаку, говорили: „Слава богу“. Некоторые поворачивались лицом к Балканам, покинутым родным местам, и становились на колени. Они плакали, как будто хоронили погибшего сородича*⁴⁷⁹.

Писатель учитывает все детали переселения и поселения на новом месте. У автора отрицательное отношение к местным боярам, которые старались эксплуатировать гагаузов. Таковым является боярин по фамилии Негру: *Боярин Негру должен был вначале усмирить беженцев. Держал их в сарае с блохами и мухами. Все, что было у них на повозках съедобное, отдал свиньям, а людей держал в голоде. Женщины и дети плакали, но никто их не слышал*⁴⁸⁰.

Далее Д. Танасоглу упоминает об остальных важных событиях: об антикрепостнической борьбе гагаузов в первые годы после переселения, о присвоении статуса колонистов в 1819 г., о ликвидации этого статуса в 1871 г. в связи с проводившимися реформами и т. п. Нет нужды подробно рассматривать это в связи с тем, что повествование в романе больше напоминает лекцию по истории задунайских переселенцев.

Положительными характеристиками писатель наделяет русских: *Народ говорил, что жить с русскими будет хорошо, поскольку они хорошие люди. Русские выступают как антиподы османов: Люди вспоминали, как вели себя османы в таких случаях: заставляли их кормить, воду носить, чтобы они ноги мыли, поить и кормить их коней и потом мучали молодых женщин. А русские ничего не трогали, сразу было видно, что честные и чистые люди*⁴⁸¹.

Добрые отношения у гагаузов складываются с молдаванами, болгарями. Протестные настроения у гагаузов возникают по причине социальной несправедливости, которую проявляют местные помещики.

Среди исторических личностей автор выделяет М. И. Кутузова, который задолго до выхода Указа Сената о присвоении задунайским переселенцам

⁴⁷⁹ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 224.

⁴⁸⁰ Там же. С. 255.

⁴⁸¹ Там же. С. 239.

статуса колонистов уже определил перечень льгот. Положительной характеристики заслуживает попечитель колонистов И. Н. Инзов: *Инзов защищал этих людей не только от помещиков, но и защищал их обычаи... По приказу Инзова в селе построили деревянную церковь, пришел поп, при церкви открыли школу, некоторых детей поп обучал читать церковные книги*⁴⁸²... *Инзов же думал о народе и приказал общинам построить амбары в каждом селе, чтобы было что раздавать голодным; построить каменные мосты, колодцы, родники*⁴⁸³.

Д. Танасоглу глубоко переживает пореформенный период, в результате которого были ликвидированы все льготы. С этих пор, как считает автор, начинается период социальной несправедливости. Следующим событием, имеющим не только социальное, но и этнополитическое значение, стало Комратское восстание 1906 г., произошедшее в рамках русской буржуазной революции 1905–1907 гг., результатом которого явилось провозглашение Комратской Республики, просуществовавшей 6 дней.

В описании традиционно-бытовой культуры гагаузов в романе Д. Танасоглу наблюдается соответствие этнографических тем элементам народной культуры, которые исследовали современные специалисты в области этнологии: *Как бы то ни было, народ жил так, как всегда, как повелось в веках: старались соблюдать все обычаи. Встречались с родственниками, соседями, девушки с парнями. Иногда звали на меджи, девушки сидели на дернек, завязывали животным муску — нитку от сглаза, двери мазали чесноком, чтобы стаи волков не нападали зимой, девушки проводили свадебные обряды, женщины гадали, парни, мужчины проводили конские состязания, дети играли в «германчу», «кер-ферейся», «кер-чепюш», «челик», «бейдя топ», «ешежжик», «челмежжик», «маслу», «ашик», «куран», «хайдутчук»*⁴⁸⁴ ... *Это богатство люди носили с собой, и никто не мог отнять у них это*⁴⁸⁵! *Песни, танцы, сказки, жюмбюшлери, поговорки, афоризмы, разные ремесла люди брали в будущее. <...> девушки выходили за пределы села и устраивали посиделки, пели песни, прыгали через огонь, загадав желание... Парни в седле ходили от огня к огню, прыгали через костер, похищали невест, но девушки убежали. Степь пылает — Йабан йортусу! Смех, веселье, шум*⁴⁸⁶! *По вечерам девушки собирались на «углах улиц» и пели песни, частушки, танцевали хоружжук, проводили разные старые обряды, парни играли на гайде, кавале*^{487, 488}

Описания молодежной одежды соответствуют тому, что зафиксировал в конце XIX в. В. А. Мошков: *Новая мода одежды у парней: на голове паралия,*

⁴⁸² Танасоглу Д. Узун керван ... С. 300.

⁴⁸³ Там же. С. 301.

⁴⁸⁴ Традиционные детские игры гагаузов.

⁴⁸⁵ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 263.

⁴⁸⁶ Там же. С. 264.

⁴⁸⁷ Народные духовые инструменты гагаузов.

⁴⁸⁸ Танасоглу Д. Узун керван ... С. 258.

красная бархатная фланила, хромовые башмаки. А по-старому носили: антери, кюрк, калпак, лапти. В руке ветка зеленого феслена, в зубах цветок. Мода одежды у девушек: белый платок на голове, ..., тонкое сатиновое цветастое платье, белый фартук, на ногах черные емени⁴⁸⁹.

Акцентирует писатель внимание и на таком важном элементе соционормативной культуры, как хору — массовые молодежные гуляния, сопровождаемые танцами, молодежь постоянно находилась под надзором старших: *По воскресеньям стали проводить хору <...> Молодежь была красиво одета, веселилась, выбирали себе йавклу, выйдя на край хору, беседовали. <...> все хотели танцевать и вспомнить молодость*⁴⁹⁰. По образному выражению М. Н. Губогло, хору выполнял функцию ярмарки невест.

Буджакская земля хранит память о прошлом, о предках гагаузов (печенеггах, узах, половцах). Об этом рассказывают чабаны, расположившиеся вокруг костра:

Çoban dastanı

Gecä. Ateş atêr şafkı
yası bayır omuzuna,
korayların uçêr kafi,
çıtır-çıtır yana, yana.

Birkaç çoban ateş boyu
yan gelmişlârdi bu gecä.

.....

Biri söleer: “Dede yurtluu
binnärlän yıl buraları,
reçeneg, oguz, kırçak soyu
burda germiş çadırları...”⁴⁹¹

Дастан чабана

Ночь. Свет от костра
Освещает холмы,
Искры летят
От потрескивающего костра.

Несколько чабанов
Встретились в эту ночь у костра.

.....

Один говорит: «Мой предок рассказывал,
Что на этой земле тысячи лет назад
Раскинули свои шатры
Печенегги, огузы и кыпчаки...»

С. Куроглу, оценивая вклад своих предков, переселившихся с Балкан на земли Буджака, говорит об их трудолюбии и о том, что для гагаузов Буджак — единственная родная земля⁴⁹²:

Coban dastanı

— Birkaç fena Dünnää cengi
buralardan yakıp-geçmiş.
— Bizim bucaklarımız için
benim soyum da can vermiş.

Дастан чабана

— Не одна война прошла по этой земле,
Сжигая все на своем пути.
— Ради наших буджакцев и твой род
Пролил кровь.

⁴⁸⁹ Народные духовые инструменты гагаузов. ... С. 303.

⁴⁹⁰ Танасоглу Д. Указ. соч.. С. 308.

⁴⁹¹ Kuroglu S. Yol yıldızı. Chişinau: Б. и., 2000. С. 32-33.

⁴⁹² Там же. С. 32-33.

— Bu kırları sürmüşük biz,
Çekmişik ilk çizileri...
— Burda duum küüylerimiz,
Mezarları dedelerin...

İnsan kanı, insan teri
Bu topraklarlan karışmış, —
Gagauzun aslı Yeri —
Bucak, Moldova tanınmış.

— Мы первые начали
Возделывать эту землю...
— Здесь родились наши сёла.
И здесь могилы наших предков.

В этой земле смешалась
Людская кровь и пот.
Истинное место гагауза — Буджак,
И это признала Молдова.

Образ чабана несет в себе глубокий символический смысл. Чабан как представитель пастушеской культуры является носителем и хранителем архаичных скотоводческих традиций, которые восходят своими корнями к кочевой скотоводческой культуре предков гагаузов — древним тюркоязычным племенам евразийских степей.

* * *

Подытоживая изложенное в данной главе, отметим: у гагаузских писателей наблюдается единство в представлениях о предках гагаузов. Подавляющее большинство считают таковыми огузов. При этом у некоторых авторов наблюдается тенденция не отделять гагаузов от огузов. На наш взгляд, это обусловлено стремлением показать, что гагаузы являются их прямыми наследниками. Предки — огузы, а также куманы и печенеги — наделены положительными характеристиками. Они мудрые, умные, сильные духом, обладают богатырской силой, смелые воины, умеют преодолевать трудности.

Этнической территорией гагаузов, по мнению ряда писателей, является обширное пространство евразийских степей — от Казахстана, Алтая и вплоть до Буджака и Добруджи.

Авторское воображение конструирует образ прошлого, ключевыми маркерами которого выступают также сконструированные образы сказителя каушчу-пиетчи и образ Времени и Пространства, воплощенные в «долгом караване».

Исходя из изложенного, мы можем констатировать, что писатели создают миф о государственном континуитете, показывая наличие государственности у предков гагаузов и самих гагаузов (Тюркский каганат, Огузистан, Узи, Комратская республика). Основная идея, которая транслируется авторами произведений, состоит в том, что гагаузы — это часть тюркского мира.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГАГАУЗОВ

§ 1. *Отношение к труду*

Трудовая деятельность гагаузского крестьянина протекала в строгом соответствии с календарным циклом, что способствовало четкой организации сельскохозяйственных работ. Буджак по своим природно-географическим характеристикам представлял собой не самый благоприятный для освоения и возделывания регион. Дефицит водных и лесных ресурсов, короткие и малоснежные зимы, жаркое засушливое лето — всё это приводило к весьма печальным последствиям: эрозии почв, засухе, неурожаю и т. п. Именно в этих условиях гагаузы закрепляли свои трудовые навыки, которыми они обладали, проживая еще на территории Болгарии, и продолжали совершенствовать их после переселения в Южную Бессарабию.

Отношение к труду у гагаузов уже рассматривалось в научной литературе и в работах статистического и очеркового характера. Так, в XIX в. автор «Статистического описания Бессарабии... (1822–1828)» С. И. Корнилович отмечал, что переселенцы из-за Дуная, основную массу которых составляли гагаузы и болгары, «были хорошими хлебопашцами, в смысле сеятелями пшеницы»⁴⁹³. В 40-х гг. XIX в. А. А. Скальковский, подтверждая данные наблюдения, назвал поселенцев «весьма хорошими, отличными хлебопашцами»⁴⁹⁴. Используя собственный опыт, переселенцы добились значительных успехов в огородничестве. А. С. Скальковский, называя гагаузов и болгар наравне с немецкими колонистами основателями огороднического дела в крае, отмечает, что именно переселенцы из-за Дуная первыми завели «...поливальные машины, наподобие египетских, и выбрали наиболее удобные местности для заведения хороших огородов и баштанов»⁴⁹⁵.

Как в Болгарии, так и в Бессарабии каждый гагаузский крестьянин разводил домашний скот. Нередко авторы разных лет отмечают, что гагаузы владели навыками во многих видах ремесел⁴⁹⁶. В. А. Мошков, излагая свои впечатления о гагаузах в очерках «Гагаузы Бендерского уезда», писал о том,

⁴⁹³ **Корнилович С. И.** Статистическое описание Бессарабии, собственно, так называемой или Буджака (1822–1828). Аккерман: Издание аккерманского земства, 1889. С. 78–79.

⁴⁹⁴ **Скальковский А. А.** Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса: Тип. Т. Неймана и К^о, 1848. С. 59; 62–65.

⁴⁹⁵ **Там же.** С. 107–109.

⁴⁹⁶ **Маруневич М. В.** Материальная культура гагаузов конца XIX – начала XX в. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 21–66.

что «...это очень способный, энергичный и трудолюбивый народ, который легко сам себе найдет новый заработок даже и в том случае, если, вследствие естественного прироста населения, обеднеет в земельном отношении»⁴⁹⁷. Данное высказывание содержит указание не только на такую черту гагаузов, как трудолюбие, но и включает мнение автора о том, что гагаузы в целях выживания, адаптируясь к не совсем благоприятным условиям, легко находят выход из сложной ситуации.

Трудовая деятельность гагаузов нашла свое отражение в устном народном творчестве и художественной литературе.

Гагаузская фольклорная традиция в области паремии содержит огромное количество изречений, посвященных труду и такой нравственной характеристике, как трудолюбие. На наш взгляд, одной из ключевых является широко распространенная в народе поговорка: *Adamın iisi iştâ belli olâr* (Лучший (человек) определяется (или выявляется) во время работы); (ср. русскую поговорку: Встречают по одежке, провожают по уму). Основным смысл данного изречения заключается в том, что самым главным критерием достойного человека выступает его умение трудиться. Иными словами, если человек трудолюбив, он не может быть плохим.

Так как исследование отношения к труду проводится посредством контент-анализа, мы сочли необходимым предложить для него примерную категориальную сетку, включающую следующие определения: труд как источник существования человека; установка на то, как надо относиться к труду; вознаграждение за труд, труд — гарант жизненного успеха и благосостояния; хлеб как продукт человеческого труда.

Труд как источник существования человека

Во многих жанрах фольклора, в частности в сказках, говорится о том, что ребенка отдают учиться грамоте или какой-либо профессии. Овладение специальностью очень высоко ценилось у гагаузов. По традиции родители определяли, чему следует учить своих детей. В этом случае принято говорить: *Zanaatı olsun, bir parca ekmek kazansın* (Пусть имеет профессию, чтобы смог заработать кусок хлеба). Или: *Vecerikli olsun* (Пусть будет умельцем). Звание мастера своего дела, умельца было очень почетным в обществе. В селе этих людей знали поименно и говорили о них: «Он мастер» (*gag. уста*). Мотив заботы родителей о будущей профессии своих детей звучит в народной сказке «Три умных брата», в которой отец отправляет своих сыновей учиться мастерству плотника и резчика по дереву.

Установка на труд содержится в авторских колыбельных песнях⁴⁹⁸:

⁴⁹⁷ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев: Tipografia Centrală, 2004. С. 12.

⁴⁹⁸ Никогло Д. Е., Сырф В. И. Гагаузская колыбельная песня. Фольклорная и литературная традиции // Revista de etnologie și culturologie. Nr. 5. С. 43.

Büük saalık Allaa versin
Hem da çok kısmet.
Akıllı, cannı olasin
Hem da şeremet!

(Vasilioglu K., “Nani, nani...”)

Чтоб Бог дал тебе крепкое здоровье,
А также много счастья.
Чтоб был ты умным, добрым
И чтобы трудился не покладая рук!

В стихотворении В. Г. Филиоглу призыв трудиться имеет несколько иной смысловой оттенок:

Yum gözçeezini, kızım,
Taa birkaç peet yazayım,
Da gel-geç vakit açan,
Okumaa sän başlaycan,
Kıyşasın yamanmaa,
Vasi dādunu anmaa
 (“Uyku türküsü”)⁴⁹⁹

Закрой глазки, девочка моя,
Еще немного стихов я напишу,
И времена, когда пройдут,
И читать начнешь сама,
И дерзнешь работать сама,
Деда Васю вспоминать.

На наш взгляд, автор высказывает пожелание внучке трудиться, чтобы достичь материального благополучия и самостоятельности.

Установка на отношение к труду

Отношение к труду в ментальности гагаузов серьезное и ответственное: трудиться следует добросовестно, выполнять работу в срок: *Büüinkü işini yarına brakma* (Сегодняшнюю работу на завтра не оставляй); (ср. русский эквивалент: Не оставляй на завтра то, что можно сделать сегодня); *Başlanmış iş yarı kalmaz* (Начатая работа не останется незаконченной); (ср. русский эквивалент: Лиха беда начало).

Леность считается исключительно отрицательным качеством, порочащим человека. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие поговорки: *Alatlama dişlän, alatla işlän* (Не спеши зубами, спеши работой); *Amin sandık dolduramaz* (Молитвы амбары не наполнят); *Tarla dua istämer, kazma ister* (Поле не молитву просит, а прошевку/прополку); *Alemin teeri isitmaz, kendi terin isidir* (Чужой пот тебя не согреет, согреет только свой).

В одном из своих стихотворений на философскую тему, выдающийся гагаузский поэт Д. Н. Карачобан, «размышляя о такой вечной и всеобъемлющей проблеме, как борьба между добром и злом, приходит к выводу, что категория зла включает в себя не только очевидные пороки и само делание зла, но и отсутствие добротворенья, леность»⁵⁰⁰.

Вчера трудился до седьмого пота.
Мне обновленье принесла работа.

⁴⁹⁹ Filioglu V. Ha, tutunalım kol-kola! Comrat: Б. и., 2004. С. 28.

⁵⁰⁰ Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература (50-80-е гг. XX в.). Кишинев: Штиинца, 1993. С. 62.

Все, что не нужно, как рукой сняло.
Я чист. Усталость — благо.
Праздность — зло.

Как известно, обрядовая практика нередко налагает табу на некоторые виды трудовой деятельности. В прошлом гагаузы с особым почтением относились к установленным правилам. Однако жизнь порой диктовала свои законы, и человек вынужден был работать и в религиозный праздник. В этом случае, чтобы не войти в грех, он произносил следующую фразу: *Prost et Allahım! Kurda, kuşa hem benim canıma, ekeriz* (Прости, Господи! Всё это я сею и для насекомых (червей), и для птиц, и для себя/своего пропитания).

Осуждение лени, беспечности и безответственности звучит в рассказе Д. Карачобана «Урок»⁵⁰¹. Семнадцатилетний юноша по имени Трифон поздним вечером сидел дома и беззаботно слушал пластинку. Его позвал отец, который находился во дворе. Так как во дворе было темно, Трифун споткнулся, зацепившись за телегу с мусором, упал и изодрал себе в кровь нос. Мать запричитала возле лежащего и визжащего от боли сына, обвинив своего мужа в том, что он специально вызвал Трифуна во двор. Отец признался, что он сделал это умышленно, чтобы его проучить. Прошлый раз Трифон не убрал вовремя грабли, в результате чего наступил на них и получил древком по лбу, а вчера вечером напоролся на брошенную на лестнице сапу/тяпку, а сегодня — уже на телегу с мусором, которую должен был вывезти со двора, но опять этого не сделал.

Вознаграждение за труд.

Труд — гарант жизненного успеха и благосостояния

Согласно представлениям гагаузов, добросовестный труд всегда вознаграждается и является гарантом жизненного успеха, благосостояния, процветания. В поговорках и благопожеланиях это выражается следующим образом: *Bir gün işleyasin da bir yıl doyunasin* (Один день поработай, весь год сытым будь!); *Çalışkan insana Allaa da yardımeder* (Работающему и Бог помогает); *Varlıktan baş acımaz* (От благосостояния/богатства голова не болит); *Aşk olsun becerennä, yalı kuyuruk tutanna* (Честь и слава умельцу, умножения благосостояния владельцу).

В гагаузской поэзии также встречаются мотивы о вознаграждении за труд. В творчестве Д. Н. Кара-Чобана в двух стихотворениях — «Хей-хей для 1975 года» и «Хей-хей для 1976 года»⁵⁰² — представлены своеобразные авторские новогодние колядки, в которых подводятся итог трудового года и

⁵⁰¹ **Kara Çoban D.** Seçmä yaratmalar. Ankara: Be. y., 2004. С. 291.

⁵⁰² **Там же.** С. 70-76.

высказываются пожелания на будущее. Поэт красочно описывает свое родное село, людей, которые живут в радости.

Это не просто колядки, а своеобразный отчет о проделанной за год работе, о том, как люди трудились. Добросовестный труд крестьян вознаграждается изобилием, благополучием и всего села, и каждой семьи в отдельности:

Колхоз находится в трудолюбивых руках,
Село в красивом убранстве.

.....

Бади Андрей выращивает на своем огороде
Ардей (перец), капусту и баклажаны —
В общем все, что душе угодно.

.....

Мы с колхозом стали сильнее,
Отныне наши закрома не покрыты пылью.
(«Хей-хей для 1975 года»)

Счастьем для поэта считается не только благополучие, но и труд, с помощью которого можно его достичь. Поэтому пожелание трудиться в будущем году — одно из самых важных:

Будьте счастливы, проживите этот
Год в труде и в веселье, с румяными
Щеками. Пусть между вами будет
Мир, а вашим полям — урожай.
(«Хей-хей для 1975 года»)

Вангели — очень хороший работник.
Он даже в обед не отдыхает.
Перчемли Галя получила две медали.
(«Хей-хей для 1976 года»)

В ряде стихотворений С. С. Куроглу, которые звучат как гимн человеку-труженику, прославляются его натруженные руки:

Степь как будто поднимает тосты
за людей горячего труда ...

.....

Так прославим руки трудовые,
Вещее начало всех начал!
(«Песнь о руках человеческих»)⁵⁰³

⁵⁰³ Куроглу С. Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 44.

Или:

Эти руки — как степь, раскаленная летом,
были милой земле пересохшей сродни,
но живую зарю возносили при этом
и свой солнечный хлеб выпекали они.
(«Гимн материнским рукам»)⁵⁰⁴

Важным в представлениях гагаузов считается установка на то, что труд должен быть оплачен деньгами. В пьесе-миниатюре Д. Карачобана «Рабочее время» главный персонаж Серафим Николаевич Ярдымжи славится на всё село тем, что он мастер на все руки. К нему обращаются за помощью даже жители соседних сел. Как-то раз Серафим Николаевич собрался уходить на работу, но к нему начали приходить один за другим односельчане с просьбой отремонтировать кто телевизор, кто кухонный комбайн, кто радио, кто холодильник, кто утюг. При этом каждый из них жаловался на что-то: владелец кухонного комбайна на то, что он стоит слишком дорого, старик преклонного возраста очень просил исправить радио, так как жить ему осталось недолго, но он хочет остаток своих дней слушать радиоточку. Серафим Николаевич, человек по натуре отзывчивый и совестливый, жалеет каждого и помогает совершенно бескорыстно. Его клиенты пользуются этой его слабостью, делят на жалость и денег ему не платят, хотя интересуются, во сколько оценивается работа мастера. Серафим Николаевич очень осторожно, ненавязчиво говорит, что у него нет времени, что он опаздывает на работу. Но односельчане его словно не слышат. В конце концов, за прогулы и опоздания Серафима Николаевича увольняют с работы. Когда он вернулся домой и рассказал об этом одному из своих клиентов, тот с удивлением спросил: «Из-за чего тебя уволили? Ты ведь такой трудолюбивый!» Серафим Николаевич ответил ему, что он опаздывал постоянно и в некоторые дни вовсе не приходил, а это недопустимо, так как любой руководитель хочет, чтобы на работе был порядок.

В этой миниатюре содержится глубокий смысл. Автор дает понять читателю, что любой труд должен быть вознагражден. Мастер не должен в ущерб своему рабочему времени бескорыстно помогать людям, даже самым близким друзьям. Недаром Д. Карачобан наделяет главного персонажа говорящей фамилией Ярдымджи, что в переводе с гагаузского означает «помощник». Не труженик и не работник, а именно помощник, работающий бесплатно.

Кроме того, в пьесе осуждается человеческая непорядочность, критике подвергаются такие пороки, как жадность, эгоизм, бестактность. В уста главного персонажа писатель вкладывает основное представление о труде, которое состоит в том, что везде должен быть порядок, и каждый обязан относиться добросовестно к своим обязанностям.

⁵⁰⁴ Куроглу С. Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 122.

В рассказе Н. Бабоглу “Табеет” («Характер»)⁵⁰⁵ главный герой рассказа Диман Танасоглу трудится всю жизнь не покладая рук. Труд стал для него естественным состоянием в духовном и физическом смысле. Диман Танасоглу трудится усердно, увлеченно, полностью погружаясь в работу и не требуя никакой награды. В отличие от героя Д. Карчобана, его добросовестное отношение к своим обязанностям заметило руководство колхоза и наградило его путевкой в дом отдыха на берегу Черного моря. Но уже на второй день отдыха Диман не мог найти себе места: он заскучал по работе и, чтобы избавиться от скуки, начал спрашивать, не найдется ли для него какая-либо работа. Занятие он себе нашел — подмел двор пансионата. С большим трудом он выдержал несколько дней и, не догуляв положенный ему отпуск, вернулся к себе в родное село. Только на родине он обрел душевное равновесие и покой.

В данном рассказе транслируется образцовый тип трудолюбивого гагауза, соблюдающего традиционные устои. Для него, простого, непритязательного и непривередливого к условиям быта, бездействие, праздное времяпровождение — непозволительная роскошь. Диман только тогда обрел покой, когда вернулся из отпуска домой и приступил к выполнению своих обязанностей.

Хлеб как продукт человеческого труда

В ментальности гагаузов хлеб — это не просто почитаемый продукт человеческого труда, но и мерило нравственных ценностей. Об этом довольно красноречиво говорит народная поговорка, которая изначально была клятвой: «Екмек бени чартсын!» (букв. «Пусть меня убьет (как молния) хлеб!»). Эту народную мудрость С. С. Курогло воплотил в цикле стихотворных миниатюр под названием «Старинные клятвы»:

Если землю любить я не буду
И в любви своей буду не слеп,
За волами ходить я забуду,
И за плугом ходить я забуду —
Пусть тотчас же убьет меня Хлеб!
(«Клятва пахаря»)⁵⁰⁶

Основной отраслью земледелия было хлебопашество. Хлеб для гагауза был основным продуктом, для получения которого прилагались немалые усилия. Поэтому сбор урожая пшеницы являлся настоящим праздником:

Хлебный дух, наполнившийся силой,
водит праздник в Буджаке степном.

⁵⁰⁵ Бабоглу Н. Бужак ежеллери (Буджакские судьбы). Кишинев: Литература артистикэ, 1979.

⁵⁰⁶ Куроглу С. Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 159.

Поэт подчеркивает, что народ бережно относится к хлебу. Для него хлеб и зерно — святыня:

Древний народ мой хранит и поныне,
В землю влюбленный, в живое зерно,
Этот обычай — беречь, как святыню,
Каждую крошку, склоняясь земно.

(«Слово о зерне»)⁵⁰⁷

Бережное отношение к хлебу проявляется в быту гагаузов. Согласно народным поверьям, упавший кусок хлеба надо было поднять и поцеловать. В другом случае, прежде чем разрезать хлеб, следовало осенить его тыльную сторону при помощи ножа крестным знамением. Крошки от хлеба, как правило, не выбрасывали, а съедали или отдавали домашней птице.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в словесном творчестве гагаузов существует довольно четкая и устойчивая установка на труд, который выступает основным источником существования человека. Кроме того, отношение к труду в ментальности гагаузов как к почетному и престижному делу сложилось еще до прихода Советской власти. Лениность как оппозиция труду воспринимается в народе не просто как порок, а настоящее зло. Данные выводы позволяют предположить, что одним из способов, при помощи которого добро побеждает зло (согласно определению центральной зоны культуры), является труд.

Без труда невозможно человеческое существование. Хороший, трудолюбивый человек незаменим. Об этом рассказ Д. Карачобана “Usta hastilandi” («Мастер заболел»)⁵⁰⁸. Мастер по дереву пришел в больницу, т. к. поранился на работе. Вместе с ним пришли все его заказчики. Каждый из них обращается к доктору, чтобы тот поскорее его отпустил, т. к. его ждет много работы: одному дверь надо сделать, другому — решетку установить, третьему — забор сколотить... Доктор на это отвечает: «Я его на две недели положу в больницу, чтобы он сделал кладовку, а потом забирайте его, и пусть он заканчивает вашу работу». В этой шуточной миниатюре в гротескной форме автор показывает, насколько ценен труд хорошего мастера.

С темой отношения к труду связана тема *отношения к богатству и бедности*.

Впервые на это обратил внимание М. Н. Губогло. Исследователь установил, что, судя по некоторым рассказам гагаузских писателей, в гагаузской среде бытовало отрицательное отношение к тем, кто принадлежал к категории так называемых «голан», т. е. голодранцев, не желающих трудиться. Но, на наш взгляд, очень сложно определить отношение авторов к данному явлению.

⁵⁰⁷ Куроглу С. Родословное древо ... С. 120.

⁵⁰⁸ Kara Çoban D. Seçmâ yaratmalar. Ankara: Be. y., 2004. С. 303-304.

Так, в одном из сочинений Н. Бабоглу рассказывается о том, как бедная женщина по имени Арика — мать шестерых детей, муж которой совсем ей не помогал, постоянно и даже навязчиво просила у своих соседей продукты. Ее соседку по имени Софи-баба всё это очень раздражало, и она не скрывала своего раздражения: *Господи, ну что, что еще просить пришла? <...> Ага, пусти тебя на чердак, и ты еще что-то унесешь. Вы, бессовестные, пристали к людям и пока что-то не возьмете, не отстанете. <...> Посмотри на такое соседство! И действительно эти бессовестные и сырое тесто возьмут у людей из таза*⁵⁰⁹.

На наш взгляд, в этом рассказе осуждается не столько отрицательное отношение к бедным, сколько то, что в семье Арики нет нормального, работающего хозяина. Действительно, муж Арики проявляет себя не лучшим образом. Он не помогает жене по хозяйству, в их семье нет согласия. Автор осуждает супруга Арики, который своим безответственным отношением к труду и к жизни создает такую ситуацию, при которой жена вынуждена ходить по соседям и побираться.

Здесь довольно четко прослеживается неприятие тех людей, которые себя ведут недостойно. А такое поведение — это бесхозяйственность, лень, безответственность.

В рассказе “Gaydacı” («Волынщик») представлено иное отношение к бедности. Этот рассказ, по словам П. Чеботаря, «выходит за рамки традиционного мировоззрения гагаузского крестьянина»⁵¹⁰. Главные герои — семейная чета — Андрей и Кирана — живут обычной жизнью сельских людей, но в то же время их отношение к жизни отличается от привычного, традиционного. Дело в том, что Андрей играет на волынке. По воскресениям он ходит играть на центральную площадь села. Его супруга Кирана находится в постоянном смятении. Она очень любит мужа, ей нравится, как он играет, но ее смущает и огорчает то, что Андрей не помогает ей по хозяйству, а поэтому живут они очень скромно и даже бедно.

Конечно, гагаузы сами по себе — народ довольно музыкальный, и к музыке относятся с особым пиететом. Но, как правило, она всегда выступала в качестве хобби, дополнительного заработка, но не была основным занятием. Поэтому общественность традиционно осуждает таких людей, считая их бездельниками.

Соседи сочувствуют Киране: *Если бы муж работал, Кирана тоже была бы хозяйкой, и жена пона здоровалась бы с ней, как с Маринкой. А так Кирана, будто не человек — проходит матушка рядом и даже не видит ее*⁵¹¹.

⁵⁰⁹ Baboglu N. Gagauzların kaderi: Povest. Chişinău: Pontos, 2003. С. 70-74.

⁵¹⁰ Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература // История и культура гагаузов. Chişinău: Pontos 2006. С. 44.

⁵¹¹ Gagauz literaturası. Hrestomatiya X–XI klaslar için. Kişinöv, 2002. С. 202-203.

Реакция на семью Кираны и Андрея разная. Одни осуждают, но жалеют Кирану, а другие стараются унижить и уязвить ее. Так, соседка Маринка пришла к Киране с куском мяса: «Думаю, принесу вам попробовать, так как по хозяйству видно, что парнокопытных во дворе не увидите. Душа болит за тебя, так как в селе вы самые бедные».

На самом деле Маринка слывет неряхой. Все соседи знают, что дети у нее ходят грязные и голодные, а муж без нижнего белья. Семья Маринки живет в достатке, но из-за ее бесхозяйственности в доме нет порядка. В семье же Андрея и Кираны согласие держится на любви.

На наш взгляд, автор стремился привлечь читателей к пониманию такого явления, как творческий труд, который может быть основным занятием человека, единственной его профессией.

Вероятно, Н. Бабоглу хотел подчеркнуть тот факт, что такие творческие люди, как Андрей, сложно адаптируются в обществе, которое дает установку на то, чтобы неустанно и ежедневно трудиться на благо своей семьи. С другой стороны, в рассказе звучит осуждение Андрея, который не работал долгое время, а жил за счет того, что продал участок земли, доставшийся Киране от ее родителей.

В традиционном обществе, когда были еще сильны общинные связи, бедность считалась, если не пороком, то нежелательным явлением. Если кто-то из молодых людей, которые симпатизировали друг другу, был бедным, то родители свое согласие на брак не давали.

В рассказе “Dünürçülük” («Сватовство») Нида (дочь одного из богатых людей села) влюблена в бедного парня по имени Яни — сына пастуха. Отец Ниды непреклонен в своем стремлении помешать влюбленным пожениться и решает отдать Ниду за богатого, но некрасивого парня с физическим изъяном. Основной аргумент отца в том, что она опозорит всю семью, если выйдет замуж за оборванца.

Отец Ниды называет его сорной травой. Чабанов считали необразованными и грубыми бедняками: «Хватит встречаться с этим бедняком Яни! И себя, и нас с матерью позоришь. Разве пристойно, когда он тебе совсем не пара, и его отец с матерью не под стать нам. А то, что эта сорная трава тебе не пара, это и слепой видит. Найдется и твое счастье, дитя мое, с которым не будет стыдно выйти в люди, и жить в достатке будешь. А с этим бедняком до смерти нищая ходить будешь и от голода умирать. <...> А твой Яни разве красивый? Оборванец, с заплатами на коленях»⁵¹².

Отец Ниды не скупится на бранные слова в адрес Яни, называя его “onmadık” (недоделанный), “yaban otu” (сорняк), “donsuz” (без штанов), “düşkün” (падший). В данном случае налицо ненависть и презрение к беднякам. Мы

⁵¹² Gagauz literaturası. Hrestomatiya XXI klaslar için. Kişinöv, 1997. С. 215-225.

полагаем, что автор осуждает не столько бедность, сколько беспечность, неаккуратность, которые приводят к бедности.

Кое-где даже прорывается такая фраза: «Бедняки тоже люди. Плохо живут, но живут».

Автор не принимает ни сторону богатых, ни сторону бедных. Если он говорит о зажиточном, богатом человеке, то непременно показывает способы его обогащения, которые, как правило, незаконны. Таков у автора его герой по имени Манол (“Mumnar saalık için” / «Свечи за здоровье») — председатель колхоза, разворовывающий хозяйство; Диму, отец Нида (“Dünürçülük”), который ради обогащения фактически «продает» свою единственную дочь за богатого, но некрасивого парня, и многие другие персонажи гагаузской литературы.

Бедность у Н. Бабоглу — не результат лени или безделья. Все герои рассмотренных произведений работают. Андрей играет на волынке и становится впоследствии известным музыкантом, пастух Яни пасет овец, Диму добросовестно работает и в праздники, и в будни. Нередко лучшими человеческими качествами авторы наделяют именно людей бедных.

Об отношении к бедноте рассказ С. Булгара “Топал” («Хромой»). Главный герой Костя — очень беден. Он только устроился на работу. Сам он был невысокого роста, но носил вещи на несколько размеров больше. Над Костей все подшучивали, а он, будучи очень честным и открытым, также честно и открыто отвечал каждому на вопрос. Шутки мужчин, с которыми он работал, были порой очень оскорбительными. Его называли дураком. Один из вопросов, который задали ему его сослуживцы — есть ли у него дети. Когда Костя ответил, что у него два сына, мужики с издевкой сказали: «Ты смотри, обезьяна. У дураков и мальчики есть, а у меня все девочки»⁵¹³. За Костю вступился Иван, который пресек насмешки и посоветовал ему не доверяться всем и кому ни попадя.

Отношение к творческому труду

В миниатюре «Общение вокруг да около» Д. Карчобан высказывает свое негативное отношение к безделью и к бессмысленному времяпрепровождению, а также к тем, кто тратит свою жизнь на бесконечные разговоры и замечания в адрес других. Художник по имени Якинф Платонович Синайлы усердно работает в своей мастерской, пишет картины и почти не отдыхает. В его ателье царит творческий беспорядок. К нему приходит его односельчанин Макачка — плотник по профессии, слывущий самым остроумным на селе. Сразу с порога он начинает отпускать шутки в адрес Синайлы, обвиняя его в том, что в его мастерской невыносимо пахнет красками и клеем, что краски у него валяются, где попало: «Где одна из твоих красок? Ты так и не заметил?

⁵¹³ Булгар С. Жанавар йортулары (Волчы праздники). Кишинев: Литература артистикэ, 1990. С. 143.

Я в прошлый раз спрятал твою зеленую краску, думаю, пусть присмотрится. Тебя же обкрадут». В этом рассказе симпатии автора на стороне скромного художника, человека творческой профессии.

Люди творческого труда в представлении односельчан выглядели фанатиками, не от мира сего. Таким был и герой рассказа «Фанатик» Мераклы Туту, который собирал материал для фильмов. Снимал праздники, традиции, потом не выходил из своей лаборатории. Он ел только раз в день, мало спал. Однажды он решил снять фильм про свадьбу. Вечером приданое невесты погрузили в телегу и отвезли жениху. Мераклы бегал туда-сюда, чтобы это все заснять на пленку и не упустить ничего. Гости не понимали, кто это. А Мераклы радовался тому, что он отснял много хорошего материала⁵¹⁴.

Творческим человеком является главный герой рассказа — Илья Афанасьевич Сефали — веселый, душевный. Он тот, кого называют душой компании. Илья Афанасьевич — всеобщий любимец села. Его всегда приглашают на разные мероприятия — праздники, свадьбы, торжества. Он постоянно шутит, но шутит по-доброму, не оскорбляя никого. Придя на второй день свадьбы к хозяевам, Илья Афанасьевич, садясь за стол, приговаривает, смеясь: «Вот так вот, — колбаска, холодец, косточки.., страшенькие голубцы». Потом говорит, также смеясь и подшучивая, что стулья у хозяев слишком жесткие. Он постоянно поет веселые песни.

Хозяева дома, в котором вчера была свадьба, сокрушаются: «Такой хороший вечер вчера был, много людей! Ты чего не пришел? Мы все тебя ждали!»

И только в конце рассказа выясняется, что Илья Афанасьевич Сефали основал художественную школу и преподает в ней историю искусств, рассказывая ученикам об искусстве Греции, Египта, Месопотамии. Автор говорит о нем, как о приветливом, дружелюбном человеке и сравнивает его жизнь и деятельность с собиранием пчелами цветочной пыльцы: «Пчелы, собирая мед, выбирают цветочную пыльцу. Думаю, что хорошие Сефали, Карлсоны, где бы они не находились, своим душевным цветочным спасением внушают людям доброту, создают вокруг себя целые радостные села, города, дружественные республики и целые страны».

Особенность прозы и драматургии Д. Карачобана заключается в том, что автор почти в иносказательной форме выражает свое отношение к тому или иному явлению. Как правило, делает это автор посредством описания поведения своих героев и персонажей, их речи в диалогах и монологах, писатель пытается донести до своего читателя те ценностные установки, которые он принимает или отвергает.

Так, в миниатюре «Навстречу здоровью» Карачобан обрисовывает образ одного из персонажей по имени Гулдурак Хуца, который хвастает перед своим знакомым по имени Синек Антип тем, что раньше ему жилось не так хорошо,

⁵¹⁴ Kara Çoban D. Seçmâ yaratmalar ... С. 184.

как сейчас. Но теперь у него в доме всё в порядке: и собака накормлена, и куры ухоженные и упитанные, и стены в комнатах ровные. При этом, насмехаясь над своим собеседником, он всё время подчеркивает, что у того не так, нет такого. Гулдурак Хуца очень гордится тем, что если раньше он был совсем незаметным, то сейчас к нему все обращаются за помощью. Несомненно, автор осуждает своего главного персонажа за бахвальство и высокомерие, которое он проявляет к своему соседу Антипу Синек, но в то же время вкладывает в его уста фразу: «Когда у меня все хорошо, пускай все будут здоровы». С одной стороны, счастливый и благополучный человек желает счастья другим, что свидетельствует о том, что он доброжелателен, но с другой стороны, автор осуждает его, предполагая, что если бы он был несчастлив и неблагополучен, то никакого пожелания счастья и здоровья в адрес других он никогда бы не высказал.

В ряде своих работ М. Н. Губогло неоднократно подчеркивал ведущую роль гагаузской интеллигенции в процессе этнической мобилизации. Наряду с писателями рождается целая плеяда художников-гагаузов, которые подобно мастерам слова посвящают множество своих произведений Буджаку, изображают на своих полотнах сцены повседневной жизни простых гагаузов и т. п.

Так, Д. Карачобан посвятил два очерка-рассказа известным гагаузским художникам — Дмитрию Савастину и Петру Влаху⁵¹⁵.

Писатель с глубоким уважением относится Д. Савастину, ценит его талант, называя народным художником, с умилением говорит о его суриковской бородке, восхищается манерой общения. Автор подчеркивает доброту своего друга, вспоминая о том, что, проезжая неоднократно через Бешалму, он передавал ему либо пряники, либо бублики, либо что-то из фруктов или овощей. При этом Д. Савастин обёртывал свои подарки в бумагу, на которой были смешные рисунки и записки шуточного содержания: «Я сделал большую, значительную работу. Когда ты увидишь, ошалеешь. Скорей приезжай в Вулканешты!».

Д. Карачобан отмечает начитанность художника, стремление к самосовершенствованию, восхищается самобытным характером его творчества.

Автор вспоминает интервью, которое он взял у Д. Савастина. Со слов художника, он сам является радостным оптимистом, его девиз «Надо верить в лучшее».

Рассказ буквально искрится добротой и юмором.

Так, на вопрос «Сколько гениальных работ вы можете создать за один день?» — Савастин сходу отвечает: «До 12 работ». А на вопрос: «Какая у вас на сегодня слава?» — художник также не задумываясь говорит: «Сельская слава». В этих ответах Савастина содержится указание на его ироничное отношение к самому себе, к своему дару художника. Именно это и подкупало всех, кто с ним общался и знал мастера.

⁵¹⁵ Kara Çoban D. Seçmâ yaratmalar ... С. 317-320.

В конце эссе Д. Карачобан говорит о народном характере творчества Савастина.

Другой очерк автора посвящен творчеству художника-графика Петра Влаха⁵¹⁶. Он был известен на всем пространстве СССР тем, что расписывал народными гагаузскими узорами декоративные тыквы — сусаки. Впоследствии мастер участвовал в создании символической геральдики — первого флага гагаузов, на котором была изображена голова волка. Д. Карачобана и П. Влаха связывали долгие годы дружбы.

Данный очерк, впрочем, как и очерк о Савастине, интересен тем, что в нем раскрывается характер героя и особенности его творческой деятельности. Автор искренне любит и уважает своего друга. Он пишет о том, как П. Влах ходил по гагаузским селам и собирал декоративные тыквы, которые затем превращал в настоящие произведения искусства. Первым вопросом, который он задавал пришедшему к нему Карачобану, был: «Собрал ли ты мне тыквы?»

Процесс создания инкрустированных гагаузскими орнаментами сусак непростой. П. Влаху приходилось разносить семена тыквы по домам и просить хозяев выращивать их специально для него. Сам П. Влах шутил, говоря о том, что, наверное, ему придется обратиться в райисполком, чтобы ему позволили взять патент и заниматься этим. В среде гагаузской творческой интеллигенции, в частности у художников, было принято давать каждому прозвища. Так, у художника Петра Манева было прозвище «Мудрейший», у Савастина — «Тупейший», у П. Влаха — «Сокровище». Д. Карачобан подчеркивает, что П. Влах, маленький и щупленький, собирал возле себя много детей. Они подшучивали над ним, но он никогда не обижался.

От себя добавим, что Д. Карачобан по-дружески, тепло называл П. Влаха гагаузским Тулуз-Лотреком, сравнивая его с выдающимся художником-постимпрессионистом, известным мастером графики. Известно, что Лотрек в детстве сломал шейку бедра, что в результате привело к приостановке роста нижних конечностей и остановке роста вообще. Прозвище гагаузский Тулуз-Лотрек закрепилось за П. Влахом в среде гагаузской творческой интеллигенции. Дело в том, что П. Влах с детства страдал сколиозом и поэтому был невысокого роста. Таким образом, с известным французским постимпрессионистом П. Влаха роднило и внешнее сходство, и ремесло художника-графика. Изредка П. Влах рассказывал самым близким друзьям о том, насколько ему трудно работать, так как у него болят все кости.

Писателя восхищает опрятность П. Влаха: «Ходит он в обноскох, но всегда чистоплотный. В работе он такой же чистоплотный. Как только возьмешься посмотреть его изрисованную тыкву, он, не злясь, говорит: „Осторожно, не запачкай!“» Д. Карачобан подчеркивает, что опрятность друга-художника передавалась другим. Те, кто к нему приходил, осторожно, кончиками пальцев брали его сусаки и очень бережно к ним относились.

⁵¹⁶ **Kara Çoban D.** Seçmâ yaratmalar ... С. 319-322.

По словам Д. Карачобана, П. Влаха — настоящий художник, увлеченный своим ремеслом. Для того чтобы реализовать свои творческие замыслы, он продал свой стереофонический магнитофон и купил большой станок для обработки тыквы. Творческий процесс — дело нелегкое, требующее терпения и время для того, чтобы замысел созрел и осуществился. Писатель вводит нас в атмосферу быта художника, описывает его невзрачную, бедную, с низкими и кривыми потолками комнату, в которой пахло гарью от выжигаемых на тыквах узоров. Впечатляет неприхотливость П. Влаха, который проводил ночь в этой же комнате, засыпая в спальном мешке прямо на полу.

Так же, как и Д. Савастин, П. Влаха старался передать свое мастерство детям. Он работал преподавателем в доме пионеров. «Ему, спокойному, тихому, подходила роль учителя». Писатель искренне радуется успехам своего друга и земляка, он счастлив, что мастерство П. Влаха признали художники всего Советского Союза: «Тысячи людей в Кишиневе, Москве и в других городах смотрят на оригинальные произведения Петра Николаевича Влаха. После окончания выставок художники, критики искусства, музеи приобретают его работы для своих коллекций».

Петру Влаху посвятил одну из своих эпиграмм Иван Топал. В этой эпigramме в лаконичной и, разумеется, шуточной форме автор как бы вторит Д. Карачобану:

Гагаузы-чудаки
Выжигали сусаки.
Очень дорог стал сусак,
Не берут его никак.

Вот читают на дверях
По-английски «Питер Влаха».
И купить желает сэр
Сувенир из ЭС-ЭС-эР.

Слѐг маэстро, нечем жить:
«Быть вопрос или не быть?»
И решил направить он
Бизнесменам их — в Лондон.

Закрывай вопрос, Шекспир,
Хватит Влаху на кефир!⁵¹⁷

Таким образом Д. Карачобан, Н. Бабоглу создавали позитивное представление о людях творческого труда, показывая, что такой труд заслуживает уважения. Среди художников и музыкантов очень много добрых, отзывчивых людей, которые обладают особыми способностями. И Д. Карачобан, и Н. Бабоглу будучи личностями творческими, отличались от других особым восприятием мира, нередко сталкивались с некорректным к себе отношением со стороны земляков. Поэтому в своих рассказах они реабилитируют творческих людей и транслируют установку на уважение к любой деятельности, приносящей человечеству пользу, радость и эстетическое наслаждение.

⁵¹⁷ Антология гагаузской поэзии, Комрат: Б. и., 2010. С. 83.

§ 2. Отношение к представителям старшего поколения

Задунайские переселенцы, в число которых входили и гагаузы, по наблюдениям авторов XIX в. отличались высокой степенью религиозности, особым почитанием семейных устоев домостроя и патриархального уклада.

Еще в конце XIX в. русский этнограф В. А. Мошков, изучавший быт и культуру гагаузов, отмечал, что «строй гагаузской семьи — чисто патриархальный, с сильным преобладанием в ней отцовской власти»⁵¹⁸. Согласно нормам обычного права, во главе семейства всегда стоит старший мужчина, авторитет которого непререкаем. Исследователь подчеркивал, что гагаузы признают строгое воспитание детей, наказывают их довольно строго за проступки⁵¹⁹. В недавнем историческом прошлом гагаузов дочь или сын не могли и не смели перечить воле родителей при заключении брака. От детей требовалось полное и беспрекословное послушание.

Традиционно отношение к представителям старшего поколения у гагаузов было подчеркнуто почтительным. Оно проявлялось не только к мужчинам, но и к старшим по возрасту женщинам в семье, а также старшим по возрасту братьям и сестрам.

Свидетельством уважительного отношения к старшим являлся распространенный у гагаузов обычай целования рук. Так, жених и невеста по традиции целовали у своих родителей колени и подошвы сапог⁵²⁰. Молодые люди, в том числе и мужчины, целовали руки и страшим женщинам. Почтение и уважение к старшим моделирует обычай, согласно которому в течение первых пяти новогодних дней женатые гагаузы вместе со своими женами должны разнести старшим родственникам «по большому пшеничному калачу с положенной на него зарезанной, но не вареной курицей, с куском мяса или куском рыбы»⁵²¹.

Уважение к старшей женщине проявлялось и во время повседневной трапезы при распределении кусков мяса. Если мужчине доставалась бедренная часть курицы, то старшей женщине — задняя часть с хвостиком, что символизировало ее роль как матери семейства и хранительницы домашнего очага⁵²².

⁵¹⁸ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев: Tipografia Centrală, 2004. С. 174.

⁵¹⁹ Там же. С. 179.

⁵²⁰ Там же. С. 180.

⁵²¹ Там же. С. 181.

⁵²² Никоголо Д. Е. Система питания гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев: Б. и., 2004. С. 112-113.

Осуждение равнодушного отношения к представителям старшего поколения

Мотив отношения в гагаузской среде к старшему поколению звучит во многих произведениях. Так, рассказ С. Булгара “Ким билер” («Кто знает») повествует о том, как одна старушка возвращалась из больницы, где она навестила своего мужа. У нее не оказалось денег на обратную дорогу. Сама она была тоже больна и утомлена. Водитель подумал, что она пьяна и отказался ее подвезти. Старушка объясняла водителю, что она ездила к мужу в больницу, но он был непреклонен. Этот разговор слышали двое мужчин, которых она также попросила подвезти ее до села. Один из них решил попросить водителя, чтобы тот помог пожилой женщине, но другой переубедил приятеля под тем предлогом, что вдруг ей станет плохо по дороге. В результате никто так и не помог пожилому больному человеку⁵²³.

С большой заботой и вниманием относится к своим родителям герой рассказа Н. Бабоглу “Томайл Каракллар”⁵²⁴ — молодой сельский доктор, который работает очень добросовестно, но едва сводит концы с концами. Автор показывает, что его герой настолько милосердный и сострадательный, что не допускает мысли покинуть своих пожилых родителей и уехать в поисках лучшей доли: *Bän, bobacıт, — говорил он, — bireri gitmecäm kazanca, yok kimä sizi brakayıт, uşakları kim bakacak?*⁵²⁵ / Я, отец, никуда не поеду, не на кого вас оставить, кто за детьми присмотрит?

Достойное поведение Андрея — главного героя — проявляется в том, что он ухаживает за больными родителями и не гнушается выполнять любую работу — даже ту, которая является исключительно прерогативой женщин.

Критика бюрократизма советского времени содержится в миниатюре Д. Карачобана «Посредник». Пожилой пенсионер приходит к чиновнику и протягивает ему письмо с просьбой открыть небольшой рынок, чтобы сбывать там фрукты и овощи. Пенсионер пытается объяснить причину своего визита, но чиновник, решив, что тот пришел с очередной просьбой о социальной помощи, довольно грубо просит его покинуть кабинет. Старик терпеливо прячет свои бумаги и говорит: *Слушаюсь, слушаюсь. Вы смотрите, дорогой, работайте, чтобы все красиво было... Я эти документы у себя подержу*⁵²⁶.

Главная героиня рассказа “Пытырак Малесиндä” — бабушка Стана очень нуждается в помощи родственников, поскольку страдает от полной потери зрения и даже не мечтает, что зрение когда-нибудь к ней вернется. Супруг Станы — Коч яду просит сына приехать в родительский дом. Но тот с

⁵²³ Булгар С. Жанавар йортулары (Волчьи праздники). Кишинев: Литература артистикэ, 1990. С. 174.

⁵²⁴ Baboglu N. Gagauzların kaderi: Povest. Chişinău: Pontos, 2003. С. 70-74.

⁵²⁵ Baboglu N. Указ. соч., с. 70-74.

⁵²⁶ Kara Çoban D. Seçmä yaratmalar. Ankara: Be. y., 2008. С. 138.

неохотой выслушал просьбу отца отвезти мать в измаильскую больницу на операцию и приехать не торопится, сославшись на то, что сломалась машина, и по этой причине он не в состоянии выполнить просьбу отца. И только сосед Мина, живущий в доме напротив, вызвался помочь: *Хорошо, дядя, завтра я отвезу бабушку Сану в Измаил*⁵²⁷.

Равнодушие по отношению к матери проявляют и персонажи рассказа Г. Недова-Топала «Женщина»⁵²⁸. Героиня данного рассказа — трудолюбивая, безропотная женщина по имени Александра. Она всегда выполняла самую тяжелую работу: грузила тяжелые мешки, делала сырцовые кирпичи, укрепляла балки на крыше... Младшему сыну своими силами построила дом. Ее сыновья живут вдаль от родины и долгое время не приезжали навестить родителей. Александра их ждала, но через какое-то время слегла и умерла. Сыновья же даже на похороны матери так и не приехали. Драматизм ситуации заключается в том, что младший сын Александры продал подаренный ему родителями дом, а вот его дети впоследствии стали приезжать часто, чтобы навещать оставшегося в живых его отца.

Трепетное и заботливое отношение к старшему поколению отражено в рассказе «Долашмак». Внук Алважи — герой рассказа — очень любит свою заболевшую бабушку. По дороге в больницу он купил для нее самый большой торт. При виде бабушки у Алважи сжалось сердце, он еле сдерживал слезы — так она похудела и постарела. Несмотря на свой недуг, бабушка поинтересовалась, как дела у невестки с детьми, у оставшегося на хозяйстве деда и остальных родственников. Алважи передал большой привет от всех и подробно рассказал о том, как обстоят дела в семье, сообщил, что дедушка в понедельник, по сложившейся традиции, пойдет на базар покупать барана. Бабушка поведала внуку, что очень хочет вернуться из больничных стен домой, что «устала лечиться». Искренне заботясь о здоровье бабушки, внук убедил ее остаться ещё какое-то время в больнице под присмотром врачей: *Сейчас весна. Выйдешь, тепло будет, придешь в себя, покушаешь фруктов. И увидишь, как хорошо себя почувствуешь*⁵²⁹.

В традиционном обществе равнодушное отношение к старикам осуждается в гагаузской среде, считается недопустимым, а человек, который повёл себя неподобающе, подлежит всеобщему осуждению. Как правило, если по каким-то причинам пожилые люди оставались одни, им всегда помогали дальние родственники или соседи, а иногда и довольно большой круг соседей по «маалю» (округ).

Хотя заботливое отношение к старикам считалось нормой традиционного гагаузского общества и не являлось редкостью, родители и родственники

⁵²⁷ Булгар С. Жанавар йортулары ... С. 42.

⁵²⁸ Недов Г. Белые голуби над степью. Стихи. Рассказы о гагаузах и их соседях. Эссе. Кишинев: Muzeum, 1999. С. 36-37.

⁵²⁹ Булгар С. Жанавар йортулары ... С. 138.

гордились детьми, воспитанными в духе почитания старших, а односельчане всегда положительно о них отзывались.

Взаимоотношения с бабушками и дедушками

В гагаузской среде представители старшего поколения являются для молодых нравственными ориентирами. Они учат молодежь трудолюбию, жизненной мудрости, доброте, отзывчивости. Об этом рассказ Д. Карачобана «Заслуга» (1984)⁵³⁰.

Главные герои — студентка Априна и ее дедушка Мильчу, к которому она приезжает в гости. Априна растет старательной и аккуратной. Когда она посещает деда, весь его дом начинает сверкать чистотой. Именно такой должна быть будущая хозяйка дома. Но учится Априна средне, на тройки. Всякий раз, рассказывая деду о преподавателях, Априна наделяет их негативными качествами, дает им нелицеприятную характеристику: один — слишком строгий, другой — жадный. Да и в целом, все преподаватели — непонимающие, злые. Получая двойки, девушка очень огорчается. Но вот однажды Априна приходит домой с четверкой и не может нарадоваться. Учитель по фамилии Тюпаев, по словам Априны, — тихий, скромный, засыпает порой на лекциях, чем вызывает насмешки студентов, которые в шутку прячут его галоши. Затем Априна получает по тому же предмету пятерку, и опять фамилия Тюпаев не сходит с ее уст. Дедушка Мильчу советует Априне подарить преподавателю что-нибудь. Они долго размышляют над тем, какой именно подарок ему сделать, и тут к Мильчу приходит идея купить Тюпаеву бабочку для костюма. Дед Априны предлагает преподнести именно этот подарок, потому что сам мечтает давно о таком же.

В этом рассказе прослеживаются ценностные установки традиционного общества, согласно которым, человек, поступивший по-доброму по отношению к другому, обязательно должен быть вознагражден, т. е. на добрые поступки следует отвечать благодарностью. Самым лучшим подарком для такого человека, по представлению деда Мильчу, будет тот, о котором мечтает сам дед Мильчу. Подарок при этом не воспринимается дарителем как взятка, а исключительно как благодарность. В глубине души дедушка огорчен, что его внука так неуважительно отзывается о своих преподавателях. Поэтому тонкий знаток человеческой души автор — Д. Карачобан — показывает, как ненавязчиво происходит воспитание младшего поколения. В самом рассказе не показано напрямую, как деду Мильчу неприятно пренебрежительное и, скорее всего, предвзятое отношение внуки к преподавателям. Но детально описанные отзывы деда о Тюпаеве свидетельствуют о том, насколько этот добрый пожилой человек не приемлет изначально плохого отношения к людям и тем более оскорблений в их адрес. Своими увещаниями дедушка

⁵³⁰ **Kara Çoban D.** Seçmâ yaratmalar ... С. 453.

Мильчу прививает своей внучке такие качества, как доброта, отзывчивость, умение ценить в людях трудолюбие, доброжелательное отношение к другим и способность отвечать им тем же.

Ещё один автор — поэтесса А. Ергогло так же с большой теплотой и восхищением относится к своему герою — деду-долгожителю. Поэтесса восхищается силой духа пожилого человека, который сумел сохранить ясность ума и хорошую физическую форму⁵³¹:

Моему деду Ивану
Исполнилось сто лет.
Кто этого не знает?
Прожить столько не каждому дано.

Но разве он — дедушка?
Он молодой парень!
На двух ногах, как юноша,
Скачет он по улице.

Всё село восхищается тобой!
Скажи нам,
Ты ведь прожил
Сто лет, а по тебе не скажешь!

А. Ергогло с большим уважением относится к жизненному опыту деда, к тому, что ему довелось пережить, и искренне желает ему здоровья:

Мы молимся от души,
Чтобы бог
Тебе дал
Здоровья.

Старшие по возрасту пользуются большим уважением еще и потому, что именно они являются носителями культуры народа, его традиций. Нередко в художественной литературе гагаузов встречаются сочинения, где к представителям старшего поколения обращаются именно как к носителям ценной этнокультурной информации. Об этом пьеса Н. Бабоглу «Свечи во здравие». В ней показано, как молодая девушка Ольга, собравшись выйти замуж, ставит условие своему жениху. Суть требований невесты состоит в том, чтобы жених строго следовал народным традициям. Такое отношение к обычаям и обрядам привила Ольге ее бабушка Гина.

Невеста-Ольга очень серьезно и ответственно относится к соблюдению всех необходимых обычаев. Она ставит жениху условие, предупреждая, что станет его женой только в том случае, если он будет следовать всем

⁵³¹ Ergoglo A. Okuyacam seni gözlerindän. Chişinău: Tipografia Centrală, 2013. С. 16-17.

необходимым обычаем: *Парень, который хочет жениться, сначала находит себе посылного. Это должен быть верующий человек, которого ты отправишь к моим родителям с вестью о том, что хочешь, чтоб я была твоей невестой, и просишь у них моей руки. И только в случае, если их ответ будет положительным, начинаются различные подготовки, обычаи*⁵³².

А. Ергогло также обращается к своему дедушке с просьбой рассказать, каким образом ему удалось пережить поистине трагический период в истории гагаузов — время голода:

Чего только не было

В этой жизни!

Сколько раз ты рассказывал

Детям на улице об этом!

Чего тебе еще пожелать?

Ты много видел.

Расскажи, как удалось тебе

Выжить во время голода?⁵³³

Нежностью и грустью наполнены миниатюрные письма-эссе гагаузской поэтессы, тюрколога Г. Каранфил, в которых она вспоминает о своих дедушке и бабушке. Третье письмо, адресованное родине — Буджаку, так и называется: «Мне вспомнились мои дедушка и бабушка»⁵³⁴.

С большой горечью Г. Каранфил говорит о том, как ей не хватает сейчас ее дедушки: *Сегодня мне вспомнился мой дед по отцовской линии. Из моих глаз текли слезы, его мне очень не хватает. Вспоминаю с грустью то время, когда он был жив... Вспоминаю, как я заходила к нему по дороге из школы. Перед домом росла высокая шелковица. Дед сидел под ней на маленькой скамейке. Передним стояла софра, а на ней большой арбуз из Болбоки... Эта картина запечатлелась в моей памяти, как фотоснимок: дед отрезал кусок хлеба, опускал его в красное вино, а потом в сахар. Из рук моего деда это было настоящим лакомством... Дед умел заговаривать от ячменя, от боли в горле. Этот дар его перешел к моему отцу... Бабушка Маня была маленькой, веселой, улыбчивой, ходила в черном платье и переднике в полоску, на голове — черный платок. Делала она все медленно, но очень аккуратно. Вкусно готовила. Из карманов всегда доставала конфеты... Иногда... приносила воду коромыслом. И она тоже читала от слеза*⁵³⁵.

Ностальгия по родному краю и детству настолько сильна, что автор с чувством глубокой горечи говорит о том, что чувствует теперь себя сиротой: *Осиротела я... Я не успела перенять от них духовного богатства, их знаний... Я упустила шанс получить тот опыт, который был у них... Раньше мы ходили к дедушке и бабушке, а они угощали нас бубликами, пряниками, конфетами, одаривали деньгами. А сейчас — к кому идти? Сейчас всё осталось в прошлом:*

⁵³² Baboglu N. Uzak yollarım... Chişinău: Pontos, 2009. С. 285-337.

⁵³³ Ergoglo A. Okuyacam seni gözlerindän. Chişinău: Tipografia Centrală, 2013. С. 16-17.

⁵³⁴ Karanfil G. Selâm getirdim (şiirlar, mektuplar). Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2012. С. 17.

⁵³⁵ Там же. С. 17-18.

*и бабушка, и дед, и шелковица, и смоченный вином хлеб, и обычай целовать руки страшим. Пусть Бог упокоит их души! Пусть земля им будет пухом! Я скучаю...*⁵³⁶

Образ бабушки и дедушки ассоциируется, безусловно, с беззаботным временем, с добротой близких людей и с той этнографической повседневностью, которая окружала автора с детства. В воспоминаниях Г. Каранфил, заключенных всего в нескольких строчках, возникает картинка из гагаузской действительности, самые яркие и запоминающиеся моменты: «бабушка и дед, шелковица и хлеб, смоченный вином, обычай целовать руки старшим», бабушка, одетая в черное платье и повязанная черным платком; бабушка, умеющая «читать» от сглаза, софра с арбузом во дворе дома...

Полна доброты и нежности небольшая сцена из драмы Т. Занет «Жертвы голода». Главными действующими лицами в данной сцене являются бабушка и внучка. Бабушка прядет веретено и рассказывает своей внучке, как она выходила замуж. Ее родители не хотели, чтобы она вышла замуж за парня, которого любила. Однако молодые договорились о том, что жених ее похитит и уведет к себе домой. Так и случилось. Они встретились на хору, а потом, по окончании праздника, парень увел ее к себе домой. Рассказ бабушки произвел на внучку неизгладимое впечатление. Юную девушку, которая сама была влюблена, поразило стремление молодых жениться по любви, вопреки существовавшим в те времена строгим устоям патриархального домостроя. *Этот рассказ похож на сказку о любви, — резюмировала внучка. — Мали, мне тоже нравится один парень. Не бойся, он еще не знает об этом*⁵³⁷.

В этом отрывке мы видим, что между бабушкой и внучкой складываются очень доверительные отношения. Проблемы отцов и детей для героев произведения не существует. Внучка делится своими сокровенными секретами именно с бабушкой, а не с мамой. Это свидетельствует о хорошем взаимопонимании поколений.

Отношение к матери

Глубокое почитание и искреннее уважение звучит в стихотворении Д. Карачобана «Возвращение»⁵³⁸. Сын, вернувшись домой после долгих скитаний, встречается с разными людьми, и каждый о чем-то его спрашивает. Друг спросил, будет ли он ему верен; скряга спросил о долге; пьяница — об угощении; родной брат — о заработанных деньгах; отец — чему научился; жена — возвратился ли он навсегда. И только мать, заплакав, спросила не голоден ли он:

⁵³⁶ **Karanfil G.** Selâm getirdim ... С. 17-18.

⁵³⁷ **Занет Т.** Açlık kurbannarı. Ankara: Be. y., 2009. С. 6.

⁵³⁸ **Кара Чобан Д.** Азбука открытий. Стихи. Пер. с гагаузского. М.: Советский писатель, 1989. С. 27-28.

А мама,
Заплакав в платочек,
Спросила:
— Ты кушал, сыночек?

Отношение к старшим почти всегда сопровождается воспоминаниями о детстве. Для С. Курогло нет ничего дороже, чем нежный голос матери:

Tatlı ses

Anacım işleer yapaа
Hem masal söleer,
Bu eski masal bana
Nicä düş geler.

Сладкий голос

Когда моя мать расчесывает шерсть,
Напевает песню,
Рассказывает сказки.
И эти сказки подобны сну.

Нежный голос матери обладает магической силой воздействия. Он ласкает слух, приносит спокойствие и мир, убаюкивает и умиротворяет:

Masalın laflarından
Uyuklêêrim bân...
Çok annat, paalı annam,
Bân sesleyecâm.

От этих сказочных слов я засыпаю.
Рассказывай еще,
моя дорогая мама.
Я буду слушать.

Hep isteerim aklıma
Annatman girsin...
Çok annat, paalı annam, —
Pek tatlı sesin⁵³⁹.

Я очень хочу, чтобы твои рассказы
Остались в памяти...
Рассказывай еще, моя дорогая мама.
У тебя очень нежный голос.

Аналогичный мотив звучит в стихотворении А. Ергогло “Ана”⁵⁴⁰. Для нее, как и для С. Курогло, колыбельная матери — это нечто священное, вечное. В материнской песне воплощена вся огромная любовь к своему ребенку:

Ana

Mum yavaş-yavaş yanardı tüteräk,
İçerdä sä karannık, severäk
Bir ana kendi uşaan üzünü,
Geceyâ kaarşı çalêr türküsünü.

Мама

Свечка медленно, коптя, горела,
А в комнате всё равно было темно.
Мать, любя, своему ребенку
Пела колыбельную.

O türkü mü? E nedän o laflar?
Düzülü onnar nicä koraflar,
A sesi nicä çöşmäydi duruk,
Çalamda o hiç almazdı soluk.

Песня ли это? Из чего эти слова,
Сотканые, подобно узору.
Голос ее чист, как родник.
Во время пения она даже не
переводила дух.

⁵³⁹ **Kuroglu S.** Canımı baaşlarım. Kişinöv: Be. y., 2011. С. 16.

⁵⁴⁰ **Ergoglo A.** Okuyacam seni gözlerindän. Chişinäu: Tipografia Centrală, 2013. С. 111.

Lafları onun akardı yalpak,
Her avşam uşaa türkü çalarak.

Uyudardı hep tutup kolunu,
Nem kuşlar da çok görärdi onu.

Zerä yoktur bir avşam da olsun,
Ani o uşacını unutsun,
Her avşam eni bulardı lafçaaz,
İçerdä dä hep yanardı mumcaaz.

Слова ее текли плавно.
Она каждый вечер пела песни своему
ребенку,

Баякала, держа его за руку.
И ей завидовали даже птицы.

И не было еще ни одного вечера,
Чтобы она забыла о своем ребенке.
Каждый вечер она находила новые слова.
А в комнате горела свеча.

Вероятно, стихотворение А. Ергогло «Мама», написанное на русском языке, является авторским переводом рассмотренного выше стихотворения на гагаузском «Ана» («Мама»).

Свет лампы в ночи загорается,
Где-то гаснет свеча,
Люди спать на земле собираются,
Скинув платья с плеча.
Легкой поступью сон надвигается,
Детки, спите, бай-бай!
Ваша мама испечь собирается
До утра каравай,
И тиха она, будто бы мышка,
Возле деток своих,
И готова для них даже крошку
Разделить на двоих.

Сон рукою слегка отодвинет,
Колыбельку качнет,
Ребятишек легонько обнимет,
Тихо песню сплет.
Это мамы чарующий голос
До утра будет петь,
И лампы огонь за окошком
Будет в доме гореть.
(«Мама»)

Самому дорогому человеку — матери посвятила Е. Ганева настоящий гимн.
Для нее мама — неутомимая труженица⁵⁴¹:

Хоть и огрубели твои руки
От житейских дел и беготни, —
Отдышаться не найдешь минутки, —
Детям даришь ноченьки и дни.
.....
Вся в заботах, не смыкаешь глаз,
Иногда просиживаешь ночи,
Неспокойно ожидая нас...

⁵⁴¹ **Ganeva E.** Turnalar. Şiitlär. Kişinev: Grafic Design, 2006. С. 49-50.

Ласковая и нежная, заботящаяся о своих детях:

Часто мы шалили неуместно,
Но щадяще ты журила нас:
И ласкала, распевала песни,
Выручала каждого из нас.
.....
Добрые, родные очи мамы
Нам запечатлелись с детских пор.

Благодарность дочери безгранична:

Только за лишения и муки,
Что ты претерпела ради нас,
Я сочту за счастье твои руки
Коленопреклоненно целовать.
.....
Боже мой, неловко как-то прямо
Высказать к тебе любовь теперь:
Я люблю тебя так сильно, мама,
Ты мне просто на слово поверь!

§ 3. Этнографические реалии в художественной литературе

Обычаи и обряды как часть духовной культуры, а также элементы материальной культуры, являются одним из важных компонентов этнического самосознания. Они усваиваются членами этнической общности в процессе социализации. В наиболее консервативных средах традиционно-бытовая культура сохраняется на протяжении долгого времени, поддерживая тем самым, этничность. Ряд элементов с течением времени утрачивается или видоизменяется, иные заимствуются, а затем со временем становятся традицией, прочно закрепляясь в этнокультурном комплексе. Этнографические реалии находят отражение в художественной литературе гагаузов.

В данном параграфе ставится цель рассмотреть, к каким элементам материальной и духовной культуры наиболее часто обращаются гагаузские писатели в своих сочинениях, и установить, по какой причине выбор выпадает именно на эти элементы.

Элементы духовной культуры

Календарные обычаи и обряды

Наше исследование показало, что наиболее часто в творчестве гагаузских писателей встречается упоминание календарных обычаев и обрядов, прежде всего зимнего цикла.

Особое внимание уделяется Рождеству и Новому году. На наш взгляд, это обусловлено тем, что данные праздники несут в себе функцию инициальной магии, т. е. обладают «магией первого дня»⁵⁴²: зимой (в Рождество и в Новый год) подводятся итоги прошедшего года, подсчитывается урожай и моделируется благополучное будущее на весь предстоящий год.

Кроме того, следует учитывать еще и зрелищно-игровую сторону зимнего календаря, которая, являясь эмоционально привлекательной, надолго сохраняется в памяти носителей культуры.

С этнографической точностью Н. Бабоглу (рассказ «Колада») передает приход одного из самых важных календарных праздников зимнего цикла — Рождества, которое называется у гагаузов Колада.

*Kolada yıraktan geler. Lääzim geçsin dokuz derä, dokuz da daa. Ama dereleerdä köprü yok, da olur kolada düşsün suya, buulsun. O bekleer hepsi derelär islä donsunnar da buzun üstündän geçip gelecek. Oruç tutulêr neçinki insanın içi lääzim paklansın yalı mancalardan. Oruçlarda lääzim insannar taa pek düşsünsün günahlı işlerdän vazgeçsinnär. Allaha düşsünsünnär, çalışsınnar zararlardan korunmaa. Oruçlarda insannar taa sık kliseyâ gidip duva ederlär ki dünnedä uslu olsun bereket hem saalık olsun. Kolada tez gelecek, lääzim hazırlamaa katçıları, fışkannar “Hêy-hêy” hem “Survaki” gezmää deyni. Büük batûlar delikannılar geçererlär Kolada*⁵⁴³. / Праздник «Колада» приходит издалека. Он должен пройти девять рек, девять лесов, но в реках нет мостов, и поэтому «Колада» может упасть в воду и утонуть. Он ждёт, чтобы все реки замёрзли и, пройдя по льду, обязательно придет. Люди постятся для того, чтобы очистить тело от жирной пищи, но в пост нужно думать и о душе, покаяться в своих грехах. В пост люди должны чаще в церковь ходить, молиться Богу, чтобы были здоровы, чтобы был богатый урожай. «Колада» придёт очень быстро, нужно приготовить кнуты/плетки для «Хэй-хэй» и «Сурваки», чтобы колядовать. Колядуют старшие братья, холостые парни.

Нам сложно объяснить, почему автор говорит, что Рождество идет через девять рек, девять лесов. Вероятно, Н. Бабоглу хотел подчеркнуть ту роль, которую Рождество играет в традиционно-бытовой культуре гагаузов и в их духовном развитии. По этой причине поэт использует сакральное число девять. Обращает внимание автор и на сакральность даты Рождества в календаре, подчеркивая, что наиболее важно — духовное очищение людей через пост.

Всё творчество писателя свидетельствует о том, что он был знатоком народных традиций. Н. Бабоглу также указывает на важный момент, связанный с участниками рождественских колядок. Так, в данном рассказе

⁵⁴² **Квилинкова Е. Н.** Народные православные календарные праздники // История и культура гагаузов. Chişinău: Tipografia Centrală, 2006. С. 642.

⁵⁴³ **Baboglu N.** Bucaan tarafında. Cani: Annatmalar uçaklara deyni. Chişinău: Pontos, 2006. С.15.

автор акцентирует внимание на том, что, согласно традиции, на Рождество колядовали молодые неженатые парни. Среди этнографов бытует мнение, что этот обряд являлся своеобразной инициацией, когда происходил переход из возрастной категории подростков в юноши, после чего можно было вступать в брак, создавать свои семьи. Следует подчеркнуть, что в настоящее время колядки претерпели значительные изменения, т. к. теперь их участниками чаще всего становятся мальчишки-подростки и даже девочки. Всё это свидетельствует об утрате аутентичных черт праздника и о том, что сейчас в контексте этих праздников доминирует игровая, развлекательная составляющая. Сакральный смысл праздника отступает на второй план.

Поздравления с Новым годом звучат в стихотворении В. Филиоглу. Поэт описывает некоторые фрагменты из театрального действия, совершаемого в этот день, и желает всем богатого урожая и достатка в доме:

Hêy-hêy!

Hey, dostum, yalpak, şenni,
Ya sän brak işlerini,
Ki geldi hêy-hêycılar —
Maaledän kızlar oollar.
Kutlamaa geldik sizi,
Mal-kuşu evinizi...

Traka-traka, çan bua,
Çekiniz ya bir duva!
Hêy-hêy!

Yıl olsun ko kutluca,
Tarlada başak aarca,
Birleşsin tatlı dillär,
Bol-bola açsın güllär,
Yaşamak olsun zengin.
Hem olsun ko hep vergin.

.....

Hayırlı söleriz peet:
Ürektän sizä kuvet,
Evnizä piliç kuzu,
Ayleyä — ömür uzun.
Ev saabikaylan bilä —
Çok yıllar gülä-gülä.
Eer bilmää istärsän kaç —
Hazırla şarap, kolaç.

Хей-хей!

Хей, мой скромный, веселый друг!
Оставь свои дела,
Потому что с улицы пришли
хей-хейджиляр.
Мы пришли вас поздравить,
Ваше хозяйство и ваш дом...

Трака-трака, колокольчик, бычий звук.
Произнести молитву!
Хэй, хэй!

Поздравляем с Новым годом,
Пусть на полях будет хороший урожай,
Пусть звучат добрые слова,
Пусть распускаются розы,
Пусть жизнь будет богатой и благодатной.

.....

Мы произносим добрые слова:
От всей души здоровья вам,
Вашему дому — цыплят, ягнят,
Вашей семье — долгие лета.
Хозяевам дома
Долгих лет!
А если хочешь узнать, сколько —
Приготовь вина и калачей.

Другое стихотворение В. Филиоглу посвящает Рождеству. Автор стремится подчеркнуть его сакральный характер, связанный с одним из самых значимых событий в жизни христиан — рождением Спасителя. И, как всегда, традиционное пожелание счастья, благополучия, хорошего и богатого урожая:

Kolada

Hristos geldi dünneyä,
 Ömür verdi günnerä.
 Koladi-koladelä,
 Bizdän dä bir büük seläm!
 Sevdi bizleri heptän,
 Sevdi bütün ürektän.

 Ko can ateşi yansın,
 Hatır güdän sayılsın.

 Zeedelensin kısmetä
 Nelär konmuş neetä.

 Saalık, sevgi evnizä,
 Evlad gülüşü sizä.

 Hep şılasın gün hem ay,
 Kırdä doluşsun booday⁵⁴⁴.

Колада

В мир пришел Христос,
 Жизнь вдохнул.
 Колады, коладеле,
 И от нас тебе большой привет!
 Полюбил Он нас крепко
 От всего сердца.

 Пусть огонь сердца горит,
 И пусть будет славен человек,
 Который делает добро.
 Пусть сбудутся мечты,
 И возрастет ваше счастье.

 Здоровья, любви вашему дому
 И детского смеха.

 Пусть всегда будет солнце и луна,
 А в полях созревает пшеница.

Аналогичные мотивы встречаются у Е. Ганевой:

Hêy, hêy!

Çıkın, çıkın, karşılayın,
 İlk sizä biz sesettik,
 Yetişincä kesildik, —
 Kovriklärlän baaşışlayın!
 Ya, saabiyka, ver bizä
 Bir kolaç ya da kovrik.
 Sän, saabi, elimizä
 At çemrek bir beşärlük.
 Hêy-hêy!

Şindi şen bir türkücük
 Çalaceyz hêy-hêy için.
 Bekim olacêk küçük,

Хей, хей!

Выходите, встречайте!
 Первыми мы к вам пришли.
 Пока дошли — устали.
 Подарите нам коврижки.
 Хозяйка, ты дай нам
 Или калач, или коврижку.
 Ты, хозяин, брось нам в руки
 Один пятачок!
 Хей-Хей!

Сейчас мы споем для тебя
 Веселую песенку.
 Может быть, она будет

⁵⁴⁴ **Filioglu V.** Na, tutunalım kol-kola! Comrat: Safin grup, 2004. С. 73; 72.

Ama ürektän neçin...
Hêy-hêy!

Kutlamaa isteeriz pek
Hem başış etmää kismet.
Tuz olsun hem da ekmek,
Ayledä da selemet.
Hêy-hêy!⁵⁴⁵

Короткой, но от души...
Хей-Хей!

Очень хотим вас поздравить
И пожелать вам счастья.
Пусть будут всегда в вашем доме хлеб,
А в семье — согласие.
Хей-Хей!

В празднике Рождества поэтессу привлекает то, что в этот день можно было выбирать себе суженых. Инициальная магия распространялась не только на то, чтобы смоделировать плодородие в предстоящем году, но и обзавестись суженым/суженой. Обретение пары в такой день означало, что в семье будет царить благополучие и счастье. Знаком того, что девушка или парень нашли друг друга, становился цветок (китка), который девушки прикрепляли парням на головной убор:

Kolada hazırlanarkan

Perdänkada türkü çalıp,
Birkaç kız oturardılar.
Koladacıları çaarıp,
Sarp kitka hep yapardılar.
Öbür günä o çocuklar
Gelär taligada bir boz
Hem şen ruhu türkü çalar,
Duundu ki bu gecä Hristos.

Çiçeklän sarp saçlarında
Delikannılara kızlar
Karşı çıkacêklar hep da
Kalpaa çiçek dikeceklär,

Birär sarp kitka verärlär,
İkram edip şaraplan ii,
Kolaçlan sevindirärlär,
Ki Kolada gözäl geldi,

Ki Allahın Oolu duudu, —
Halk seviner hep doz-dolay
Da... şindi yaklaştı yortu,
Çok bekleyän, ii hem gözäl⁵⁴⁶.

Готовясь к Рождеству

На посиделках сидели несколько девушек
И пели песни, приглашая тех,
Кто пел колядки
И делали китки.

На следующий день
Дети, погрузившись в повозку,
Весело и душевно пели о том,
Что в эту ночь родился Христос.

Вышли молодые парни
Навстречу к ним,
И девушки прикрепили цветы
К их шапкам.

Отдали девушки китки парням,
Угостили вином, калачами,
Чтобы Рождество
Было счастливым.

Народ повсюду радуется,
Потому что родился Божий Сын.
И... сейчас начнется праздник,
Очень долгожданный, добрый и красивый.

⁵⁴⁵ **Ganeva E.** Turnalar. Şiirlär. Kişinev: Grafic Design, 2006. С. 29.

⁵⁴⁶ **Там же.** С. 28.

Н. Бабоглу обращает внимание еще на один праздник зимнего цикла — День святой Варвары, который по старому стилю выпадает на 17 декабря и имеет фиксированную дату. Как правило, в этот день выпекали лепешку из пшеничной муки, смазывали медом и разносили соседям за здоровье детей. Святая Варвара оберегала детей от разных болезней — кори, оспы, ветрянки. Иногда эту лепешку прокалывали вилкой и вывешивали под стрехой, чтобы задобрить болезнь. Следы от вилки моделировали следы от оспы. Таким образом болезни давали понять, что она уже здесь побывала.

Büün Ay Varvara
Fırınnar yanmış.
Varvaralar bu gün
Ballı pita yapmış.

Сегодня праздник святой Варвары.
Печки все растоплены.
Варвары в этот день
Хлеб с мёдом приготовили.

Ko Ay — Varvaralar
Bizi korusunnar
Yaza da hambarlar
Ekinnän dolsunnar⁵⁴⁷.

Пусть святые Варвары
Нас берегут.
Летом все амбары
Заполнятся пшеницей⁵⁴⁸.

Реже писатели обращаются к весенним праздникам, например к таким, как День святого Георгия (Хедерлез), День святого Дмитрия (Касым).

Следует сразу подчеркнуть, что в настоящее время произошла редукция праздника Хедерлез, и большинство обрядов, его сопровождающих, утратилось. Осталось лишь название — Хедерлез. Однако День св. Георгия (Хедерлез), который выпадает на 6 мая по новому стилю, равно как и День св. Дмитрия (Касым), стали выходными и обрели статус национальных гагаузских праздников. В День святого Георгия в АТО Гагаузия ежегодно проводится зрелищный фестиваль с выступлением профессиональных и самодеятельных творческих коллективов, а на ипподроме в Чадыр-Лунге устраиваются конные скачки, которые были возрождены благодаря инициативе и непосредственному участию гагаузского поэта С. Куроглу.

Содержание стихотворений, посвященных Хедерлезу, свидетельствует о хорошей осведомленности авторов о том, что эти праздники являются архаичными и делят год на два сезона — Хедерлез, символизирующий выгон скота на пастбища, и Касым, символизирующий окончание пастушеского сезона и возвращение овец их хозяевам.

В семантике данного праздника, выпадающего на весну, так же, как и в случае с Рождеством, прослеживается инициальная магия (магия первого

⁵⁴⁷ **Никогло Д. Е.** Система питания гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев: Tipografia „Elena“, 2004. С. 125.

⁵⁴⁸ **Baboglu N.** *Güz çiçekleri: Seçmâ şiirlär.* Chişinău: Pontos, 2003. С.141.

дня), которая моделирует благополучие, здоровье и плодovitость домашнего скота — одного из источников существования.

Об этом другое стихотворение Е. Ганевой, в котором Хедерлез означает обновление природы, жизни:

Hederlez

Eşil Hederlez — eskidän bir yortu,

Açan kuşcaazlar çekederlär ötmää,
Açan çobannar salt görünca otu,

Koyun — köpeklärlän başlêêrlar gütmää,

Onuştan da genç hem girgin bir çoban,
İlkyaz kokusunnan artık semeli,
Bekleer dayanamadan hep bu zaman

Gelsin biraz taa tez yortu sevimli.

Da sora kendi sürülärlän bilä
Öbür kenara, yannaşık küüyä,
Koyun otlatmaa gidecek da gülä,
Bir düdüklän pak, inanıp salt büüyä...⁵⁴⁹

Хедерлез

Зеленый Хедерлез — древний праздник.

Когда птицы начинают петь,
Когда пастухи, только увидев травку,

Отправляются с собаками пасти овец.

Потому самый молодой чабан,
Только почувствовав запах весны,
С нетерпением ждет каждый раз это время,

Чтобы побыстрее пришел этот любимый праздник.

Чуть позже со своей отарой
На край села, ближе к другому селу
Он пойдет пасти овец.
И, имея в руках лишь свирель,
Надеясь только на барана-вожака.

Е. Ганева осознает древние корни данного праздника и воспринимает его как наследство, доставшееся от предков. Кроме того, она квалифицирует эти праздники как сугубо национальные гагаузские:

Hederlez⁵⁵⁰

... Dişardı yıllar, aşirlär, adetlär...

Kurak hem da cenk halkımız geçirdi,
Çekti kahırlar hem çirkin pek zeetlär,
Çoyu da o zor yıllarda geçindi.

Da hep okadar unutulmadı tez,
Salt taa kuvetli, saygılı oldular...

Хедерлез

Проходили годы, месяцы, обряды, обычаи.

Засуху и войны пережил мой народ.
Очень много страданий и страшных бед
Выпало на его долю.

Многие в эти тяжелые годы умерли...
Но не забыли даже тогда,

⁵⁴⁹ **Ganeva E.** Turnalar. Şiirlär. Kişinev: Grafic Design, 2006. С.12.

⁵⁵⁰ **Там же.** С. 13.

Suuk Kasım hem bu güneşli Hederlez — Kana girilmiş artık büük yortular.	И еще сильнее, еще значимее стали. Холодный Касым и солнечный Хедерлез — Эти два великих праздника вошли в нашу кровь.
---	---

В стихотворении В. Кириогло «Хедерлез» в лаконичной форме представлен сюжет из жития святого Георгия и выражается надежда на лучшее.

Этот праздник — надежда на лучшее.
 Май ненастье теплом поразил,
 Как Георгий Святой, или мученик
 Копьем знаний дракона сразил.
 А дракон тот был символ язычества.
 Поражающим страхом народ.
 Гений тьмы сражен света величием,
 И покрылся зарей небосвод.
 Утром ясным в росе отражается
 Мир, который дал людям Творец,
 Плодородная степь наполняется
 Оглушительным криком овец⁵⁵¹.

В последней строфе очень емко, всего одним штрихом поэт передает буджакский пейзаж — обширная степь, по которой разносится «оглушительный крик овец».

Семейные обычаи и обряды

На втором месте по частотности упоминания стоят семейные обычаи и обряды. Как правило, популярной темой для гагаузских поэтов является свадебная обрядность (Д. Карачобан, В. Филиоглу, Т. Занет).

В одном из стихотворений («Песня юноши»)⁵⁵², ставшим хрестоматийным, Д. Карачобан описывает не столько саму свадьбу, сколько нравы традиционного общества, обусловленные патриархальной психологией. Стихотворение преисполнено неизбывной грусти. Речь идет о несчастливой судьбе молодых, которые, поженившись, не любя друг друга — по воле родителей. Возлюбленный невесты, оставшись наедине со своим горем, обращает свои мысли к своей любимой, идущей под венец с другим:

Гордость ли виною или чья хула? Только не со мною	Не было расплаты, Не ударил гром В дом,
---	---

⁵⁵¹ Кириогло В. Эхо души. Комрат: Б. и., 2006. С. 8-9.

⁵⁵² Кара Чобан Д. Азбука открытий ... С. 54-55.

ты к венцу пошла.
Не померкло небо,
Когда ты, бледна,
Откусила хлеба,
отпила вина.
Горькою отравой
Сладкий мед не стал,
Что тебе —
Оравой —
Поднесли к устам.

Куда вошла ты, —
Нежеланный дом.
Лишь слеза
проклятьем
стыла на щеке...
Шла ты в белом платье
Со свечой в руке.

Последняя строфа потрясает своим драматизмом и вызывает ряд ассоциаций. Зажженные свечи, которые в церкви держат жених и невеста, символизирующие пламенную и чистую любовь, целомудрие, становятся для невесты свечами поминальными, т. к. брак с нелюбимым является для нее трагедией и равносильен смерти. Эффект трагизма дополняется еще одной ассоциацией — белым платьем, в котором хоронили молодых незамужних девушек.

Совершенно иная картина предстает перед читателем в стихотворении Д. Карачобана «Свадьба»⁵⁵³. Поэт описывает ту атмосферу радости и веселья, которая царит на свадьбе. При этом повествование идет от лица одного из главных персонажей свадьбы — безмерно счастливого жениха:

Свадьба пенилась до утра,
На рассвете, устав, распалась...
Разобраться теперь пора,
Что кому от нее досталось.
Добрый пир —
компании всей,
беспокойство —
соседним хатам,
радость —
матушке старой моей,

а почетное место —
сватам.
Пьющим —
целое море вина.
Плясунам —
и восторг, и усталость.
Ну, а мне —
молодая жена!..
Больше всех мне
от свадьбы досталось!

В двух своих стихотворениях Т. Занет представляет такие предсвадебные обычаи и обряды, как сватовство и сговор, детально описывая их основные этапы:

Дунуржүлүк⁵⁵⁴

Илкйазын долай — килим.
Уйанэр, Топраам, тенин.

Сватовство

Весной всё вокруг, как ковер.
Пробуждается земля моя.

⁵⁵³ Кара Чобан Д. Азбука открытий ... С. 33.

⁵⁵⁴ Занет Т. Заманайэрсин, евим. Кишинев: Литература артистикэ, 1990. С. 127-129.

Мейданда кавал сеси,
Генчлерә вакыт — сечи.

Бакышмак. Йалпак бакмак.
Кызлара гөзчәз кырмак.
Пергелләр дөнер йаваш,
Дүнүржү, салт сән аннаш!

Пазара каршы, гежә,
Салт Саман Йолу гөктә
башлады пейдаланмаа,
Дүнүржү йавклу дакмаа,
күләфы алып елә,
уурады кыз евинә.

.....

“Безбели инсан кырнак!
Жамалда хич йок чатлак
Первазлар уз чекили —
Гелинин ий еллери!..”

.....

Дүнүржү селәм верди.
Узактан лафы ести:
“Та, филан достум беним
йоллады селәм энгин,
Вар зору пек йардымдан
Йок му колай междән?”

“Межижи вар колаймыз
йоллайлым. Салт йапыңыз
бир фистан, олсун дийшмәә,
Межи ишиндә гиймәә.
Алын тә буну өрнек...
Йапалым бир сөз-дернек...”

На площади слышны звуки кавала.
Пришло для молодых время выбора.

Разговаривать — взглядами,
Смотреть скромно, моргать девушкам.
Хоровод движется медленно.
Сват, только ты договорись!

В ночь на воскресенье, когда только
Млечный путь в небе засиял,
Ночью появляется
Сват с чотрой в руках
И заглядывает в дом.

.....

Наверное, хозяйева аккуратные,
Потому что стены не потрескавшиеся.
Первазы⁵⁵⁵ подведены очень ровно.
Наверное, невеста умелая.

.....

Сват поздоровался,
И начал издалека:
«Ну, вот, у меня есть друг,
Который шлет вам привет.
Он очень нуждается в помощи,
Не хотите ли вы ему помочь?»

«Благо, есть у нас помощница,
Можем ее отправить к вам.
Только приготовьте ей платье,
Чтобы она могла пойти на меджи.
Проведем стговор!»

Описание обряда сватовства, представленное в этом стихотворении соответствует в ключевых моментах тому, что излагает В. А. Мошков в своих этнографических очерках⁵⁵⁶. Русский этнограф отмечает, что выбор невесты

⁵⁵⁵ Перваз — означ. панель (высотой около 80 см) у основания фундамента дома, которую покрывали смолой во избежание попадания влаги.

⁵⁵⁶ **Мошков В. А.** Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинев: Tipografia Centrală, 2004. С. 103-105.

начинается с посещения родителями жениха «хору ери», где они имеют возможность посмотреть на девушку, понравившуюся их сыну (первые две строфы стихотворения). Затем сваты приходят в дом невесты и начинается беседа по всем правилам сватовства. Заканчивается данная церемония тем, что отец невесты и сама невеста дают согласие.

При описании сговора (“Сöz”) ⁵⁵⁷ автор перечисляет состав приданого, а также подчеркивает прагматизм сватов, которые стараются разумно сэкономить средства, выделенные на свадьбу:

Сöz

Кабул еттийнән ий хабер,
“каниска”, нышан чембер,
хазырлады сенселә,
аннашан гүнә – сөзә.
О гүнү: ешли, бұлә,
сенселәр дөн-дөнә,
гежә йарысы йакын
йолландылар биртакым.
.....

Аражы: “... Хелал! Ислә!
Аннашалым, не харчлаа
Койалым пешин пара,
Калмасын кавга ара”.
«Йапыныз: “боба хақы”
Хем “ана топу”, “чыкы”
Гелинә: бариз, чизмә,
Жанынкер, алтын күпә,
Седефтән блезик, бонжүк,
Гүмүштән колан, үзүк,
Плат, махмуди хем да лефт...» —

“Е-е-е, сувату сән афет!
Нанда шинди лефт, гүмүш?
Тә биркач песмет ий плат,
булажэз!” — кары имдат
кожасына тез гелди...
Да, чийзә лафы дийшти...

Тә ики тараф мутлу

Сговор

Получив хорошие известия,
Родственники подготовили
К назначенному дню
Каниску с платком для сговора.
В назначенный день,
Примерно к полуночи
Все вместе
Отправились к невесте.
.....

Посредник: «...Хорошо!
Тогда давайте договоримся,
Сколько денег нужно потратить,
Чтобы мы с вами заранее знали,
Чтобы между нами не было ссор».
«Скажите, что должен делать отец,
А для матери — узел с подарками.
Для невесты — платок, сапожки,
Телогрейка, браслет, бусы,
Серебряный пояс, кольцо,
Кусок материи, махмудия и лефт».

«Эх, сват, ты прости...
Где сейчас найти и лефт, и серебро?
Всё это превратилось в сон.
Ну, несколько кусков
И хорошую ткань мы найдем.
Жена прибежала на помощь мужу,
И разговор прервался на приданом...

Ну, вот уже обе стороны счастливы,

⁵⁵⁷ **Занет Т.** Заманайэрсин, евим. Кишинев: Литература артистикэ, 1990. С. 126-127.

Башарды сѳзѳ кутлу.
Ел верип, ѳпѳштѳлѳр...
Сора кыза сордулар:
— Сѳн кайыл мы?
— Бѳн кайылым...

Сговор закончился благополучно.
Потом спросили девушку:
— Ты согласна?
— Я согласна, — скромно сказала она...

Рассмотренные стихотворения Т. Занета насыщены упоминаниями ряда элементов, являющихся непреходящими атрибутами цикла свадебной обрядности: «каниска» (ритуальный калач с курицей), украшения невесты — (лефт – бусы, гѳмѳштѳн колан – серебряный пояс, монисто), чотра (плоская фляга с вином) и т. п.

Заметим, что название “сѳз” тоже переводится с гагаузского как «сва-товство». С. С. Курогло, чтобы отделить по смыслу и содержанию эти два слова, называет обряд “Сѳз”⁵⁵⁸ официальным сватовством, на котором стороны договариваются о проведении свадьбы — назначают день торжества, распределяют затраты и обсуждают приданое.

Характерной особенностью является также обращение к наиболее зрелищным моментам свадьбы, в частности к танцам. Шуточное описание зажигательных гагаузских танцев сочетается с описанием поведения веселых и чуть подвыпивших гостей. В одном из своих стихотворений («Кадынжа»)⁵⁵⁹ В. Филиоглу по-доброму подсмеивается над посажёным отцом, над пухленькой нанашкой:

Кадынѳа

Ойунѳу, ур айааны
Копарынѳа чарыыны!
Бензесин шу ойуна,
Данышѳрым чойуна.

Гетиринѳа сѳѳшѳ,
Бас кадынѳа, комушу!
Сиз дѳ дурмайын хайлак —
Гѳрейим тез ойнайрак.

Софрада битмиш екмек —
Олѳр бу иш пек сийрек:
Ашчыйка не йорулмуш —
Котлонда уйукламыш.

.....

Кадынѳа

Поддай, танѳор,
Пока не порвѳшь свои чарыки,
Чтобы это было похоже на танец!
Я многим это говорю.

Пока я принесу курицу,
Танцуй кадынѳу, сосед,
И вы тоже не стойте
Без дела! Танцуйте!

На столе закончился хлеб, —
Такое случается редко.
Ашчыйка настолько устала,
Что заснула у печки.

.....

⁵⁵⁸ Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 44-49.

⁵⁵⁹ Филиоглу В. Айдыннык. Кишинев: Литература артистикѳ, 1990. С. 49-50.

Конушта хем колтуклар,
Биркачы хеп уйуклар,
Хеп та евдә, безбелли,
Уйумаа йок ерлери.

Саде девер шеремет,
О да чыкты пек ширет:
Незаманса, вережек
Кетендән бирәр гөлмек.

Крәсницайа, утанжак,
Бана калсын пек сыжак:
Таа аз ләзым буйурмаа —

Сансын гөрмемиш имәә.

Саадыч та дийл прост адам —
Бракыламээр филжәндән.
Кайыл о да ойнамаа,
Тутмээр аяклар, ама.

...Хич аламайын кафайа,
Гетирдиниз шакайа...

.....
Хеп кадынжа есабы!

Колтуклар
уже засыпают, —
Наверное, им дома
негде спать.

Только деверь остался стойким.
Но и он схитрил —
Спрятал льняные
рубашки.

Крестница — стеснительная и пухленькая.
Но, если меня спросят о ней,
То скажу, что ей нужно меньше пить
или есть,
Как будто еды она не видела.

Саадыч — не плохой человек,
Но стакан из рук не выпускал.
Он тоже бы хотел еще потанцевать,
Но его уже ноги не держат.

...Не берите в голову!
Мы все перевели в шутку.

.....
Это во всем виновата кадынджа.

В стихотворении “Azçyka”⁵⁶⁰ Н. Бабоглу красочно рисует портрет и характер ашчийки — женщины-поварихи, которую специально приглашали для того, чтобы еда была приготовлена качественно и вкусно:

Azçyka

Ön eteeni suvamış,
Biyaz moda dartılı
Belli nasıl yaalamış
Mancada parmakları...

Ortalıkta kaçınêr,
Ki sayılsın o en büyük
Saadıcı salt danışêr,
Evçileri unudup.

Ашчийка

Приподняла подол впереди,
Голова повязана платком.
Видно, что она
Облизывала пальцы от манджи.

Суетится вокруг,
Словно она — самая главная.
Общается только с саадычом,
Позабыв о домашних.

⁵⁶⁰ Baboglu N. Güz çiçekleri ... С. 158.

Yala saadıcı yalama,
Sân azçıyka, hep azçı
Salla kuyruunu sallama,
Olamayacan çorbacı

.....
Olmaz annıya çıkmaa,
Açan orda diil erin...

Хоть льсти садычу,
Хоть не льсти:
Ты все равно останешься
Ашчийкой.

.....
Нельзя выходить за пределы
И занимать чужое место...

Любопытно, что при сборе полевого материала жители гагаузских сел рассказывали о том, что некоторые поварихи действительно считают себя очень значимыми и важными персонами на свадьбах и ведут себя соответственно. Следует отметить, что не без оснований, т. к. на самом деле успех свадьбы во многом зависел от богатства свадебного стола. Свадебное застолье с вкусными блюдами вызывало всеобщее одобрение, а женщин-поварих вызывали к столу, представляли гостям, восхваляли их мастерство и благодарили за труд.

Н. Бабоглу так же, как и В. Филиоглу, посмеивается над тем, что повариха возомнила себя главной на свадьбе.

В своем рассказе “Düün” («Свадьба») Н. Бабоглу описывает один из эпизодов гагаузской свадьбы — приглашение на свадьбу и саму подготовку к событию, перечисляя все детали: наряджение коня, ритуальную деревянную фляжку “чотра” — непременный атрибут деверя, которому доверена на свадьбе роль приглашающего и т. п.⁵⁶¹: «На свадьбу готовят лошадь, наполняют деревянную фляжку с вином, девочки завязывают на деревянную фляжку золотистый выбитый платочек, а на уздечку белый выбитый платочек. После этого парни идут звать всех родственников на свадьбу»⁵⁶².

Н. Бабоглу с этнографической точностью описывает ход действия и функции его участников: «Вечером, когда темнеет, во дворе, возле дома, на улице собираются люди, поют музыканты (на дудочке, на скрипке, на барабане), девочки танцуют и поют. Некоторые пары на свадьбе и познакомились друг с другом. К утру, когда все гости расходятся, сватам накрывают на стол, они ближе знакомятся, разговаривают друг с другом об обычаях и традициях. Они согласны почитать те традиции и обычаи этого дома, но как только невеста переступит порог их дома, ей придется жить по обычаям (дома) жениха, по обычаям их села. Рано утром, в воскресенье четыре телеги с гостями едут за невестой, они приносят невесте фату. Музыканты со стороны жениха и музыканты со стороны невесты вместе собираются и, соревнуясь, веселятся. Крестница наряжает невесту, играют музыканты, поют песни. Когда наряжают невесту, жених должен ждать во дворе перед дверьми. После того как её

⁵⁶¹ В гагаузской традиции роль приглашающего на свадьбу считалась очень почетной.

⁵⁶² Baboglu N. Uzak yollarım..., Chişinău: Pontos, 2009. С. 121-122.

нарядили, невеста выходит к жениху и становится рядом с ним. Впереди едут жених и невеста, а за ними по направлению к дому жениха — четыре телеги с придаными невесты. Телега, на которой едут жених и невеста, останавливается возле церкви для предстоящего венчания. После венчания жених и невеста едут к жениху домой. Родители жениха трижды обходят жениха и невесту. У отца жениха в руках вино, а у матери мёд. Жениха и невесту угощают медом, чтобы жизнь была у них слаще мёда, потом и остальных угощают мёдом. Играет музыка, все веселятся»⁵⁶³.

Свадебные обычаи и обряды представлены и в драматургии Н. Бабоглу, в частности в пьесе «Свечи во здравие». Невеста Ольга очень серьезно и ответственно относится к соблюдению всех необходимых обычаев. Она ставит жениху условие, предупреждая, что станет его женой только в том случае, если он пообещает следовать всем необходимым обычаям: «Парень, который хочет жениться, сначала находит себе одного посыльного, это должен быть один верующий человек, которого отправляешь моим родителям, чтоб сообщить о том, что хочешь, чтоб я была твоей невестой, просишь руки. И если их ответ будет положительным, тогда начинаются различные подготовки, обычаи»⁵⁶⁴. Такое отношение к народным традициям привила Ольге ее бабушка Гина. Это она рассказывает ей обо всем: «Кто первым идет просить её руки, тот считается главным посыльным, самым полезным. На свадьбе ему на руку завязывают рубашку и одно длинное полотенце поперёк через одно плечо <...> Когда во время сватовства, наконец, пришли к единому решению, и обе стороны дали согласие, с этого дня будущая невеста носит в косе одну блестящую проволоку — это как знак (свидетельство), что девушка с этих пор отделилась от родительской семьи. С этих пор она может встретиться только с женским полом (с подружками). А девушки тоже берут себе по одной проволоке, чтобы они вскоре тоже могли выйти замуж, но в косы не должны завязывать»⁵⁶⁵. Бабушка Гина поясняет, что свадьба проводится не сразу после сватовства: «Не сразу после этого, через одну-две недели»⁵⁶⁶.

Н. Бабоглу очень волнует утрата традиций. Свою тревогу писатель вкладывает в уста бабушки Гины: «Вот сегодняшние свадьбы начинаются в субботу, но раньше начинались с пятницы. Девушки шили свадебный флаг, на конец флага прикрепляли одну розу. Во время шитья флага пели песни. В пятницу после обеда свадебный флаг завязывали под крышей дома со стороны улицы»⁵⁶⁷.

Внучка Ольга интересуется у своей бабушки деталями обычаев: «Только в доме невесты шьют свадебное знамя?» — спрашивает она. Бабушка в ответ

⁵⁶³ Baboglu N. Uzak yollarım ... С. 121-122.

⁵⁶⁴ Там же. С. 285-337.

⁵⁶⁵ Там же. С. 314.

⁵⁶⁶ Там же. С. 313.

⁵⁶⁷ Там же. С. 313.

дает исчерпывающий, с точки зрения этнографических элементов, ответ: «Нет, такое же знамя шьют в доме жениха, и, увидя его, прохожие понимали, что в этих домах будет свадьба. <...> В субботу, где-то к часам двум — приглашают на свадьбу. Этот обычай раньше не был таким, как сейчас. Видела, что по почте отправляют письма с приглашением, для меня кажется смешным такое приглашение. В те старые времена, один молодой гонец на коне с кувшином вина в руке, а на шею коня было завязано одно полотенце или платок, так ходил по селу, приглашал на свадьбу. Так было красиво!»⁵⁶⁸

В данном случае речь идет об уже исчезнувшем из свадебного цикла обряде «Байрак» («Знамя»). В. А. Мошкову и С. С. Куроглу еще удалось его зафиксировать, но в настоящее время от него даже не осталось никаких следов. Он исчез из канвы свадебной обрядности. По мнению исследователей, обряжение свадебного знамени являлось важным обычаем предсвадебного цикла. Само знамя символизировало мужское начало и в то же время являлось знаком того, что в этом доме или семье предстоит важное событие⁵⁶⁹.

Исследование описанных выше обрядов нашло отражение в ряде научных работ гагаузоведов⁵⁷⁰.

Некоторые стихотворения посвящены теме рождения и воспитания ребенка (Д. Карачобан)⁵⁷¹:

О чем он думал,	с румяным калачом на голове
Хмурый предок мой,	вокруг мальчика
В тот день, когда —	плясала повитуха?
От выпитого весел —	Что мать для сына
На колыбель наследника тесьмой	От судьбы ждала,
он ножницы портновские подвесил?	Когда тайком,
Какой был смысл	Чтоб родня не знала,
в нелепом торжестве,	Водой,
когда под добу,	В которой сына искупала,
что гудела глухо,	В саду тюльпан на зорьке полила.
	(«Старый обычай»)

Первый сюжет описывает старинный обычай, согласно которому родители новорожденного загадывали, кем будет их ребенок. Для этого на детскую колыбель или под кроватку клали различные предметы. В прошлом — это могли быть ножницы, веретено... Данный обычай сохраняется и в настоящее время.

⁵⁶⁸ Baboglu N. Uzak yollarım., Chişinău: Pontos, 2009. С. 313.

⁵⁶⁹ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда: (Этнографические очерки и материалы). Кишинев: Tipografia Centrală, 2004. С. 111-112.

⁵⁷⁰ См., например, Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1988.

⁵⁷¹ Кара Чобан Д. Азбука открытий. С. 7-8.

Второй сюжет описывает, вероятно, торжество под названием “Бўўк пита”, устраиваемое в честь новорожденного. В этом мероприятии участвовали только женщины. Главным лицом была повивальная бабка.

Третий обычай совершала мать ребенка, которая должна была при соблюдении табу (избегания встречи с кем-либо) на заре полить цветок в саду, чтобы обеспечить ребенку здоровье.

Традиционное и давно утраченное воскресное народное гуляние гагаузов под названием хору (аналог молдавского жок) представлено в стихотворении С. Куроглу “Horuda”⁵⁷². Поэт размышляет о быстротечности жизни, об ушедшей молодости. Автор говорит о том, что хору наводит его на грустные воспоминания о тяжелой жизни, которая выпала на долю гагаузов. Поэт призывает старика-музыканта играть веселые мелодии, чтобы под них танцевала молодежь и всех радовала. В последней строфе С. Куроглу признается, что именно хору вдохновил его на написание стихотворения:

Horuda

El-eli tutup, genç kızlar oynêêr,
Yakında güreş – güreşer gençlâr;
Gayda sesindâ hepsicîi oynêêr,
Şen ava çâlêr bu insan ihtâr.
Evelki ava... Bu lafım bitârkân,
Döküldü başk, acılı seslâr.
Acılı seslâr zor yaşamaklım,
Evelki ömür pek acı çaldı.
Hey, halkım benim, çok sän dayandın,
Çok senin canın ozaman yandı.
Oyunnar bitti. Yok neyâ şaşmaa:
Gözlerimiz bizim yaşlandı birdân.
Hey, eter ihtâr, kahırlı çalmaa,
Çal başka ava yalvarêrim bân.
Horuda öttü genâ şen seslâr,
Genâ genç kızlar el-elâ oynêêr.

На хору

Взявшись за руки, молодые девушки танцуют.
Неподалеку борются парни.
Вокруг все танцуют. Веселую музыку играют
Пожилые люди.
Это старинная музыка.
Когда я заканчивал это говорить,
Послышались другие, грустные звуки.
Грустные звуки тяжелой жизни.
Прошлая жизнь очень грустно звучит.
Мой народ, много ты терпел.
Много душ тогда сгорело (погибло).

Закончилась жизнь, чему удивляться!
На наших глазах появились слезы.
Эй, хватит, старик, грустно играть!
Играй другую мелодию, пожалуйста!
На хору опять послышалась веселая музыка.
Снова молодые девушки,

⁵⁷² Kuroglu S. Canım baaşlarım ... С. 32.

Bol ömür için bu laflar sölä,
Gaydacı ihtâr genä şen çalêr.

Взявшись за руки, танцуют.
Эти слова — хорошая жизнь.
Звуки хорошей жизни,
И старик опять веселую музыку играет.

Bân gitiim evä, horuyu brakıp,
Nem aldım özü bu peet yazmaa.

Я пошел домой, покинув хор.
И дал себе слово написать это
стихотворение.

İşiderim genä biraz seslenip:
Bıkmêêr uzakta gaydacı çalmaa.

И, прислушавшись, снова слышу:
Не заканчивает игру свою старик.

Встречается в гагаузской поэзии и использование фольклорных реалий. Довольно часто писатели обращаются к герою гагаузской песни «Оглан», ставшей визитной карточкой гагаузов. Данная народная песня представляет собой пастораль, в которой поется о симпатичном молодом пастушке и влюбленной в него девушке.

Н. Бабоглу заимствовал из народной песни образ Оглана и сочинил собственную поэму-легенду — «Легенда Оглана»⁵⁷³. Отметим, что оглан — в переводе с гагаузского означает «паренек» (в народной песне выступает как пастух) и является именем нарицательным. Герои легенды — юноша по имени Оглан и его возлюбленная, невеста-красавица Лянка. Основной смысл поэмы — воспевание чистой и преданной любви, стремления к свободе. К свободе у героя особое отношение, т. к. ради нее он готов преодолевать все препятствия. В финальных частях поэмы описывается свадьба Лянки на дне Черного моря.

Поясним, что в гагаузском фольклоре есть баллада, в которой гагаузская девушка Лянка (в других вариантах — Тудорка) бросается в воды Дуная, чтобы только не стать наложницей и рабыней османов. Н. Бабоглу представляет свою, переосмысленную интерпретацию известной легенды. Перо автора создает новую сказку, новую балладу, описывая свадьбу Лянки и Оглана на дне Черного моря. На свадьбу символически приглашаются реки (Днестр, Ялпуг, Прут), посаженным отцом является небо и т. п. Ушедшие в мир иной влюбленные сливаются с природой и принадлежат теперь вечности. При этом Н. Бабоглу вводит в описание детали традиционной гагаузской свадьбы⁵⁷⁴:

Bizim düün anılacak.
Olsun bizim düünümüz
Geniş o Kara deniz,
Saadîç — Aylan Gün olur,
Dever — bulutlar durur.

Пусть будет наша свадьба.
Приветствую, чотру несущий.
В широком том Черном море.
Посаженый отец пусть — небо будет.
На свадьбу приглашены — Днестр,

⁵⁷³ Baboglu N. Uzak yollarım ... С. 160-161.

⁵⁷⁴ Там же. С. 159.

Düüna Nistru çaarıcı,
Yalpuğ hem dä Prut — aşçı,
Düüncü gelsin engeçlär,
Gelsin hem dä balıklar,
Saadıç koltuu — yıldızlar,

Tutsun mumnarı sazlar,
Selâm, çotra taşıyıcı
Bizä olsunnar kazlar!

Ялпуг и Прут — тамадами,
Приглашенные пусть придут гости,
Посажеными — звезды,
Пусть свечи держат камыши,
Командой посаженных — будут Месяц с
Солнцем,
Приветствую, чотру несущий.
Пусть у нас будут ими гуси.
И пусть придут рыбы.

Автор перечисляет необходимые атрибуты и упоминает те лица, которые играют главную роль на свадьбе: садычи, команда садычей (колтуклар), девери, несущие чотру...

Упоминается в стихотворении и о таких важных свадебных обрядах, как одаривание гостей, обычай «кырмызы ракы»⁵⁷⁵ — испытание сладкой водки в понедельник (во второй день свадьбы):

...Paalı musafirleri
Gözal pek çiiyledilär,
Ekmään — tuzun önündä
Gelin — Güvää iidilär,
„Cuvabı” sözledilär,
Gelin ama kahrıda,
Zor ecellän sofrada...
Pazarertesi günü
Tatlı rakı içtilär,
Gelin çıktı izmetä.
İzmet ama etmedi.
Ona büün tanıdılar
Komşu kapularını,
Sora da oynattılar
En ii oyunnarını.
Çıktı en şakacılar —
Eni kaynana olan
Öldü — düştü şakadan...⁵⁷⁶

...Дорогих гостей
Так красиво одарили,
Перед хлебом с солью
Жених с невестой покушали,
Ответ произнесли...
В понедельник сладкую водку выпили.
Невеста вошла в хозяйство,
Но не хозяйничала.
Её сегодня узнали
Соседские девери,
Потом протанцевали
Самые лучшие танцы.
Вышли самые шутливые,
К новой свекрови,
Которая со смеху
чуть не померла.

⁵⁷⁵ Кырмызы ракы/татлы ракы – обычай свадебного цикла, символизирующий чистоту и непорочность невесты.

⁵⁷⁶ **Мошков В. А.** Гагаузы Бендерского уезда: (Этнографические очерки и материалы). Кишинев: Tipografia Centrală, 2004. С. 122.

С. Куроглу так же, как и Н. Бабоглу, используя образ Оглана, пишет поэму «Земные голоса». Особенностью этого произведения является то, что Оглан не пастух, а земледелец:

Оглан:

Утро доброе, люди! —	И вспашите его.
Вы позвали меня	В колыбель вековую
Из далекой легенды.	Положите зерно,
Я пришел к вам, родня!	Как надежду живую, —
Люди, выйдите в поле...	Возродится оно! ⁵⁷⁷

В поэме присутствуют такие герои, как Земля, Летописец, Орел. Очевидно, что в данном произведении в поэтической образной форме показан процесс обработки земли и посевная. Все это проходит с соблюдением обрядов, которые должны обеспечить благополучный рост зерновых и богатый урожай, плодородие земли. В уста Орла поэт вкладывает назидания о том, что следует для этого сделать, как правильно соблюсти обряд.

С. Куроглу описал и обычай первой борозды, который содержит элементы инициальной магии. При этом калач разламывали на куски. Один из кусков помещали в борозду, а остальные раздавали людям:

Но прежде чем	«На славу, —
Поля зерном засеять,	Произнес седоголовый старец, —
На борозду ступает	Быть урожайным лето обещает!
Мудрый старец.	С богатой снедью,
В руках тяжелых хлеб.	Как в былые годы...»
Как лекарь деревенский,	Хлеб надломил,
Он пульс нащупал	Раздал всем по кусочку,
У молчащей пашни.	И грянул сев —
По борозде,	от края и до края!
Как солнце покотился	
Чорек — хлеб круглый	
Утреннего теста.	

Превращение пастушка Оглана из народной пасторали в богатыря-земледельца в данной поэме можно объяснить тем, что С. Куроглу как историк пытался показать, что земледелие стало ведущей отраслью в традиционном хозяйстве гагаузов, оттеснив на второй план кочевое и отгонное скотоводство и пастушество, а также то, что идентичность земледельца доминирует над идентичностью скотовода.

⁵⁷⁷ Куроглу С. Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 149-158.

Хозяйство и материальная культура

Отражение традиций земледелия (идентичность земледельца) в художественной литературе гагаузов рассмотрено нами частично в первой главе, посвященной восприятию Буджака в творчестве гагаузских писателей, и в первом параграфе данной главы, в той ее части, где речь шла об отношении к труду.

Идентичность земледельца проявляется в уважительном отношении к хлебу, к зерну, к хлебобобам. Монография Е. С. Сорочяну «Хлеб в народной культуре гагаузов: этнолингвистическое исследование» (2020) наглядно демонстрирует разнообразие традиций гагаузов, связанных с культурой хлебопечения, изготовлением мучных изделий и блюд из злаков⁵⁷⁸.

Настоящее исследование доказывает, что хлеб является одним из ключевых кодов гагаузской культуры, что еще раз подтверждает доминирование идентичности земледельца в ряду других идентификационных характеристик, связанных с традиционными хозяйственными занятиями.

В третьей главе, посвященной региональной идентичности гагаузов, их родному краю Буджаку, содержится немало примеров из стихотворений гагаузских поэтов, в которых наряду с признанием в любви родине, воспевается труд земледельца. В первом параграфе данной главы также приводятся произведения, где хлеб представлен как продукт человеческого труда, как наивысшая ценность. Во избежании повторов, в данном параграфе мы обозначим то, о чем ранее не упоминали.

Указание на идентичность земледельца содержится в упомянутой выше поэме С. Куроглу «Земные голоса», где пастух Оглан обретает никогда не свойственные ему черты былинного богатыря и становится пахарем⁵⁷⁹.

Ценность хлеба как продукта человеческого труда является темой стихотворения К. Василиогло⁵⁸⁰:

В мире есть много вещей,
.....
Есть и серебро, и золото,
есть и бумажные деньги,
Но, если нет хлеба в доме, —
Наши дни черны и безрадостны.

В нашей жизни
есть много дорогих вещей,
Но дороже хлеба нет ничего!
Пусть все это знают.

Указание на идентичность скотовода (пастуха) содержится в стихотворении Н. Бабоглу «Отару пасет Оглан»⁵⁸¹.

⁵⁷⁸ Сорочяну Е. С. Хлеб в народной культуре гагаузов: этнолингвистическое исследование. Кишинев: Lexon-Prim, 2020. С. 361.

⁵⁷⁹ См. выше, в этом же параграфе.

⁵⁸⁰ Vasiloglu K. Vatanım – Bucak (Şiir toplumu). Chişinău: Ştiinţa, 2003. С. 32

⁵⁸¹ Baboglu N. Güz çiçekleri ... С. 204.

С холмов поднялся туман,
На травах звенит роса.
Пасет отару Оглан
И видит сон наяву.
Пасет отару Оглан,
Кружка висит на плетне.
На шапке Оглана красный цветок,
Подаренный любимой.
Пасет отару Оглан,
Пасет и играет на кавале.
Сколько веков подряд
Эта песня волнует сердца!

Наступила ночь,
Слабый свет звезд
Льется с небес.
Пастбище охватила прохлада.
Пасет овец Оглан с незапамятных
времен.

Даже тогда, когда земля
Была переполнена горем,
Трава всегда оставалась зеленой.

(Перевод с гагаузского
В. Чудина)

Одним из наиболее ярких примеров отражения идентичности скотовода в гагаузской литературе является рассказ С. Булгара «Каурма»⁵⁸².

Автор досконально, точно с этнографической точки зрения описывает процесс приготовления каурмы — одного из самых излюбленных блюд традиционной гагаузской кухни. Оно представляет собой баранье мясо, предназначенное для длительного хранения. По традиции приготовление этого яства являлось прерогативой мужчин.

Наши полевые материалы за 1994–2000 гг. позволили зафиксировать со слов жителей гагаузских сел, каким образом данное блюдо готовили в прошлом. Информаторами выступали этнические гагаузы. В их числе были и искусные поварахи (ашчыйки), к которым обращались односельчане и жители соседних сел, во время подготовки к поминкам, свадьбам, крестинам. Этот вид блюда обнаруживает широкие параллели в традициях питания тюркоязычных народов (турок) и у тех этнических общностей, в этногенезе которых присутствует тюркоязычный компонент (например, болгары).

Приведем пример приготовления каурмы, который был зафиксирован нами в период индивидуальных экспедиций в гагаузские населенные пункты:

Для того чтобы каурма получилась вкусной и качественной, ее не следует готовить из крупных старых баранов, мясо которых утратило свежесть и первоначальную мягкость. Тушу режут на куски по суставам, не повреждая костей, и тщательно моют водой. Затем помещают в большой казан и долго томят в собственном жире на костре, периодически помешивая деревянной ложкой. Для того чтобы мясо не пригорело, некоторые хозяева наливают в казан немного воды. Мясо считается готовым в том случае, если оно легко отделяется от костей. По мере готовности добавляются специи: красный стручковый жгучий перец, красный молотый перец. Каурма непременно должна быть красного цвета. Красный стручковый перец режут крупными кусками.

⁵⁸² Илкийаз тўркўлери (Весенняя песня). Стихи, рассказы: Кишинев: Литература артистикэ, 1989.

Пока каурма томится в казане, мужчины подготавливают желудок барана. Его натягивают на стол наизнанку, тщательно моют, посыпают обильно солью и очищают специальным скребком или ножом. Когда каурма готова, мясо отделяют от костей и наполняют им очищенный желудок барана, который помещают под пресс в холодное место. Чтобы избавиться от запаха баранины, добавляют лук. В настоящее время мясо не выкладывают в желудок, а заворачивают в целлофан или наполняют им пустые пластиковые бутылки от воды, предварительно отсекая от них горлышко в широкой части. Изделие в нарезанном виде может служить холодной закуской к вину или компонентом к различным блюдам. Например, к запеченному в печи картофелю (kartofi firinda) и капусте (laana). Некоторые хозяйки готовят на каурме яичницу.

С. Булгар (уроженец с. Виноградовки на Украине), как и его коллеги по литературному цеху, всегда интересовался народными традициями. Еще в советский период ему удалось зафиксировать, каким образом гагаузы из его родного села готовили данное блюдо.

В нижеприведенном отрывке обнаруживается полное сходство с нашими полевыми материалами:

«Когда дед зашел в овчарню за овцой, прямо в глаза ему смотрел черный ягненок. Деду стало не по себе. Он перекрестился и немного пришел в себя. Потом зарезал ягненка и начал разделять мясо. Натянул шкуру на стол и посолил. Когда пришел Савчу, они вместе приготовили дрова и развели огонь <...>.

Зымба (имя деда — Д. Н.) острым ножом отделял мясо от костей, а затем положил кости в таз. Савчу принес теплую воду и они начали мыть мясо. <...>. Затем поместили мясо в большой казан и залили его одним литром чистой и свежей воды.

Потом переместили казан на очаг и оставили мясо томиться на огне. Иногда Зымба перемешивал каурму деревянной ложкой. Постепенно в костер подбрасывали сухие дрова. <...>. Каурма должна вариться 3-4 часа.

<...> Зымба насыпал в казан 100 г черного перца, лавровый лист, разломав его на куски. Потом добавил две столовые ложки красного перца.

Затем <...> Зымба подсказал Савчу, что в каурму надо класть две луковицы. Лук добавляют, чтобы перебить овечий запах.

Дед Зымба взял желудок ягненка и начал тщательно его мыть, чистить. Попросил Савчу, чтобы тот натер его солью.

Савчу начал натирать желудок солью, изредка поливая его водой. Когда все было готово, они наполнили желудок каурмой, завязали горловину, положили на стол и поместили под пресс. <...> По словам Зымбы, каждый гагауз должен уметь делать две вещи: каурму готовить и кадынжу танцевать. Если он этого не умеет, то с ним не о чем разговаривать»⁵⁸³.

⁵⁸³ Булгар С. Жанавар йортулары. Кишинев: Литература артистикэ, 1990. С. 143.

Из традиций питания Н. Бабоглу упоминает в своих рассказах блюда, которые являлись обязательными в пост перед Рождеством — фасоль, свёкла, картошка, лук: “Oruçta insan lââzım isin fasülâcık, çukundur, kartofıcık, suvan isinnâr. Oruç açıldıynan öbür mancalar da insannara taa datlı görüneceklâr”⁵⁸⁴.

В рассказе “Çörek pita” описывается процедура приготовления лепешки — пресного хлеба⁵⁸⁵.

Автор называет эту лепешку архаичным термином “çörek”. Данная лексема раньше обозначала пресную лепешку, которую еще в первой половине XX в. выпекали на поду у устья печи или на открытом очаге, положив на листья хрена. Эта незамысловатая еда была настоящим лакомством, когда гагаузы, для системы питания которых не были свойственны «сладкие традиции», эту лепешку смазывали медом. Медовую лепешку могли готовить как в будние дни, так и на праздники, в частности в День святой Варвары. Об этом упоминают в своих работах В. А. Мошков, Е. С. Сорочяну, Е. Н. Квилинкова, Д. Е. Никогло и др.⁵⁸⁶.

С. Куроглу, будучи этнографом понимал как никто другой значимость народных традиций. Свое отношение к этому он выразил в стихотворении «Ожерелье из обрядов»⁵⁸⁷:

Adetleri mercannarı

Sandıkların dibindä
Aara en iisini,
Adetlerin içindä —
Mercanın tespisini!

İhtârlar nasaat eder
“Kaşırılâ musaafiri,
Zerä ki başka sefer
Razgelärsin sän biri!”

İlkyaz.Turna sesetti,
Çık adetçä martalı!
Unudarsan adeti,
Duymaycan yılı paalı.

Meciyi yapmaa kayıl
Olma hiç senselesiz,

Ожерелье из обрядов

Найди на дне сундука
Самое лучшее.
Среди обычаев —
Жемчужину обряда.

Наставляют старики,
«Как подобающе встречать гостей,
Потому что и ты когда-то
Можешь стать гостем».

Весной встречай
Мартовских журавлей.
И, если забудешь этот обычай,
Не узнаешь цену этого года.

Не отказывайся ходить на меджи⁵⁸⁸.
Не отдаляйся от родни,

⁵⁸⁴ **Бабоглу Н.** Бужак ежеллери: Ред. Д. Танасоглу. Кишинэу: Картя молдовеняскэ, 1979.

⁵⁸⁵ Gagauz literaturası. Hrestomatiya X–XI – ci klaslar için. Kişinöv, 2002. С.12.

⁵⁸⁶ История и культура гагаузов. Кишинев: Pontos, 2006.

⁵⁸⁷ **Kuroglu S.** Sanımı baaşlarım ... С. 97.

⁵⁸⁸ Коллективные работы по строительству домов, колодцев и т. п.

Neçinki yortularım
Geçecek musaafirsiz.

Потому что все твои праздники
Пройдут без гостей.

Son yıla köprü bezli
Kim geçirecek seni?
Ölüyü da adetli
Bak, geçir, şanı gitsin!

Кто-то проведет тебя
По мосту в последний путь?
И ты проведи покойного по обычаю,
Чтобы он спал спокойно!

Adet diil salt bobada,
Gençlär almış iisini:
Bak, ne sevinç kapuda
Yârim karşılêr beni!

Обряды не только в наших предках,
И молодые от них переняли лучшее.
Посмотри, как радостно
У двери меня встречает моя любимая!

Mayıl adet akına
Yolcuya vermää nasaat:
“İ saatlan!” Al yanına
Dost, ii adeti bu saat!

Во имя доброго обычая
Хочу путнику дать наставление:
«В добрый путь!
В этот час возьми с собой добрый обычай!»

Сравнение обычаев и обрядов с жемчужинами свидетельствует о трепетном отношении поэта и ученого-этнографа к народным традициям. В небольшом стихотворении С. Куроглу удалось упомянуть о похоронных обрядах, о традициях взаимопомощи и гостеприимства, которых придерживались гагаузы в прошлом и стараются сохранять до сих пор. Лейтмотивом звучит наставление поэта молодому поколению, которое он призывает перенимать обычаи предков, чтить их и сохранять.

К такому же заключению пришел и Д. Карачобан⁵⁸⁹:

Обычаи родимой стороны!
Я так горжусь,
что кровью к вам причастен!
Вы среди зла и горя рождены
людской,
неистребимой
верой в счастье!

Поэт преисполнен гордости за самобытные традиции гагаузов. Он осознает, что они аккумулировали в себе многовековой опыт народа, на долю которого выпали суровые испытания. На наш взгляд, в этой строфе автор говорит о позитивном влиянии обычаев, обрядов, ритуалов на жизнь человека. Известно, что их соблюдение играет особую роль в идентификации личности и в сплочении коллектива — семьи в частности и этнической

⁵⁸⁹ Кара Чобан Д. Азбука открытий. С. 9.

общности в целом⁵⁹⁰. Кроме того, Д. Карачобан транслирует мысль о том, что подавляющее большинство обычаев и обрядов выполняют функцию моделирования благополучия, здоровья (как человека, так и домашнего скота) богатства, изобилия и, конечно, удачи и счастья в любом деле. В целом, в данном стихотворении содержится установка на положительную этническую идентичность, т. к. сам поэт гордится культурой своего народа. Наличие положительной этнической идентичности в свою очередь благотворно сказывается на атмосфере внутри этнической общности.

* * *

Таким образом, в художественной литературе отражаются такие нравственные ценности как трудолюбие, уважительное отношение к человеку, который добросовестно трудится. Писатели транслируют уважительное отношение и к творческому труду, которое не было свойственно традиционному гагаузскому обществу.

В произведениях литературы наблюдается также установка на уважение к старшим и осуждение непочтительного к ним отношения. При этом большинство стихотворений посвящено матери, а сам образ матери сакрализуется. Довольно часто авторы обращаются к бабушкам и дедушкам, которые воспринимаются ими не только как самые близкие и родные люди, но и, прежде всего, носители культуры и языка, передающие свои внукам наследие предков.

Среди обрядов и народных праздников наиболее часто писатели апеллируют к Рождеству, Новому году, празднику Хедерлез. Из обрядов семейного цикла — к свадьбе, сватовству. Идентичность земледельца отражается в произведениях (главным образом поэтических), посвященных родной земле, пшеничным полям, ценности хлеба как продукта человеческого труда. Идентичность скотовода — с теми сочинениями, в которых используются народные мотивы из гагаузского фольклора (например, народная песня «Оглан»), а также с рассказами, в которых повествуется о такой отрасли хозяйства гагаузов, как овцеводство.

⁵⁹⁰ **Обухова Л. Ф., Дворникова И. Н.** Ритуалы как психологическое средство формирования сплоченности семьи // Психологическая наука и образование, 2008. Том. 13, № 4. С. 24–34. https://psyjournals.ru/psyedu/2008/n4/Obuhova_Dvornikova_full.shtml (дата обращения 16.08.2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Официальное принятие письменности для гагаузов во второй половине XIX века послужило мощным импульсом для развития художественной литературы. Не имея своей письменной традиции, молодая гагаузская литература опиралась на образцы фольклора и народные традиции, которые стали для гагаузских писателей неисчерпаемым источником творческого вдохновения. Первая плеяда писателей гагаузского происхождения внесла бесценный вклад в развитие художественной литературы гагаузов — положила начало литературному процессу в гагаузской среде.

Почти каждый из гагаузских писателей (за небольшим исключением) получил высшее гуманитарное (филологическое, историческое, педагогическое) образование и сочетал в своей деятельности несколько направлений: были учеными, педагогами, журналистами, художниками и режиссерами документальных фильмов о гагаузах, музейными работниками, общественными и политическими деятелями. Кроме того, каждый из них занимался просветительской деятельностью, пропагандируя в своих статьях и стихотворениях, опубликованных в прессе, в отдельных изданиях важность сохранения родного языка и народных традиций, знакомя читателей с историей своего народа.

Такой широкий диапазон их творческой активности отнюдь не случаен. Гагаузские писатели, проявляя себя в разных ипостасях, восполняли в какой-то степени дефицит интеллектуальных и образованных людей в гагаузской этнической среде. Несомненно, такое явление встречается и в местной болгарской, еврейской, русской, украинской литературах. Однако, учитывая тот факт, что младописьменные гагаузы не имеют своего материнского государства, а также тот факт, что немногочисленная прослойка интеллигенции сформировалась в гагаузской среде сравнительно недавно, подобное сочетание нескольких видов деятельности имело большое значение. Именно писатели гагаузского происхождения, обладая наиболее развитым этническим самосознанием, отражали в своих произведениях нравы народа, их традиции, отношение к родине, к родному языку и т. п.

Как показало исследование, в восприятии малой родины — Буджака — наблюдается единство среди писателей, принадлежащих разным поколениям. Например, практически все они воспевают Буджак и буджакскую степь. Основными ключевыми темами, на которых строятся поэтические и прозаические произведения, являются следующие: природа/пейзажи Буджака; большая и малая родина; родина — родной дом, родина — родители.

Общность в восприятии родины у гагаузских писателей наблюдается в сакрализации родного края. Эффект сакрализации достигается посредством ряда приемов: путем сравнения родины с волшебной сказкой; в представ-

лении о том, что родина — это судьба, в восхвалении родины и поклонении ей, в признании чувства долга перед родиной, в готовности жертвовать собой во имя родины, в сравнении родины с невестой или возлюбленной.

Ключевыми словами (маркерами буджакской степи), наиболее часто встречаемыми при описании родного края, являются: пшеница, колосья пшеницы, золотая пшеница, подсолнух, сады, виноградники, виноград, гроздья винограда, тополь, акация, полынь, синее небо, жара, зной... Среди эпитетов, которым наделяется Буджак, наиболее часто употребляется лексема «красивый» (красивый мой Буджак).

При исследовании восприятия Буджака гагаузскими авторами нам удалось также установить, что в гагаузской литературе почти нет апелляции к Болгарии как к исторической родине. Единственной родиной для них является Буджак. Для болгарских и украинских писателей сакральное значение имеют соответственно Болгария как большая родина и материнское государство, так и Украина. Этот факт свидетельствует о наличии диаспорального сознания в среде болгарской и украинской творческой элиты Молдовы и в отсутствии такового явления в гагаузской этнической общности. В данном случае большой родиной для гагаузов выступает Республика Молдова, а для гагаузов Украины — Украина.

Как показало исследование, стихотворений, посвященных родному языку, гораздо меньше, чем произведений о родном крае. Примечательно, что в советский период было написано очень незначительное количество произведений на эту тему. С наступлением трансформационного периода, начавшегося в конце 80-х гг., число обращений к теме родного языка значительно возрастает.

Ключевыми смысловыми конструкциями являются восхищение красотой (звучанием) гагаузского языка, его мелодичностью. Авторы выражают тревогу в связи с тем, что гагаузский язык очень медленно расширяет сферу своего функционирования, что на нем перестают говорить даже в селах. Родной язык наделяется такими эпитетами, как *красивый, мелодичный, сладкий*. Нередко он сравнивается с цветком и сокровищем. Наивысшая степень сакрализации достигается при сравнении родного языка с Мадонной. Кроме того, встречается и упоминание о генетической характеристике языка. В этом случае в поэтических произведениях подчеркивается, что наш язык — огузский или тюркский. Одновременно подчеркивается близость гагаузского языка с языками других тюркоязычных народов.

Религиозная тема, как правило, характерна для тех писателей, которые являются глубоко верующими людьми. Апелляция к Богу имеет место в том случае, когда сюжет стихотворений связан с личными переживаниями автора о здоровье и благополучии родных и близких, с творческим вдохновением и размышлениями о добре и зле, о предназначении человека, о проблеме духовного развития и нравственном долге. Ряд стихотворений посвящен

христианским заповедям, в других — в поэтической форме описываются церковные праздники, связанные с народным календарем.

Исследование показало, что религиозная идентичность в большей степени проявляется в произведениях более молодых поэтов. В творчестве писателей первого поколения, вышедших из гагаузской среды, обращение к Богу встречается крайне редко и в основном в стихах, написанных в период перестройки, когда атеистическая идеология утратила свою силу и актуальность.

Следует отметить, что в рассмотренных нами произведениях о религии и вере нет никакой связи с этничностью, т. е. религия не представлена как один из важнейших компонентов этничности. Она (религия) находится в сфере сугубо личного и служит нравственным ориентиром. «Привязка» к этничности, безусловно, есть, но она проявляется в трансляции общехристианских нравственных ценностей, на которых всегда базировались нравственные идеалы народа и вся традиционно-бытовая культура.

Важным компонентом этнического самосознания является представление об историческом прошлом народа и об общности своего происхождения.

В целом среди писателей наблюдается единодушие в представлениях о предках гагаузов. Чаще всего в своих сочинениях они упоминают огузов. Апелляция к печенегам и куманам встречается гораздо реже. Как правило, предки наделяются положительными характеристиками: сильные, могучие, мудрые, умные, мужественные, воинственные, гордые. Этот характер предков складывался и закалялся в суровых условиях степи. Кочевники, в отличие от земледельцев, обладали большей физической выносливостью и были более опытными воинами. В представлениях почти всех гагаузских писателей этнической территорией формирования гагаузов являются обширные евразийские степи — от Алтая, до Добруджи.

Прошлое в представлениях гагаузских писателей является сакральным. Оно священно, потому что именно там — истоки народа, именно в далеком прошлом были заложены самые важные и положительные качества предков, которые были переданы потомкам. Всех писателей, которые касались темы происхождения народа, объединяло одно — их интерес к истории своего народа.

Обратим внимание на то, что среди авторов, обратившихся к теме этногенеза гагаузов, пять профессиональных историков — Д. Танасоглу, С. Куроглу, М. Дурбайло, Г. Недов, В. Бошков; два филолога — Т. Арнаут, С. Адиева. Исключение составляет Т. Занет, у которого высшее техническое образование.

В процессе исследования нам удалось выявить, что в своем романе «Узун керван» Д. Танасоглу создал миф о славных предках — древних тюрках, огузах, который уже закрепился в сознании творческой элиты. Следует заметить, что писатель выстроил в романе непрерывность генетической линии предков гагаузов, начиная с эпохи древних тюрков, Тюркских каганатов, их распада,

затем — появления страны огузов в Средней Азии, миграции огузов на запад, переход их через Дунай на Балканы, образование Огузского государства, новую миграцию в Южную Бессарабию и провозглашение в 1906 г. Комратской республики.

В этом отношении значимым в романе является образ каравана, который движется во времени и пространстве. Караван — это хронотоп — тот пространственно-временной континуум, в котором происходил процесс формирования этноса. Главная задача писателя состояла в том, чтобы удревить историю гагаузов и показать наличие в истории предков государственности. Таким образом, Д. Танасоглу можно назвать одним из конструкторов исторического прошлого, а значит и конструктором этничности. Безусловно, и другие писатели участвовали в данном процессе, но наиболее ярко это отразилось в творчестве Д. Танасоглу, т. к. его роман охватывает период в 1900 лет. Конструирование отразилось не только в выстраивании линии континуитета, но и в создании такого образа, как гагаузский сказитель кушчу-пиетчи, играющий на кауше (струнный музыкальный щипковый инструмент). В гагаузской традиции не зафиксировано наличие сказителя, подобного акынам, ашугам, боянам и т. п. Образ аксакала-сказителя, который был назван «каушчу-пиетчи», сформирован гагаузской творческой элитой.

В интеллектуальной среде гагаузов утвердилось мнение о том, что создателем образов каравана и народного сказителя (каушчу-пиетчи) был Д. Танасоглу. Однако в процессе исследования нам удалось также установить, что первенство в этом вопросе принадлежит С. Куроглу, который еще в 1977 г., т. е. за восемь лет до выхода в свет романа Д. Танасоглу опубликовал стихотворение «Напевы струн», где впервые представил эти два образа.

Авторы демонстрируют традиционное отношение к труду как к одной из ключевых нравственных ценностей гагаузов. В ряде произведений транслируется установка на уважительное отношение к людям творческих профессий — писателям, музыкантам, художникам.

В гагаузской литературе широко отражается уважительное отношение к представителям старшего поколения. Одновременно осуждается непочтительное отношение к этой возрастной категории людей. Образ матери при этом сакрализуется. Особым уважением и любовью пользуются бабушки и дедушки, которые воспринимаются как носители и хранители народных традиций.

В гагаузской литературе отражаются те элементы духовной культуры, которые связаны с новыми этапами жизни индивида и сезонными циклами народного календаря (Рождество, Новый год, Хедерлез). Писатели, как правило, отдают предпочтение тем обычаям и обрядам, которые содержат зрелищные и игровые элементы: рождественские и новогодние колядки и сопровождающие их традиционные театрализованные представления, фестиваль Хедерлез.

Из элементов семейной обрядности чаще всего встречаются свадебные обряды (сватовство, сговор). Авторы довольно подробно представляют в

поэтической форме этапы сватовства. Описание собственно свадьбы, свадебного застолья и веселья насыщено юмором.

Из фольклорных образов чаще всего используется образ молодого пастушка по имени Оглан и девушки Лянки.

Все это свидетельствует о том, что писатели гагаузского происхождения черпали свои сюжеты и образы из народных традиций и фольклора.

Как показало исследование, художественная литература гагаузов является богатейшим источником этнокультурной информации. Гагаузские писатели транслируют посредством художественного слова свое отношение к истории, к далеким и более близким предкам, к народным традициям, к родной земле, родному языку. Результатом их творческого труда стал сконструированный образ прошлого.

Кроме того, почти всех авторов, но прежде всего Д. Танасоглу, можно назвать создателями так называемого Сказания (мифа) о происхождении гагаузов и их предков, о важных исторических событиях, сыгравших ключевую роль в их судьбе. Думается, что писатели (сознательно или неосознанно) стремились восполнить отсутствие в гагаузском фольклоре легенд и преданий о происхождении народа.

Одной из идей, которую транслируют гагаузские писатели, стала идея принадлежности гагаузов к тюркскому миру. При этом наблюдается слабый интерес к «балканскому» периоду в истории гагаузов и всему тому, что связано с балканскими традициями, на основе которых складывался весь комплекс традиционно-бытовой культуры гагаузов. На наш взгляд, это объясняется тем, что в этномобилизационный период в конце 80-х – начале 90-х гг. гагаузы «прописывали» себя в тюркском мире, чтобы заявить о своей самобытности и добиться права на создание государственности в форме АТО Гагауз-Ери (Гагаузия). Данные тенденции были присущи не только гагаузам Молдовы, но и их соотечественникам, проживающим в Украине.

В трансформационный период гагаузские писатели стояли в авангарде этномобилизационных процессов. Своим творчеством (глубоко народным и этнографичным по своей сути) они пробуждали этническое самосознание, призывая возрождать и сохранять народные традиции и гагаузский язык, сохранять и укреплять межпоколенную преемственность. Произведения художественной литературы гагаузов, вошедшие в школьную программу, безусловно, оказывают влияние на подрастающее поколение, прививая интерес к истории, к культуре своего народа, формируя у юного и молодого поколения положительную этническую идентичность.

Настоящее исследование представляет собой первую попытку изучить художественную литературу гагаузов в означенном методологическом ключе и не претендует на полноту освещения данной многогранной темы.

Список литературы

1. Агаджанов С. Г. Огузские племена Средней Азии IX – XIII вв. (историко-этнографический очерк) // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Вып. X. М.: Наука, 1971. С. 179-193.
2. Агаджанов С. А. Очерки истории огузов и туркмен IX-XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.
3. Агамалиева С. М. О пище таузского и казахского районов Азербайджанской ССР // Долгожителство в Азербайджане. М.: Наука, 1989. С. 45-120.
4. Алексиев А. Легенди за Калиакра // Чиракман. Карвуна. Каварна. София: Издательство на отечествения фронт, 1982. С. 110-112.
5. Ариас-Вахиль М. А. Испания серебряного века в постреволюционном пространстве (К. Бальмонт, А. Брюсов, Ф. Сологуб) // Материалы Конгресса МАПРЯЛ в 15-ти томах. Т. 14. Направление 13: Русская литература в мировом литературном процессе. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 43-48.
6. Аругюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с. // <http://socioline.ru/pages/yuv-arutyunyan-etnosotsiologiya>
7. Атанасов Г. Добруджанского деспотство. Велико Търново: Фабер, 2009.
8. Балагова-Кандур Л. Х. Адыгейская литературная диаспора. История. Этнодуховная идентичность. Поэтика. Автореф. дисс... докт. филол. наук. М., 2009.
9. Балич Н. Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества // <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-kulture-sovremen-nogo-obschestva/viewer>
10. Бесарабски изгрев. Поезия. Одеса: Маяк, 2004.
11. Библия. Второзаконие, 6, 4-5.
12. Библия. Новый завет, Мф, 10, 37.
13. Бондаренко В. В. Межкультурный диалог поколений на примере колыбельных // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры г. Гранада, Испания 13020 сентября 2015 г. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 14. Направление 2: Русская культура в эпоху глобализации. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 18-22.
14. Бражук В. Японские мотивы в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Русский язык и литература во времени и пространстве. Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай: МАПРЯЛ, 2011. С. 262-264.
15. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
16. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
17. Булгар С. Гагаузские судьбы. Деятели культуры и науки: 200 лет истории. Кишинев: Б. и., 2005.
18. Булгар С., Димчогло Ю. История гагаузов Украины. Одесса: Астропринт, 2017.
19. Бурлаку А. Символические ипостаси традиционного героя // Лимба ши литература молдовеняскэ, № 3, 1983. С. 52-60.
20. Васильева И. В., Васильев Д. Образы завоевателей и завоеванных (на примере произведений Н. Н. Казарина о завоевании русского Туркестана) //

- Материалы Конгресса МАПРЯЛ в 15-ти томах. Т. 14. Направление 13: Русская литература в мировом литературном процессе. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 115-119.
21. Гавилов Г. А. Скотоводческое хозяйство Азербайджана в XIX в. (Историко-этнографическое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1988.
 22. Грек И. Ф. Буджак. История земли и населения (с VII в. до н. э. – XXI в.). Кишинев: Stratum plus, 2016.
 23. Грек И. Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев: Штиинца, 1993.
 24. Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.
 25. Губогло М. Н. Именем языка. М.: Наука, 2006.
 26. Губогло М. Н. К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М.: Наука, 1982. С. 211-221.
 27. Губогло М. Н. О религиозной (ли) идентичности? // Курсом изменяющейся Молдовы. Т. I. М.: Старый сад, 2006. С. 206-231.
 28. Губогло М. Н. Ресурсы гагаузского нациестроительства / Сборник докладов международной научно- практической конференции «20 лет АТО Гагаузия. Прошлое. Настоящее. Будущее. Роль и место Гагаузской Автономии в современной Молдове. Комрат: Б. и., 2014. С. 135-166.
 29. Губогло М. Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. М.: Старый сад, 2004.
 30. Губогло М. Н. Сполохи прошлого — блики будущего (автобиографические затеси). Комрат-Кишинэу: Б. и. 2013.
 31. Губогло М. Н. Этническая принадлежность гагаузов // Советская этнография, № 3 май-июнь, 1967. С. 159-167.
 32. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
 33. Дурбайло М. А. Баллада тюркүлери. Кишинев: Штиинца, 1991.
 34. Духовная культура и этническое самосознание. Вып. 1., М.: Б. и., 1990.
 35. Духовная культура и этническое самосознание. Вып. 2., М.: Б. и., 1991.
 36. Ижболдина И. Живая старина в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX – начала XX вв.: Исследования и материалы. Кишинев: Civitas, 2012.
 37. История и культура гагаузов. Кишинев: Pontos, 2006.
 38. Каджаева Н. Ш. Батумские впечатления О. Мандельштама // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. – Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 г. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 14. Направление 2: Русская культура в эпоху глобализации. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 236-239.
 39. Кауненко И. И., Каунова Н. Г., Иванова Н. В. Идентичность в системе этно-психологического и этнологического знания в Республике Молдова. Кишинев: Б. и., 2015.

40. Квилинкова Е. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев-Благовград: Б. и., 2012.
41. Квилинкова Е. Н. Гагаузский песенный фольклор — «грамматика жизни». Кишинев: Elan-Inc, 2011.
42. Квилинкова Е. Н. Народные православные календарные праздники // История и культура гагаузов. Chişinău: Tipografia Centrală, 2006. С. 631-685.
43. Квилинкова Е. Н. Православие — стержень гагаузской этничности. Комрат-София: Tipografia Centrală, 2013.
44. Клейман Р. Еврейская составляющая творческого мира Иосифа Бродского // Ежегодник Института межэтнических исследований. Том. V. Chisinau: Tipografia AŞM, 2004. С. 125-131.
45. Клейман Р. Проза Я. Тихмана как межкультурный феномен XXI века (быт и притча в системе интертекстуальных связей) // Revista de etnologie şi culturologie. Vol. 1. Chişinău, 2006. С. 177-185.
46. Клишина О. Методология этнологического исследования художественных текстов (на примере творчества А. Н. Островского, Н. С. Лескова, А. П. Чехова). Автореф. дисс. доктора исторических наук. М., 2013.
47. Корнилович С. И. Статистическое описание Бессарабии, собственно, так называемой или Буджака (1822-1828). Аккерман: «Издание аккерманского земства», 1889.
48. Лебедева Н. М. Эмпирическое исследование психологической адаптации этнической группы к иной природной среде (на примере русских старожилов Закавказья) // Духовная культура и этническое самосознание. М.: Б. и., 1990, вып. 1. С. 101-128.
49. Малькова В. К. Русские песни и национальное самосознание // Духовная культура и этническое самосознание. М.: Б. и., 1990. Вып. 1. С. 129-148.
50. Маруневич М. В. Материальная культура гагаузов конца XIX – начала XX в. Кишинев: Штиинца, 1988.
51. Мошин О., Копушу В. Протоиерей Михаил Чакир: служение Богу и ближним. Кишинев: Cuvântul-ABC, 2013.
52. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (переиздание трудов В. А. Мошкова), Кишинев: Tipografia Centrală, 2004.
53. Мошков В. А. Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г. Известия императорского Русского географического общества, 1904. Т. 40, вып. 3. С. 399-436.
54. Налбантова Е. Поеззията на българите от Украйна и Молдова // Съвременна българска поезия от Бессарабия и Таврия. Антология. Критически прочети. Одесса: Друк, 2006. С. 66-85.
55. Налбантова Е. Три етюда върху българската бесарабска поезия // Съвременна българска поезия от Бессарабия и Таврия. Антология. Критически прочети. Одесса: Друк, 2006. С. 123-129.
56. Никогло Д. Е. Восприятие Буджака в творчестве гагаузских и болгарских поэтов Бессарабии // Курсом развивающейся Молдовы. Том 10. Личность

- и группа: векторы трансформационных изменений. М.: Старый сад, 2010. С. 283-299.
57. Никогло Д. Научные труды Ивана Федоровича Грека по гагаузоведению // Буджак: от прошлого к настоящему. Сборник статей к 80-летию Ивана Федоровича Грека. Кишинев: Б. и., 2019. С. 48-76.
 58. Никогло Д. Е. Некоторые события балканского периода истории гагаузов в романе Д. Танасогло «Узун керван» // Conferința științifico-practică internațională «Știință, educație, cultură» Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 29-й годовщине Комратского государственного университета. Сборник статей. Comrat: КГУ, 2020. С. 407-411.
 59. Никогло Д. Е. Отражение темы религиозной идентичности гагаузов в художественной литературе // Patrimoniul cultural: cercetare și valorificare : culegere de studii / Univ. Pedagogică de Stat "Ion Creangă" din Chișinău, Fac. de Istorie și Geogr.; coord.: Valentina Ursu, Angela Lisnic. Chișinău: Garomont Studio, 2018. С. 81-97.
 60. Никогло Д. Е. Религиозная тематика в поэзии Валерия Кириогло // Conferința științifico-practică internațională «Știință, educație, cultură». Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 29-й годовщине Комратского государственного университета. Сборник статей. Comrat: КГУ, 2020. С. 411-414.
 61. Никогло Д. Е. Система питания гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев: Tipografia „Elena“, 2004.
 62. Никогло Д., Сырф В. Сочинения поэтов гагаузского происхождения, пишущих на русском языке (к вопросу о тематическом своеобразии) // Духовное и историко-культурное наследие русских Молдовы. Сборник материалов научной конференции с международным участием, посвященной 25-летию создания сектора «Этнология русских» Центра этнологии Института культурного наследия АНМ (Кишинэу, 23 марта 2016 г.). Кишинэу: Б. и., 2017. С. 190-196.
 63. Никогло Д. Е. Этничность в художественной литературе гагаузов // Идентичность. Сборник докладов и сообщений международной научно-практической конференции «Единство исторических судеб», посвященной 80-летию со дня рождения Михаила Николаевича Губогло. Комрат: Б. и., 2018. С. 158-185.
 64. Никогло Д. Е. Этнокультурные мотивы в поэзии С. С. Курогло // Курсом развивающейся Молдовы. Том 3. Материалы Молдо-Российского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации», 20-21 апреля 2007 г., г. Комрат. М.: Старый сад, 2007. С. 376-392.
 65. Никогло Д., Сырф В. Гагаузская колыбельная песня: фольклорная и литературная традиции // Revista de etnologie și culturologie. Vol. V, 2010. С. 40-50.
 66. Никогло Д. Е., Чимпоеш Л. С. Отношение к труду в гагаузском фольклоре и поэзии // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 9–10. 2011. С. 196-199.
 67. Никогло Д. Е., Чимпоеш Л. С. Отражение традиций гостеприимства в фольклоре и национальной литературе // Курсом развивающейся Молдовы.

- Том 8. Единство и многообразие культурного наследия. М.: Старый сад, 2009. С. 271-280.
68. Никогло Д. Е., Чимпоеш Л. С. Элементы этнической идентификации в гагаузской поэзии // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы Молдо-Российского симпозиума. М.: Старый сад, 2006. С. 246-263.
 69. Обухова Л. Ф., Дворникова И. Н. Ритуалы как психологическое средство формирования сплоченности семьи // Психологическая наука и образование, 2008. Том. 13, № 4. С. 24-34. https://psyjournals.ru/psyedu/2008/n4/Obuhova_Dvornikova_full.shtml (дата обращения 16.08.2022).
 70. Оразов А. Материальная культура прибалханских туркмен в конце в XIX – начале XX вв. Ашхабад: Ылым, 1965.
 71. Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005.
 72. Папцова А. К. К вопросу об эволюции соотношения религиозной, этнической и языковой идентичности гагаузов в XIX–XX вв. // *Analele știintifice ale Universității de Stat din Moldova (Seria “Științe socioumanistice”)*. Vol. III. Chișinău: Б. и., 2005. С. 503-510.
 73. Папцова А. К. Православие в культуре гагаузов // Материалы VII Международных Православных Общеобразовательных Чакировских чтений / Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М. В. Маруневич Вулканешты: Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М. В. Маруневич, 2016. С. 212-256.
 74. Покровская Л. А. Гагаузский эпоним Ган-киши, восходящий к этнониму «ганга-киши» // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1996-1997 гг. Краткое содержание докладов. СПб., МАЭ РАН, 1998. С. 25-26.
 75. Покровская Л. А. Два средневековых этнонима «гагауз» // *Studia linguistica et balcanica*. Памяти А. А. Десницкой. СПб.: Наука, 2001. С. 250-256.
 76. Покровская Л. А. К вопросу об этимологии этнонима «гагауз» // *Известия РАН Серия литературы и языка*. Т. 54. № 2. М.: Наука, 1995. С. 79-80.
 77. Покровская Л. А. О происхождении этнонима «гагауз» // *Педагогический журнал*, № 2, Кишинев, 1994. С. 59-63.
 78. Попович К. Нариси українського фольклору та художньої літератури Молдови. Кишинев: Business-Elita, 2007. С. 198-588.
 79. Прокоп С. П. Белорусская культура в Республике Молдова (1991–2011) // Молдова-Беларусь: исторический опыт взаимодействия. Кишинев: Б. и., 2012. С. 350-428.
 80. Прокоп С. П. К вопросу о перспективе применения понятия «этнолитература» в контексте современных междисциплинарных исследований // *Revista de etnologie și culturologie*, Vol. 2, 2007. С. 11-22.
 81. Прокоп С. Литературные портреты. Книга первая. Кишинэу: Б. и., 2015.
 82. Прокоп С. Литературные портреты. Книга вторая. Кишинэу: Б. и., 2016.
 83. Прокоп С. Особенности русской составляющей литературного процесса Молдовы второй половины XX в. Кишинев: Б. и., 2014.

84. Прокоп С. Судьба ребенка в цыганской литературе // *Revista de etnologie și culturologie*. Vol. V, 2010. С. 112-117.
85. Прокоп С. Цыганская литература Молдовы как характеристика культурной и этнической идентичности // *Revista de etnologie și culturologie*. №3, 2008. С. 202-214.
86. Прокоп С. «Цыганская тема», отраженная в русской художественной литературе XVIII–XIX вв. // *Romii/Țigani din Republica Moldova: comunitate etno-socială, multiculturală, istorico-tradițională (1414–2014)*. Materialele Conferinței Științifice Romologice Republicane Chișinău, 08 Aprilie 2014. Chișinău: Типография „Праг“, 2014. С. 86-127.
87. Прокоп С. Цыганские писатели Республики Молдова в литературном контексте Европы // *Revista de etnologie și culturologie*. Vol. VI, 2010. С. 42-51.
88. Прокоп С. Цыганский и еврейский колорит в произведениях В. Даля // *Revista de etnologie și culturologie*. Vol. XV–XVI, 2014. С. 94-104.
89. Рацеева Е. Проблема сохранения и развития этнической идентичности подрастающего поколения болгар Республики Молдова на современном этапе. Автореферат дисс. ученой степени доктора истории. Кишинев, 2010.
90. Садохин А. П. Этнология. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2006.
91. Скальковский А. А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса: Типография Т. Неймана и К°, 1848.
92. Сорочану Е. С. Хлеб в народной культуре гагаузов: этнолингвистическое исследование. Кишинев: Lexon-Prim, 2020.
93. Социальная организация культурных различий / Под ред. Фредерика Барта, 1969. М.: Новое издательство, 2006.
94. Степанов В. Миниатюры традиционной жизни евреев в «Очерках Днестра» А. С. Афанасьева-Чужбинского // *Revista de etnologie și culturologie*. Vol. XV, 2014. С. 7-17.
95. Степанов В. П. Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода. Chișinău: Business-Elita, 2007.
96. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2004.
97. Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. Chișinău: Pontos, 2005.
98. Сухарева И. М. Инонациональная действительность и художественный характер (на материале творчества современных русских прозаиков Молдавии) // *Русская литература советской Молдавии*. Кишинёв: Штиинца, 1988. С. 123–154.
99. Сырф В. Отражение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в устном и письменном творчестве гагаузов // *Бессарабия и освобождение Болгарии*. Кишинев: Б. и., 2004. С. 97-98.
100. Съвременна българска поезия от Бесарабия и Таврия. Антология. Критически прочити. Одеса: Друк, 2006.
101. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014.

102. Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии, 1964, № 11. С. 43-54.
103. Трофимчук Н. А. Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана // Казаки. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. С. 177-206.
104. Филиппова Е. М. Особенности национального пейзажа в картинах И. И. Левитана и в лирике Н. М. Рубцова // Русский язык и литература во времени и пространстве. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай: МАПРЯЛ, 2011. С. 457-464.
105. Хидирова Э. С. Песня Бэлы в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова: проникновение в мир этнодуховности // Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, Испания, 7–9 мая 2007. Докл. и сообщ. СПб.; Гранада: МИРС, 2007. Т. 2. С. 1189-1194.
106. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.
107. Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Chişinău: Pontos, 2006. С. 25-56.
108. Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература / 50–80-е гг. XX в. / Очерки, 1993.
109. Чеботарь П. А. Гагаузская художественная литература // История и культура гагаузов. Chişinău: Pontos 2006, с. 501-546.
110. Чеботарь П.А. Некоторые аспекты русского рассказа в послевоенной Молдавии // Русская литература советской Молдавии. Кшинев, 1988. С. 155-157.
111. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1985.
112. Шаниязов К. Ш. О традиционной пище узбеков // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1972. С. 4-12.
113. Шарифуллина Ф. Л. Традиционная пища и утварь у касимовских татар // Историческая этнография татарского народа. Казань: Б. и., 1990. С. 68-79.
114. Шихова И. Мир местечкового детства в прозе Я. Тихмана // Revista de etnologie și culturologie. Vol. V, 2010. С.118-121.
115. Этнография каракалпаков XIX – начала XX в. (материалы и исследования). Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1980.
116. Seachir M. Gagauzların istoriası. Chişinău, 1934.
117. Seachir M. Obiceurile religioase ale găgăuzilor // Viața Basarabiei. Chişinău, 1934, nr. 6, p. 4-8.
118. Seachir M. Religiozitatea găgăuzilor // Viața Basarabiei. Chisinău, 1934, nr. 3, p. 21-28.

Список произведений художественной литературы

1. Антология гагаузской поэзии. Комрат: Б. и., 2010.
2. Бабоглу Н. Бужак ежеллери (Буджакские судьбы). Кишинев: Литература артистикэ, 1979.
3. Бошков В. Айазма. Одесса: Маяк, 1995.
4. Бошков В. Верилмиш атеш. Одесса: Маяк, 2004.
5. Булгар С. Жанавар йортулары (Волчьи праздники). Рассказы. Кишинев: Литература артистикэ, 1990.
6. Гайдаржи Г. А. Анна тарафым. Стихи (на гагаузском языке). Кишинев, 1972.
7. Дудогло И. (Самсон) Откровения. Комрат: Б. и., 2010.
8. Дурбайло М. А. Лебеди несут письмо. Огуз-Картал и его люди. Книга первая. Кишинев: Acomed Plus, 2010.
9. Дурбайло М. А. Лебеди несут письмо. Гюн-Вэй и Ашин. Книга вторая. Кишинев: Acomed Plus, 2012.
10. Занет Т. Заманайэрсин, евим. Кишинев: Литература артистикэ, 1990.
11. Занет Т. Заманайэрсин, евим! (Здравствуй, мой дом!). Стихи: Фирма «Дельта». Кишинев, 1989.
12. Илкийаз түркүлери (Весенняя песня). Стихи, рассказы: Кишинев: Литература артистикэ, 1989.
13. Кара Чобан Д. Азбука открытий. Стихи. Пер. с гагаузского. М.: Советский писатель, 1989.
14. Келарь С. Філософія буття. Вірші. Київ: ГСРЛМНМУ, 1998.
15. Кириогло В. Високосный год. Комрат: Б. и., 2006.
16. Кириогло В. В ожидании Христа. Комрат: Б. и., 2001.
17. Кириогло В. Г. Шипы и Розы: Стихи о вере в Бога. Поэтический сб. Комрат: SAYFA-PRINT, 1998. 1
18. Кириогло В. Эхо души. Комрат: Б. и., 2001.
19. Куйумжу М. Тоомсус тарлада йабан гүллери: Аннаматлар. Кишинев: Нурегіон, 1991.
20. Куроглу С. Кауш авалары (Напевы струн). Стихи. Кишинев: Литература артистикэ, 1977.
21. Куроглу С. Кызгын чийләр (Горячая роса). Стихлар. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1974
22. Куроглу С. Родословное древо. Стихи. Поэмы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988.
23. Кыльчик И. Я – колосок земли Буджакской. Комрат: Б. и., 2001.
24. Недов Г. Белые голуби над степью. Стихи. Рассказы о гагаузах и их соседях. Эссе. Кишинев: Muzeum, 1999.
25. Танасоглу Д. Узун керван (Долгий караван). Роман. Кишинев: Литература артистикэ, 1985.

26. Танасоглу Д. Долгий Караван. Главы из романа. Перевод с гагаузского // Кодры. Молдова литературная, 1992, № 6, с. 137-152.
27. Танасоглу Д. Долгий Караван. Главы из романа. Перевод с гагаузского // Кодры. Молдова литературная, 1992, № 7, с. 131-151.
28. Танасоглу Д. Долгий Караван. Главы из романа. Перевод с гагаузского // Кодры. Молдова литературная, 1992, № 8, с. 107-143.
29. Топал И. Против течения (Предисловие к сборнику) // Дудогло И. (Самсон) Откровения. Комрат: Б. и., 2010.
30. Филиоглу В. Айдыннык. Кишинев: Литература артистикэ, 1990.
31. Чеботарь-Гагауз П. А. Жана йакын. Стихи (на гагаузском языке). Кишинев: Литература артистикэ, 1989.
32. Baboglu N. Gagauzların kaderi: Povest. Chişinău: Pontos, 2003.
33. Baboglu N. Güz çiçekleri: Seçmä şiirlär. Chişinău: Pontos, 2003
34. Baboglu N. Uzak yollarım... Seçmä yaratmalar. Chişinău: Pontos, 2009
35. Ergoglo A. Okuyacam seni gözlerindän. Chişinău: Tipografia Centrală, 2013.
36. Filioglu V. Ha, tutunalım kol-kola! Comrat: Б. и., 2004.
37. Gagauz dili hem literatura okumakları VI-cı klaslar için. Kişinöv, 2002.
38. Gagauz literaturası. Hrestomatiya. VIII-IX-cu klaslar için. Kişinöv, 2002.
39. Gagauz dili hem literatura okumakları IX-cı klaslar için. Kişinöv, 2002.
40. Gagauz literaturası. Hrestomatiya X-XI-cı klaslar için. Kişinöv, 2002.
41. Ganeva E. Turnalar. Şiitlär. Kişinev: Grafic Design, 2006.
42. Kara Çoban D. Seçmä yaratmalar. Ankara: Be. y., 2004.
43. Karagançu V.-D. Sizi yazdım kalbimä. Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2010.
44. Karanfil G. Seläm getirdim (şiirlär, mektuplar). Kişinöv: Tipografia „Elena“, 2012.
45. Kösa M. Gerçik erim. Comrat: Б. и., 2004.
46. Kuroglu S. Canıma baaşlarım. Kişinöv: Grafic Design, 2011.
47. Kuroglu S. Yol yıldızı. Chişinau: Be. y., 2000.
48. Mercanka M. Baht nazı. Кишинёв: Be. y., 2008.
49. Vasilioglu K. Vatanım – Bucak. Chişinau: Be. y., 2003.
50. Zanet T. Açlık kurbannarı. Ankara: Be. y., 2009.
51. Zanet T. Akar yıldız. Chişinau: Pontos, 1998.
52. Zanet T. Koorlaşmış ateş. Peetlär hem çevirmelär. Chişinău: Pontos, 2013.

Etnicitatea în literatura artistică a găgăuzilor

Rezumat

Această monografie, scrisă într-o manieră interdisciplinară, este dedicată studiului etnicității în literatura artistică a găgăuzilor. Lucrarea are ca subiect reflectarea diferitelor componente ale etnicității: identitatea regională, identitatea lingvistică și religioasă, concepțiile despre patria mare și patria mică, despre limba maternă, despre apartenența religioasă, precum și despre teritoriul etnic și despre strămoși. În plus, este cercetată reflectarea unor valori morale precum atitudinea față de muncă și față de bătrâni. O deosebită atenție se acordă și analizei realităților etnografice – obiceiurilor și ritualurilor calendaristice și a celor de familie, activităților economice, elementelor de cultură materială.

Autorul lucrării ajunge la concluzia că locul principal între caracteristicile de identificare este ocupat de identitatea regională. În percepția patriei, printre scriitorii de origine găgăuză ce aparțin diferitelor generații, există o unitate tematică și de idei.

De exemplu, aproape toți scriitorii, cântând Bugeacul și stepa lui, folosesc următoarele construcții tematice: natura, peisajele din Bugeac, Patria – casa părintească, Patria mare și patria mică. Comuniunea se observă și în sacralizarea patriei printr-o serie de procedee: prin compararea patriei cu un basm, prin concepția că patria este și soartă, prin slăvirea și venerarea ei, prin declararea sentimentelor de dragoste, prin conștientizarea datoriei față de patrie, prin dorința de a te sacrifica în numele patriei.

Dacă autorii de origine bulgară consideră pământ sacru patria lor istorică, Bulgaria atunci pentru scriitorii găgăuzi, doar Bugeacul este considerat sacru. Acest fapt confirmă prezența unei conștiințe a Diasporei în mediul etnic bulgar și absența unei astfel de conștiințe în rândul găgăuzilor.

Identitatea lingvistică ocupă a doua poziție. Limba este prezentată ca cea mai mare valoare, ca o comoară moștenită de la strămoși, care trebuie protejată. Sacralizarea limbii materne se realizează prin compararea acesteia cu iubita și cu Madona.

Identitatea religioasă se manifestă prin adresarea către Dumnezeu cu rugămintea de a proteja rudele și prietenii, în poezii cu subiecte biblice, în versuri despre sărbătorile bisericești, în lucrări (versuri) ce demonstrează cunoașterea textelor biblice.

În general, există unanimitate între scriitori în ceea ce privește ideile lor despre strămoșii găgăuzilor. Cel mai frecvent în scrierile lor ei menționează oguzii. Pecenegii și cumanii sunt pomeniți cu mult mai rar. De regulă, strămoșii sunt înzestrați cu caracteristici pozitive: puternici, înțelepți, inteligenți, curajoși, războinici, mândri. Scriitorii găgăuzi consideră vasta întindere a stepelor euro-asiatice ca fiind teritoriul etnic al găgăuzilor. Ei creează un mit despre continuitatea statului, menționând existența statalității la strămoșii găgăuzilor și la găgăuzi înșiși (Caganatul turcesc,

Oguzistan, Uzi Eialet, Republica din Comrat, proclamată în timpul rebeliunii din 1906). Ideea principală, transmisă de autori este că găgăuzii fac parte din lumea turcă.

În operele literare în limbă găgăuză se observă o atitudine de respect față de cei mai în vârstă și condamnarea lipsei de respect față de aceștia. În același timp, mai multe poezii sunt dedicate mamei, iar imaginea acesteia este sacralizată. Deseori, autorii se adresează bunicilor, care sunt percepuți nu doar ca cei mai apropiați și dragi oameni, ci, mai ales, ca purtători ai culturii și limbei care transmit nepoților patrimoniul strămoșilor.

Dintre ritualurile și sărbătorile populare, scriitorii preferă de cele mai multe ori Crăciunul, Anul Nou și sărbătoarea Hederlez. Iar din ritualurile de familie, cele mai frecvente sunt nunta și peșitul. Identitatea agricultorului este reflectată în lucrări (preponderent poetice), dedicate băștinei, lanurilor de grâu, valorii pâinii ca produs al muncii omului. Identitatea păstorului este reflectat în opere care se folosesc motive populare din folclorul găgăuz (de exemplu, cântecul popular "Oglan"), precum și în povești despre îndeletnicirea tradițională a găgăuzilor – oieritul.

În perioada de transformare, scriitorii găgăuzi au fost în fruntea proceselor de mobilizare etnică. Prin creația lor (profund populară și etnografică în esență), ei au trezit conștiința etnică, făcând apel la renașterea și păstrarea tradițiilor populare și a limbii găgăuze, precum și păstrarea și întărirea continuității generațiilor. Operele literare ale găgăuzilor, incluse în programul școlar, au cu siguranță un impact asupra tinerei generații, insuflând interes pentru istorie, pentru cultura poporului său, formând o identitate etnică pozitivă în mediul generației tinere.